

Чашка горячего кофе №2

*Что самое важное в
рассказе?*

Рассказы

Стихи

Драбблы

Фотографии

Конкурс: «Мертвый единорог»

Мы рады приветствовать Вас на страницах второго номера журнала «Чашка Горячего Кофе»!
Это журнал посвящен творчеству пользователей нашего сайта ;)
В журнале Вы найдете следующие разделы: Проза, Поэзия и Фотография. В этом номере нашего журнала мы попробуем понять, что же самое важное в рассказе. Еще в нашем журнале Вы найдете отзывы на некоторые прочитанные нами книги. И, конечно же, рецепты кофе!
А теперь подробнее:
Вначале мы поделимся своими размышлениями о том, что самое важное в рассказе? Далее идет раздел прозы, который, в свою очередь содержит подразделы рассказы, драббл и фанфикшин. А также раздел «Роман с продолжением», в котором вы сможете ознакомиться со второй главой произведения «Искусственная душа».
В этом номере Вы найдете следующие рассказы: «Путь домой», «Спираль», «Просто чай с жасмином», «Последний полет Солнечного народа», «Кофеман» и «Разговоры с ветром».
Следующим разделом идет Фанфикшин. В этом номере это произведение «Да все ты врешь»(вселенная Фаллаут), «Отражение»(Гарри Поттер) и «День рождения»(Житие колдуна).
Далее драббл - небольшие прозаические произведения, миниатюры: «Третий ответ», «Пианист», «Украденный поцелуй», «Жажда гения», и другие.
За прозой идет продолжение произведения Макса Писателя «Искусственная душа» и интервью с автором.
Далее Поэзия. Среди множества стихов были отобраны самые лучшие! Наслаждайтесь прекрасной рифмой и мелодичностью.
Следующий раздел новый для нашего журнала. Это раздел с фотографиями. Вы сможете посмотреть фотоработы наших пользователей.
И в конце Вы сможете найти немного интересной информации о кофе!
Мы надеемся, что время, проведенное за чтением нашего, журнала будет увлекательным и интересным для Вас!
Приятного чтения!

P.S.
*Вы подумали что мы забыли?
Конечно нет!
Поздравляем Вас с приближающимися Новогодними праздниками! Мы желаем Вас творческих успехов и процветания в новом году!
Удачи!*

P.P.S.
В начале наступающего года мы хотим сделать своим читателям небольшой подарок... так что ожидайте!

*С уважением, редакция журнала ЧГК
администрация сайта ЧГК.*

Содержание

Слово редакции1
Содержание.....2
Рубрикаотредакции: Что важно в рассказе?.....3-4

Проза..... 5
Рассказы..... 5
«Спираль».....5-12
«Просто чай с жасмином»13-20
«Последний полет Солнечного народа».....21-26
«Кофеман».....27-30
«Разговоры с ветром».....31-40

Фанфикшин.....41
«Да все ты врешь».....41-42
«Отражение».....43-44
«День рождения».....45-48

Драббл..... 49
«Третий ответ».....49
«Пианист».....50
«Украденный поцелуй».....51-52
«Жажда гения».....53-54
«Диалог о счастье».....55
«Чертополох».....56
«Мелодия восприятия».....57-58
«Чертежи».....59-61
«Сон».....62

Роман с продолжением: «Искусственная душа».....63-73
Интервью с Максом Писателем.....74-76

«Мертвый единорог», рассказ-победитель.....77-82

Стихи.....83-88
«Панда».....83
«Другу»84
«Почему кошки не летают?».....85
«Зачашкой горячего кофе».....86
«Золотые часы».....87
«Забудь, что ранило когда-то».....88

Фотографии.....89-92

Что почитать?.....93

Немного о кофе.....95

Слово главного редактора.....96

Что важно в рассказе?

В рассказе главным считаю сюжет.

Подача, оригинальность определяют увлекательность, как следствие, и заинтересованность читателя. Конечно, ошибки и стилистические, и грамматические могут хорошо подпортить картину, да так, что рассказ перестанет представлять какую-либо ценность.

Но, если рассказ интересен, то ему многое могут простить. Это факт.

Даже если рассказ написан стилистически изумительно и не к чему придраться, но сюжет неинтересен, нет изюминки, то текст превращается в красивую пустышку (для примера в учебниках самое оно).

Улыбнутся, похвалят и забудут.

За интересный текст будет борьба.

KaiRon (Вячеслав Кайгородов)

Для меня самое главное в рассказе - это сюжет. По моему мнению, хороший сюжет способен искупить всё :)

Lord

В рассказе... К ангелам рассказы! В любом творении (вплоть до моделей экономического роста и теории струн) важнее всего заинтересованность в нём творца, а уже после - техника реализации.

Если писатель до широко распахнутых глаз удивляется тому, как завернулся вдруг сюжет, то и читатель удивится. Если писатель влюбляется в своего героя, то и читатель влюбится etc.

Если же прежде написания следует сухое планирование того, кто кого и как, то... Формальной логикой почти что все владеют, а оттого удовольствие будет стремиться к нулю. А оно кому-нибудь надо?

Вне всяких сомнений, конечно, много значит отсутствие опечаток и грамотность изложения, но... Но. Рамка без фотокарточки может быть красивой, но лишенной самого смысла своего наличия.

Alex the Panda

В рассказе, для меня, важен прежде всего сюжет. И продуманные характеры персонажей. Это самое главное. За потрясающий сюжет и «живых» персонажей, я готова автору простить тотальную неграмотность, сложный для восприятия способ повествования... Многое, в общем. Ибо заинтересовавшись, я буду читать взахлеб и просто не замечать эти недостатки.

pchoillka

Самое важное в рассказе, на мой взгляд, это то, что автор вложил в суть, что пытался донести до читателя, чему его научить. Бездушные рассказы, возможно, и легче читать, но они не оставляют ничего после прочтения. Такие книги обречены годами пылиться на книжных полках. И в этом нет вины книги, в этом вина автора. Поэтому не стоит говорить, что эта книга не очень, нужно говорить - этот автор не умеет писать. Есть еще рассказы-клоны: предприимчивый человек читает что-либо, написанное великими и думает «а чем я хуже?». Так появляются эти несчастные создания, которые не имеют своего «я».

АнНет (Анна Ступина)

В рассказе как, и в любом произведении важен сюжет. Он должен быть захватывающим. Читателя нужно погрузить в мир созданный писателем. Но если в рассказе будет фальш-обман, это может отвернуть читателя от него. Правдивость написанных строк, вера в правдивость также притянет читателя к произведению. И наконец, Эмоции, переживания главного героя и приближенных к нему людей и не только людей. В эмоции так же нужно поверить. Иначе это будет банальным сериалом с восковыми фигурами в главной роли. Без чувств, эмоций, переживаний. Такие произведения обречены на провал.

hunter (Сергей Рассмагин)

Когда я читаю рассказ-для меня важен отклик, который останется у меня в душе после его прочтения. Хороший рассказ-это рассказ, который заставляет задуматься.

Veterperemen (Юлия Куриленко)

На мой взгляд в рассказе очень большую роль играет эмоции и чувства персонажей. И, конечноже, идея, которую автор хотел донести до читателя. Рассказ может иметь необыкновенный и закрученный сюжет, но если при этом ты не сопереживаешь героям, то чтение становится скучным. Также важна идея повествования. Для меня большое значение имеет смысл, идея, которую хотел передать автор. Мысли, которые возникают уже после прочтения, на мой взгляд это очень важно. Ведь это главная задача писателя - заставить думать, мыслить, развиваться.

dinalt (Владимир Заричнюк)

Спираль

Волна ворвалась на берег, обрызгав стоящего неподалеку пожилого мужчину. Он тяжело дышал, пытаясь не сорваться на крик, его била сильная дрожь, а губы нервно содрогались и шептали нескладные фразы. Глядя на море, мужчина боролся со страхом, сжимая в руках весла. Ночью выходить в море? Безумие! Тем более что ночь была во власти стихий: гром и молнии, подгоняемые ветром, плясали вокруг, не зная отдыха. Еще одна волна, сильнее предыдущей, разбилась у ног старика, и он, не дожидаясь следующей, вскочил в лодку и интенсивно загреб.

Луна осветила его мокрое от пота и хлещущей волны лицо, в тот самый миг, как глаза, наконец, нашли, что искали. На ближайшей скале красовалось величественное строение. Непокколебимая башня на пике природы. Именно к ней так спешил старый человек по имени Георгий Евгеньевич. Он – смотритель маяка. Он – человек, в чьих руках путеводный огонь... Этой ночью маяк погас...

Лодка, затрещав, уткнулась в пологий склон, и в этот момент темень вокруг стала просто непроглядной. Затащив судно на берег, старик направился к башне, стараясь только не поскользнуться на мокрых от дождя камнях. Ударил гром, сверкнула молния и в то же мгновение все стихло. Даже капли дождя разбились о камни в бесшумном всплеске.

Но спустя мгновение, когда мужчина уже взялся за ручку двери, тишина отступила, и гроза вновь вошла в свои права. Одиноким островок содрогнулся под ударами грома и осветился вспышкой молнии. Стена дождя стала плотной, как Лондонский туман. А очередной взрыв грома заставил Георгия дернуть ручку и вбежать в помещение башни.

Из небольшого коридорчика в лицо ему пахнуло теплом и уютом. Тем самым теплом и уютом, о котором так часто грезил старый смотритель еще с юности. От того и пошел он на эту непопулярную службу пятьдесят лет назад и которую несет по сей день. Море и высота снаружи и тепло и уют внутри. Что еще нужно для усталого старого и одинокого человека. Ну, может еще бокал пива.

Над зеркалом висела медная цифра «1». Смотритель сам делал эти цифры на каждый из восьми этажей. Краем глаза он увидел себя в зеркале, поднимающегося по винтовой лестнице. Некогда седые, а теперь черные от воды волосы были растрепаны ветром и даже здесь не желали укладываться. Крюковатый типично старческий нос на изъезженном морщинами лице выдавался далеко вперед. Но вот уже отражение в зеркале скрылось из виду, потому что старик побежал вверх по лестнице. Внезапно его поразила странная пугающая мысль: ему не стоит подниматься. Там наверху было что-то, не подвластное его пониманию и от того еще более страшное.

- Нет, - сказал сам себе старик. - Ты стал слишком мнительным с годами. Если там что-то и есть, то кому, как ни тебе нужно это проверить? Ты смотритель все-таки, старый ты пень.

Уговорив себя таким образом, он сделал первый шаг. Вместе с этим произошло еще два события, никак друг с другом не связанные, но они заставили старика пошатнуться и ухватиться за перила. Невероятно сильно ударил гром, и ноги старика пронзила страшная боль. На секунду он перестал чувствовать конечности. Да что там конечности - он перестал чувствовать себя. Перед глазами поплыли туманные круги, к горлу подступила тошнота, и он едва устоял на взрывающихся ногах. Стихия за стеной маяка не успокаивалась, и старик, отдышавшись, продолжил свой путь наверх.

- Что же с ногами-то? - чуть слышно причитал он, с каждым ударом грома переставляя одну больную ногу за другой. - Никогда ж не беспокоили!

Винтовая лестница ушла за поворот, и вслед за ней поковылял Георгий. Чувство слабости накатывало на него, как прилив за стенами, но он двигался наверх, как мог. Там его цель. Он должен. Просто должен и все. Боль начала уходить, но вместе с ней пропадало и ощущение ног. Они стали отниматься, и каждый новый шаг давался с бо льшим трудом, чем предыдущий. Остановившись отдохнуть, Георгий прислонился к подоконнику. Положил ладони на колени и стал убаюкивать их, так, словно они болели. Только боль исчезла полностью, и теперь уже также полностью пропало ощущение ног. Всё. Он больше их не чувствовал. Для того, чтобы удостовериться, мужчина похлопал себя по коленям, пощипал

икры и постучал пятками о ступени - ноль эмоций! Ноги отказывались реагировать. Но надо идти, во что бы то стало надо. Посмотрев напоследок в окно, он вздохнул и хотел, было, продолжить путь, как вдруг на глаза попала странная картина: за окном, на острове стояли два паренька. Мальчишки лет двенадцати. Стояли неподвижно, как статуи и смотрели в море.

- Эй, вы! - крикнул Георгий, стукнув ладонью по окну. Разумеется, никто его не услышал.

В такую грозу атомную бомбу не расслышишь. Ребята продолжали стоять и смотреть на бушующее море, находясь у самой кромки воды. Стояли, не отстраняясь от приливов, от волн, набегающих каждую секунду, словно и не боялись моря. Будто знали, что оно их не тронет.

- Оно их... не трогает, - звонко прошептал Георгий, испугавшись не на шутку. - Кто они такие? - громче повторил он, уперев ладони в стекло.

Ответа, конечно, не последовало, но старик не успокоился и попытался открыть окно. Несколько секунд, а может и минут работы - оно осталось намертво закрытым. Глубоко вздохнув, Георгий прислонился лицом к окну, чтобы пронаблюдать за странными гостями. Он бы мог спуститься вниз и прогнать их, но что-то его останавливало: может внезапная беда с ногами, может осознание того, что должен идти только наверх, а может... А может и страх. Самый обыкновенный страх неизвестности. Кто были эти незваные гости одному Богу известно, и то если...

Холодное стекло морозило старую кожу, когда Георгий вглядывался в побежденную непогодой даль. Все тоже и все также. Двое ребят, стоящих на самом краю суши и смотрящих куда-то, а может на что-то в море. Прищурившись, Георгий попытался увидеть, что же их так заинтересовало. Но зрение подвело старика, и волны начали сливаться с небом, образуя в мозгу зрителя какой-то кипящий кисель из темных разводов и пятен.

- Бесполезно, - раздраженно сплюнул он, с силой оттолкнув себя от окна. Что-то в раме звякнуло, треснуло и, когда Георгий вернулся к обозрению, ребята больше не смотрели в море. Они смотрели прямо на него. За стеной дождя, часто дышащий смотритель отчетливо видел, как один из ребят медленно поднял руку и также неторопливо выставил указательный палец. Палец смотрел прямо в окно, за которым стоял Георгий. Не в силах отпрянуть от холодного стекла, смотритель наблюдал, как парни снялись с места и медленно, но уверенно (даже слишком уверенно для такой погоды) пошли по направлению к маяку. Старик задержал дыхание, как завороченный глядя на странных ребят. Дождь молотил в закрытое окно, словно пытаясь во что бы то ни стало его открыть. Вдруг с громким криком мимо окна пролетела огромная черная ворона.

- Тьфу ты, - сплюнул старик, со злостью глядя в окно. - Чертова птица! Ненавижу...

Старый смотритель запнулся на полуслове, едва взглянул на почерневшее окно. В окне появилось лицо, и смотрело оно на Георгия. Страшное лицо с вытаращенными глазами поднималось над подоконником, и смотритель узнал в нем одного из ребят стоящих недавно на берегу. Мальчик был одет в темную рубашку и мешковатые брюки на помочах. И поднимался по воздуху, не сводя своих огромных страшных глаз с напуганного старика. Вдруг он расправил руки, и несильно хлопнул ладонями по стеклу. При этом окно задрожало так, будто ребенок ударил со всей дури.

- Войти хочешь, да? - прошептал Георгий, наблюдая, как существо разглядывает по очередности обе свои ладони. - Нихрена!

В его голове происходил водоворот невероятных мыслей. Он в Аду? Или это Рай? А кто тогда они такие? Ангелы? Черты? Почему дети? Чего они хотят? Его жизни? Его крови? Крови... Они вампиры! Точно! Эта мысль вдруг успокоила его, словно он подумал о кресле-качалке или любимом диване, или любимой собаке. Его верный пес вдруг предстал пред ним во всей своей красе: гордый, бравый с вечно влажным носом и добрыми доверчивыми глазами.

- Уходи, Бим! - вмиг опомнившись, взмолился Георгий, взглянув в глаза псу.

Золотистый лабрадор не двигался с места, только открывая пасть в беззвучном лае. Пес надрывался, наверно потому что не слышал собственного голоса. Его глаза засверкали, он ошетинился, а клыки увеличились, наверно, вдвое. Или, может, это игра воображения? Вампиры! Он опять вспомнил вампиров. Это ему хоть что-нибудь даст? Да ничего! Ребенок за окном продолжал изучать собственные ладони, будто приклеенные к стеклу. Вампир не войдет, если его не пригласить! Вот оно!

- Ха! - крикнул старик, возбужденно всплеснув руками и указав на существо за окном. - Ты не прой- дешь!

Внезапно его вновь поразила страшная боль в ногах. Настолько сильно и неожиданно, что он даже вскрикнул. Но устоял и, посмотрев на окно, вскрикнул еще раз: оно было раскрыто настежь! Ребенок, шипя и извиваясь как змея, заползал вовнутрь. Вслед за ним, словно отделенный сиа́мский близнец, появился второй. Тот второй, в отличие от первого молчал и смотрел на море. Его голова была не- естественно повернута назад, но он был жив. Даже слишком жив, для такого положения. Чего не мог сказать о себе Георгий. Он схватился за сердце и теперь стоял, чуть согнувшись и часто дыша.

- Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое! Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; Хлеб наш насущный дай нам на сей день; И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь! – на одном дыхании, заплетающимся языком выговорил ста- рик.

Свободной рукой он размахивал, как будто разгонял туман и, прижавшись к стене, наблюдал за своими палачами. Они плыли, двигаясь полукругом рядом с ним, не приближаясь и не удаляясь. Ноги мужчи- ны горели синим пламенем, а сердце готово было выпрыгнуть из груди и взорваться, разлив повсюду кровь. Его кровь... Вампиры. На последнем издыхании старый смотритель все-таки смог выпрямиться и вот-вот уже собирался оттолкнуть вампира, как вдруг откуда-то издали послышался собачий лай, переходящий в пронзительный вой. Тот он и побежал. Забыл о горящих ногах, о больном сердце, о вампирах и любимой собаке. Забыл и побежал вверх, потому что другого пути он не видел и не знал. Он пришел сюда по делу и ничто его не остановит. Остановился только, когда перед глазами засверка- ла цифра «2». Он снова вспомнил все. И боль и страх. Отдышавшись, он прислушался ко первому эта- жу. Гробовая тишина. Но идти и проверять насколько она «гробовая» ему хотелось в меньшей степени. Поэтому он, преодолевая боль, двинулся вперед по винтовой лестнице, опираясь на стену.

- Карр! - донеслось откуда-то слева. Старик быстро обернулся, глядя на единственное подходящее, как ему казалось, для этого звука место - на окно. По ту его сторону с отвратительным и громким кар- каньем планировал (иначе не скажешь) огромный ворон иссиня-черной масти. Он висел в воздухе, расправив неестественно большие крылья, и, судя по всему, не обращал никакого внимания на ветер. Георгий, не в силах наблюдать за птицей резко подскочил к окну и с силой ударил по стеклу, в надежде отогнать птицу. В ответ ему в полной тишине послышался очередной «Каррр», и ворон улетел, скрыв- шись за стеной дождя.

- Оставьте меня в покое! - зарычал старик, пятясь спиной вверх. Лестница сделала еще один виток, и смотритель увидел цифру «3», висящую слегка скособо́чено. На этом этаже было, как ни странно, теплее. Шум непогоды стих, только мягко постукивал дождь, и тихонечко выл ветер. Окно третьего этажа внушало страх, еще до того, как Георгий поднял глаза. Он боялся и знал, что это окно станет еще одним испытанием. И ему его не избежать. Никак. Смысл бегать? - решил для себя смотритель, приближаясь к окну. Вид открылся впечатляющий: бушующее черное море, разряды молнии, дождь, закручивающийся прямо в воздухе. И корабль. Смотритель даже протер глаза, потому что не поверил только одной детали: судно было парусным. Мало того - оно было как будто бы из другого времени да и, судя по всему, из другого места: корабль не замечал скал, и на мели прекрасно разворачивался. Он явно существовал в этот момент где-то еще.

- Бермуды какие-то, - только и прошептал Георгий, следя за таинственным «гостем». Надо же, не смо- тря на сильный ветер, рвущий все на своем пути и поднятые паруса корабля, судно не двигалось с места, а только раскачивалось в такт волне. Вдруг прямо перед глазами, буквально за окном снова вспыхнула молния. Старик согнулся, прижав ладони к глазам. Его ослепило. В мозгу замелькали белые круги, а окружающий мир исчез, словно его и не было вовсе. Даже звуки: слышен были только неров- ный стук сердца да быстрое дыхание Георгия. Только старик успел расслабиться, как напряжение и страх снова завладели им. Вместе с ними вернулась и боль. Ну, разумеется! Как же без нее-то? Не видя ничего, он, хромая на обе ноги, продолжил подъем. Голова вдруг стала совершенно пустой, и налетев- ший ветер сквозил у него в мозгу. Вместе с ветром до ушей смотрителя донесся знакомый звук: что-то

прошелестело по стеклу и это что-то напоминало птичье крыло.

- Кар, кар, - произнес с сумасшедшей улыбкой старик.

Он шел вверх по лестнице, зная только одно: не смотря ни на что, смотритель должен дойти до конца. Там, наверху случилось что-то странное и он, да-да, именно он, а не кто-то другой должен это испра- вить. Поэтому нужно идти. Вправо и вверх и вправо и вверх и так далее до самого конца. Цифра «4», подсвеченная луной из открытого окна выглядела новее и краше всех цифр до нее. Сусальное золот- це сверкало так мило и празднично, что старый и больной смотритель на миг забыл о тягостях этой странной долгой ночи. Что-то доброе и тихонечко счастливое проснулось в нем и, также как сам Геор- гий по лестнице, стало подниматься вверх, от бьющегося в конвульсиях сердца. Вверх и вправо, вверх и вправо и так далее к глазам, на этот миг ставшим молодыми и полными горячих слез. Долгий миг. Хотя, по правде, что может быть дольше одного мгновения? И старый стал молодым, и гордый стал счастливым. Он стоял, глядя в бескрайнее море, которое как будто специально для него затихло. И за- было море о непогоде, потому что молодой смотритель просто смотрел на него полными слез глазами. Глаза высохли и, удивленные, впитывали как губка все новые и новые слезы. Он не мог плакать. И не умел. Но он и не стеснялся слез. Просто потому что вспомнил все. Все... Все, что ломало и любило его жизнь. И этот маяк. Красивый и статный тогда - теперь опустошенный и забытый всеми. Даже теми, кто его здесь воздвиг. Бывали времена, когда его свет ослеплял, теперь же он молчит. Подумав об этом, смотритель снова постарел и опомнился. Окно было закрыто. Подойдя к нему, Георгий дернул ручку - наглухо. Обернувшись, он с улыбкой посмотрел на висящую на уровне глаз цифру - ничего особен- ного. Обычная цифра, такая же, как и все. Ни лучше, ни хуже.

- Показалось, - прошептал смотритель Георгий, кивая и улыбаясь самому себе. - Вероятно.

И двинулся, хромая и старея, вверх. До его ушей донесся знакомый гай, услышав который старик удовлетворенно кивнул еще раз. Каждый его шаг отдавался болью, такой, что в голове происходил минивзрыв. Пройдя четыре этажа, Георгий научился преодолевать боль. Научился он еще и ходить. Заново. Как русалочка, получившая столь страшный подарок. Конечно, он продолжал идти. Уже скло- нившись и двигаясь чуть ли не на карачках, он все равно шел. Ощущения были такие, словно ему под ногти на ногах неустанно заталкивают швейные иголки, а в подушечки пальцев невероятно острые бритвы. И каждый шаг только глубже погружает их в кожу. И соль. Много соли, рассыпанной по полу. Она, смачиваясь в его собственной крови, попадает в ранки... Георгий был готов вопить от боли. Раз- умеется, он этого не делал.

-левой, правой, - задыхаясь, приговаривал он, переставляя ноги. - Вправо и вверх. Только туда. Да! Да! Я дойду! Ду!

Он внезапно захохотал, держась за грудь вместо живота. Он смеялся и хохотал, глядя вперед. Там, под самой цифрой «5» сидела неподвижно его старая знакомая. Птичка певчая, чтоб она сдохла! На этот раз гипертрофированная ворона сидела тихо, как гипертрофированная мышка, и не сводя черных бле- стящих глаз с Георгия. Завидя птицу, он не остановился, и, прекрасно зная, что она все равно не улетит, не стал шутить ее. Просто не сбавляя и так не быстрого хода, попытался пройти мимо. Разумеется, неудачно. Ворона издала истошный крик и взмахом крыльев опрокинула старика на лопатки. Геор- гий лежал на лестнице, сотрясаясь от беззвучного смеха. Вдруг его запястья что-то коснулось. Пре- кротив смеяться, он обернулся и увидел это «что-то». Рука. Неестественно маленькая и сморщенная рука подбиралась к его запястью. Медленно, даже как-то нерешительно, но при этом целенаправленно. Обладателя чертовой руки Георгий не видел. Если тот и существовал в этом мире, то он скрывался за поворотом. Едва только Георгий подумал об этом, как из-за поворота показалось лицо. Это было самое странное лицо, а видел он их достаточно: совершенно белое, с темными пятнами на месте глаз и огромным пятном вместо рта. Кожа на этом месте постоянно растягивалась, и существо издавало непонятные звуки, напоминающие мычание. Такое громкое, будто лицо пыталось истошно кричать. Старик тоже хотел закричать. От страха и от отчаяния, свалившихся на него в эту ночь. Но не успел, потому что увидел, как страшное лицо сзади обхватывают чьи-то не менее страшные руки: тощие белые, с серебряным блеском пальцы, с когтями тонкими и длинными, как иголки. В этих руках свер- кнуло что-то плоское, и, как Георгий ни хотел не смотреть, он не выдержал. Это была бритва. Может

от испуга, может от перенапряжения, а может из-за недавней вспышки молнии перед глазами смотря-теля вновь заерзали разноцветные контрастные круги, заставившие его зажмуриться на мгновение. Когда он открыл глаза, все было на том же месте. Словно ожидая, пока зритель будет готов, рука на-чала медленное движение, приближаясь к страшному лицу. Георгий в страхе и напряжении наблюдал за всем происходящим. Рука, сжатая в кулак, со спрятанными когтями, наконец, добралась до лица и вдруг остановилась. Георгий тоже замер. Он ждал. Ненавидя себя, он ждал с нетерпением и поэтому с омерзением. Чувствуя желания старого зрителя, рука сделала ему подарок. Она чуть-чуть надави-ла бритвой на кожу, как раз в районе глаз. В месте пореза, начала скапливаться кровь: густая бордового цвета жидкость, расползающаяся пятом вокруг пореза. Затем рука повела бритву вбок, удлиняя ранку и обводя «глаз» кровавым контуром. Лицо продолжало мычать, только все тише и тише и вот уже Георгий стал слышать лишь неритмичное биение собственного сердца, каждый удар которого, раз-умеется, отзывался болью. Но обращать внимание на боль? Сейчас? Ха! Ха-Ха-Ха! И еще раз! Рука тем временем принялась за второй «глаз», наполняя лицо изнутри преотвратнейшей жидкостью. Каждый новый миллиметр пореза, сигнализировал минивзрывом в мозгу зрителя. Поэтому удовольствия от этой наистраннейшей экзекуции он получал в меньшей степени. Обведя оба глаза рука на секунду остановилась. Затем «подползла» ко рту и пронзила тупым ребром бритвы пленку, закрывающую рот. Тут же появилась вторая рука, копия той, что держала запястье Георгия, только с длинными иглками вместо когтей. В страхе наблюдая за всем этим ужасом, Георгий, тяжело дыша, попытался подняться, но, разумеется, не смог этого сделать. После этого он даже не попытался ослабить хватку той, что дер-жала его запястье. Кошмар продолжался. Освободившаяся от бритвы рука, выпустив когти вместе со своей сестрой нацелилась на обведенные глаза. Послышался характерный «чмаф» и вот уже когти-иголки проникают в страшное лицо жертвы. Все глубже и глубже, затем раз и всё! Мерзкая густая жид-кость полилась на лестницу и на Георгия взглянули страшные нечеловеческие глаза: черные, с белым кошачьим зрачком они впились в зрителя. Тут из-за израненного лица показалось другое, очень знакомое. Оно улыбалось по-детски непосредственно и то выглядывало, то пряталось за кровоточа-щей физиономией. Старик в страхе закрыл глаза, заведя знакомое «Отче наш...».

Внезапно рука, сжимавшая его запястье, сдавила его еще сильнее, и послышался хруст, после которого все пропало. И близнецы-вампиры (а старый зритель был абсолютно уверен в том, что мгновение назад перед ним были именно они) и напряженное затишье в воздухе, и - старик обернулся - даже чер-това птица, о которой он на время успел забыть. Надо идти. Все клетки его тела горели в огне боли, но он, чувствуя себя Лазарем, Встал и Пошел.

«б». Осталось не так много, словно говорила эта цифра, глядящая из темноты на своего создателя. По-чему здесь так темно? Окно. С трудом передвигаясь, старик подошел к нему. Нежно, как щеку любимой девушки, погладил ставни и нащупал головки гвоздей. Окно заколочено, потому и так темно, дурья твоя башка! Послышался свист, как из чайника, и Георгий обернулся, ища источник звука. Нашелся он быстро: нетрудно заметить светящееся облако в полной темноте. Оно приближалось сверху к смотри-телю с хаотической скоростью, то ускоряясь, то просто останавливаясь, а то и «отпрыгивая» назад, но все равно не исчезая за стеной. Постепенно, свет от облака стал распространяться вокруг, освещая ту часть пролета, в которой находился Георгий. Он не двигался с места, ожидая, когда же, наконец, облако доползет до него. Как по заказу, объект ускорился и «вошел» в грудь старого зрителя. Дыхание пе-рехватило, и он закашлялся. Попытался согнуться для того, чтоб проще было откашляться, но не смог. Тем не менее, что-то душило его, не останавливаясь ни на секунду. Грудь разрывало от боли. Старый зритель тряс руками, как ветреная мельница, пытаясь ухватить воздух хотя бы ими. Бессмысленно. Последние кислородные капельки слетели с губ, и он почувствовал, как обмякает. В этот момент, все происходящее казалось ему игрой воображения оставшегося без кислорода мозга, тем не менее, он удивился внезапно пошедшему снегу. Причем все бы ничего, да вот, только снег этот шел снизу вверх. Практически обессиленный старик все-таки выкинул вперед руку, схватив одну единственную сне-жинку и, поднеся ладонь к самым глазам, вгляделся в нее.

Чтож, снежинка как снежинка, через секунду уже растаяла, капелькой скатившись по ладони. Тут, ни с того ни с сего, растаявшая снежинка превратилась в кусочек льда. Он впился в ладонь, заставив ста-

рика вскрикнуть. Вдохнув, он, благодаря Создателя, почувствовал свежий, даже какой-то зимний воз-дух, наполнивший все вокруг. А самое главное, он наполнил легкие старика. Отдышавшись, Георгий не без труда распрямился и двинулся дальше, все время оборачиваясь: облако, после «погружения» в тело старика, потеряло часть света и теперь, тускло освещая лестницу, двигалось следом. Мужчина остановился, со страхом следя за преследователем - облако тоже остановилось. Старик сделал шаг впе-ред - оно за ним. И так до самой цифры «7», почти незаметно искрящей (или, может ему казалось - не мудрено) в темноте. Встав под цифрой, он обернулся и с облегчением отметил, что облако, будь оно неладно, наконец, исчезло. На этом этаже было также темно, как и на предыдущем, и «нащупав» гла-зами, привыкшими к темноте, окно, Георгий даже не стал подходить к нему и проверять - ставни были однозначно заколочены. Постояв с минуту, может чуть больше, старик, решил было, здесь сюрпризов не будет и сделал шаг вперед. Только один шаг. И сюрпризы начались. Что-то зашуршало, заерзало, и откуда-то донеслось слабое подвывания. Георгий подкрался к стене и, приложив ухо, стал медленно подниматься, вслушиваясь в звуки. Дойдя до места, где они были самыми громкими и отчетливыми, он остановился.

- И как? - задал стене логичный вопрос.

Стена не отвечала, но звуки резко прекратились. В недоумении он дотронулся кончиками пальцев до холодного кирпича и, вскрикнув, отпрянул. Пальцы погружались в стену, как в желе. Поняв, что он все равно не сможет уйти отсюда, старик снова дотронулся до поверхности, проталкивая руку вперед. Наощупь изнутри стена была просто ледяная. Острый как нож холод крамсал руку, пока Георгий по-гружал ее вглубь. Просунув до локтя и не обнаружив ничего на том конце, он хотел было высвободить ее, но тут в голову пришла идея, которой он просто не мог не воспользоваться. Просунув вторую руку, старик стал «раздвигать» стену. Через некоторое время проем увеличился настолько, что в нем можно было хоть что-то разглядеть, и старик увидел это «что-то». На подставке внутри стены стояла фигурка, бюст только с неестественно длинными руками. Решив, что ему не дотянуться до бюста, «Магомед» решил доползти до него. Забравшись в проем, он пополз вперед. Необычным было то, что его руки проваливались вниз, когда он упирался внутри проема, а вот тело и ноги оставались на поверхности. Хмыкнув про себя, зритель продолжил движение. По мере приближения к бюсту, цвет объекта менялся. С золотистого на серебряно-серый, затем на медно-красный. И вот старик добрался. Лежа на животе с руками, вытянутыми вперед, зритель в ужасе разглядывал собственное лицо на бюсте. Все до мельчайшей черточки повторяло черты его лица.

Старик вздрогнул. Может ему показалось, а может и нет, но бюст моргнул! Как такое может быть? Под-неся трясущиеся руки к нему, Георгий с недоумением обнаружил, что не может дотронуться до бюста. Ладони отталкивались, как два плюса. Внезапно бюст окончательно «ожил». Широко раскрыв глаза, он стал бешено вращать ими. Голова раскачивалась как заведенная, будто он ее разминал. Рот открылся и из него вместе со смрадом и красноватым дымом вырвался душераздирающий крик. Бешено глядя на старика его собственное искусственное «отражение» высунуло язык. Старик пригляделся - изо рта фигурки торчала бритва. Обычная бритва для станка. Она стала удлиняться, все ближе подбираясь к глазам зрителя, а тем временем руки бюста сомкнулись на горле старика. Георгий закричал, не в силах сдерживать ужас и в тот же миг его тело провалилось в поверхность стены. Он падал вниз, крича и извиваясь. Падал так долго, что уже не знал - выживет ли, когда, наконец, упадет или уже нет. На всякий случай он зажмурился...

Открыв глаза, он понял, что лежит на до боли знакомой лестнице, не в силах пошевелиться и не в со-стоянии вдохнуть. Падение вышибло из него весь воздух. Придя в себя, попытался встать, но ноги отказали окончательно. Приподнявшись на руках и оглянувшись, он судорожно вздохнул (кричать уже не было сил): перед ним, буквально в сантиметрах от лица лаяла и скалилась страшная собачья морда. Словно находясь на цепи, она все же не оставляла попыток дотянуться до Георгия. На руках отползая назад, он рассмотрел собаку. Это был огромный трехглавый зверь, каждая из голов которого буквально рвала и метала, глядя на зрителя. Он узнал эту собаку, ее голову: перед ним в страшном бешеном припадке бился его собственный пес Бим! Внимательно посмотрев в сторону собаки, он не без удивления отметил два факта: цепи у пса не было - это раз; и над головой бешеного цербера красо-

валась цифра «8».

- Проскочил! - радостно крикнул старик. – Значит, я добрался! Я наверху! Восемь этажей, всего только восемь этажей, но что я испытал?! - продолжая разговаривать сам с собой, причитал старик.

Обернувшись, он раздраженно сплюнул. От его радости и облегчения не осталось и следа. Прямо перед ним была дверь, а над ней гордо сверкала цифра «9»!

- Что? - выдохнул он. - Откуда? Всего же восемь! Я же самолично делал эти цифры!

Но факт оставался фактом - страшное путешествие еще не закончено.

Глядя на неизвестную дверь, сквозь стоны и судорожные вдохи, с отнятыми ногами, старик потянулся к ручке и распахнул ее. За ней он увидел продолжение винтовой лестницы, освещенное серебряным светом из открытого окна. Лай позади прекратился, и старик, даже не собираясь оборачиваться, пополз в открытый проем. Проникая на неизвестный этаж, смотритель видел, как призрачен становится образ двери. С каждым новым рывком вперед, она все больше исчезала и вот, когда он пересек границу, дверь полностью пропала, ни оставив после себя и следа. Просто лестница, словно и не кончающаяся. Как только дверь исчезла, уши старика пронзил страшный писк. Такой же писк, что сопровождает полоски профилактики по телевизору. Он сводил с ума, усиливался, разрывал перепонки. Георгий попытался закрыть уши, но это было бесполезно: руки намертво примерзли к холодным ступеням. Обессиленный старик лежал и вопил, пытаясь перекричать невыносимый звук, но чем громче кричал он сам, тем сильнее пищало нечто. Закончилось все тем, что мужчина обмяк и закрыл глаза, не в силах бороться с нарастающим кошмаром...

- Карррр, - донеслось до него. - Каррррр! - все более настойчиво звучало в его голове.

Старый смотритель открыл глаза и не знал, радоваться ему или нет. Он находился на самом верху. Он дошел! Он сделал это! Прямо над ним возвышался агрегат с фокусной линзой. Ее он протирал каждый день. И в эту ночь он шел к ней. Шел так долго.

- Карррр! - отвлек его от мыслей настойчивый голос.

Практически без сил старый смотритель повернулся на звук. Перед ним, на окне сидела маленькая птичка. Синица. Он видел их достаточно часто. А где же ворона? Все сомнения старика развеялись, когда синица открыла клюв и издала знакомый звук.

- Карррр!!! - крикнула она.

- Тише, - произнес тихий невозмутимый голос.

Уже ничего не боясь, старик обернулся. Мимо него к птице подошел человек, опирающийся на длинную кривую трость. Птица, завидев его, плавно взлетела и также плавно опустилась на плечо человеку, как попугай пирату. Когда человек обернулся к Георгию, тот даже не удивился: перед ним стоял он сам.

- Кто ты? - спросил старик.

- А ты не видишь? - оглядев себя, ответил человек с тростью.

- Что тебе надо?

- Только чтобы маяк работал, - улыбнулся человек с тростью. - А тебе?

- Почему он не работает? - спросил старик, даже не пытаясь подняться.

- Потому что ты потушил его, - просто ответил человек с тростью.

- Я? - искренне удивился старик. - Когда?

- Полвека прошло с тех пор, - снова улыбнулся человек с тростью. На этот раз его улыбка была грустной.

- Это был несчастный случай, - прошептал старик.

- Ты оставил маяк без смотрителя, - зашагал вокруг старика человек с тростью. - А ведь он был так юн.

Как и ты впрочем.

- Это был несчастный случай, - повторил старик, склонив голову. - Я знаю это.

- Ты знаешь только то, что тебе осталось жить всего год. А там, - человек указал своей тростью на дверь, - целых триста шестьдесят пять ступеней.

- Что заставит маяк работать? - закрыв глаза, спросил старик.

Человек с тростью заулыбался:

- Только рассвет.

- У меня есть выбор? - поднимаясь на руках, поинтересовался старик, хотя прекрасно знал ответ.

- Выбор есть всегда. Но лично у тебя он между закатом, - он указал на дверь, - и рассветом, - он указал на окно.

- Маяк мертв без смотрителя. Ты знаешь это! - сказал старик своему брату близнецу, подходя к окну.

Ноги больше не болели. Он распахнул окно и вдохнул свежий утренний послегрозового воздух.

- А смотритель без маяка, - улыбнулся человек с тростью, которого убил несчастный случай полвека назад.

Сделав последний вдох, старый смотритель прыгнул вниз, ухватившись за рассветный луч. Полвека назад он совершил этот прыжок, и теперь, в рассветном сиянии, наконец, обрел покой...

Дверь на самом верху маяка захлопнулась и исчезла, а вслед за ней пропадал и маяк, так долго ждавший своего смотрителя. Фокусная линза, исчезая, вдруг вспыхнула ярким полным жизни светом и осветила двух мальчиков, медленно уходящих в тлеющий горизонт.

Tabic (Антон Сергеев)

Просто чай с жасмином

I

- А вот где хотите, там и ищите! – с вызовом кинул Алексей. – Я сразу вам говорил, что ничего не выйдет! Что мутная эта история! – Как бы отстраняясь от всего происходящего, он встал и, подойдя к окну, уставился на улицу.

И он был прав - ситуация не из приятных: деньги надо отдавать через шесть дней, а основную часть суммы они так и не смогли найти. За шесть дней нужно было достать семьдесят тысяч рублей. А откуда их взять троим бедным, неработающим студентам?

- Да не психуй ты так! – попытался успокоить его Денис. – Обязательно что-нибудь придумаем!

- Придумаем... - с сомнением проговорил тот. – Что вот тут придумаешь? Думать раньше надо было, когда ты с этими самарскими чуваками пиво пил!

- Да иди ты! – огрызнулся Денис.

Ребята из Самары появились на горизонте несколько месяцев назад. Денис познакомился с ними на дне рождения у однокурсницы. Парни были доброжелательные и общительные: много спрашивали про Уфу, рассказывали о своем городе.

Через пару недель после этого Денис вновь случайно встретил их - они сидели за соседним столиком в кафе, где тот праздновал успешную сдачу сессии с друзьями. Они разговорились как старые приятели, вместе выходили курить на улицу. На резонный вопрос Дениса, чем самарчане занимаются в Уфе, те с воодушевлением рассказали историю, вокруг которой все и закрутилось. По их словам, приехали они в город полгода назад для скупки старых раритетных швейных машинок «Зингер». Но не всех подряд, а тех, у которых серийный номер начинается с определенных цифр. В литой конструкции этих редких машинок содержится некий дорогостоящий металл – то ли платина, то ли цезий (Денис не был силен в химии и не стал запоминать). Видимо, раньше ценность этого материала была не так велика, и он шел просто как компонент сплава. Сей факт вскрылся совсем недавно, и теперь за ними, машинками, была объявлена настоящая охота. «Стоимость каждой может доходить до сотни тысяч!» - проникновенно сказал один из них. А так как в Самарской области все машинки уже были скуплены, ребята и приехали в Башкирию, где, по непроверенной информации, еще пылились в глухих деревнях несколько десятков старых «Зингеров». «Вот ведь чудачки! – подумал тогда Денис. – Какой только ерундой люди не занимаются!». И нехотя обменялся номерами телефонов с новыми знакомыми: «На всякий случай, - сказал их главный, - если вдруг кто-нибудь предложит купить машинку, сразу звони нам! Если это будет та самая серия, получишь десять процентов от стоимости!».

- Хватит ругаться! – вступил в разговор третий участник, Артур, безмолвно сидевший до этого в углу дивана. – Давайте еще раз продумаем все варианты, откуда можно взять денег.

- Какие на фиг варианты! – взорвался Алексей. – Нет никаких вариантов! И денег тоже нет!

- Леха! Я на твоём месте все-таки подумал бы насчет кредита. Ты разговаривал с братом?

- Разговаривал. Не подпишется он на это дело. Делать ему больше нечего, как брать кредит в помощь трем раздолбаям!

- Это понятно, - Артур разглядывал затылок своего приятеля, как будто мысленно пытался на него воздействовать. – Но среди этих трех раздолбаев есть его братишка.

- Да плевать ему на это. Так и сказал – это твои проблемы, сам их и решай. И вообще, хватит уже о моем брате! Может, ты уже позвонишь своим родителям? – Алексей развернулся и в упор посмотрел на Артура. – Твой отец адекватный, он все поймет, поможет нам в этой ситуации.

- Не дадут они денег, - отрезал Артур. – Сколько можно об этом говорить? Почему чуть что, ты сразу вспоминаешь про моего отца?

- В прошлый раз он нас здорово выручил, если ты не помнишь. К тому же, ты обещал нам золотые горы! Вот и покажи нам их, эти горы!

- Уф, Леха! – завыл Артур. – Хватит ныть!

Вероятно, вся эта история не случилась бы, если б Артур не начал подрабатывать барменом. Именно там, в баре «Красный шакал» он услышал разговор между двумя охранниками. Один – здоровый упитанный ветеран чеченской войны – рассказывал другому о своем знакомом, который несколько месяцев рыскал по башкирской глухомани в поисках швейных машинок «Зингер» той самой «платиновой» серии, нашел несколько штук и даже приобрел. Но вот ведь незадача – московские покупатели оказались ненадежными партнерами, норовят обвести его вокруг пальца и он уже не хочет иметь с ними дело. А тут еще одна напасть - срочно нужны деньги: появился отличный вариант расширить жилплощадь, какие-то алкоголики продают шикарную квартиру в центре города чуть ли не за полцены. В связи с этим, предприимчивый молодой человек готов сплавить машинки за сущие копейки: тридцать тысяч за каждую.

На следующий день за кружкой пива Артур рассказал об этом друзьям. Денис сразу вспомнил о дельцах из Самары и предложил свести их с другом охранника. Обещанные проценты со сделки заставили его глаза сиять: «Это же по три «рубля» с машинки! – восторгался он тогда. – Сколько их там у него всего? Это же деньги из воздуха!». И тут Артура осенило: зачем просто сводить покупателя и продавца, если можно самим поучаствовать в этом прибыльном деле в качестве перекупщика. Нужно было только найти деньги, чтобы приобрести ценный товар через охранника. А потом продать его самарчанам в разы дороже. Денис, покопавшись в телефонной книге своего сотового, нашел номер самарчан и тут же позвонил им. Те с радостью подтвердили готовность скупать «Зингеры» по восемьдесят тысяч за штуку и продиктовали диапазоны серийных номеров требуемого товара. «Итого, - сказал тогда Артур тоном заговорщика, - ожидаемый доход с этого дела составляет по пятьдесят «штук» с каждой железяки! Дело за малым – нужно только найти деньги!»

- Я тут еще раз продумал все возможности, - произнес Денис, - и пришел к выводу, что помощи ждать не откуда. Нужно своими силами искать это «бабло»...

Артур даже подпрыгнул на месте, потом сложился пополам в приступе истерического смеха.

- Спасибо, кэп! – воскликнул он, давась от гогота.

- Вот вы ржете, - обиженно сказал Алексей, - а мне завтра с Тимуром встречаться. У нас лекция вместе будет, по философии. Он всяко спросит про деньги...

Тимур был однокурсником Алексея. А еще он был родственником какого-то местного воротилы – то ли бандита, то ли бизнесмена, то ли депутата (Алексей слабо разбирался, чем различаются эти понятия). Тимур постоянно участвовал в проектах всемогущего родственника, и у него всегда были деньги. Когда Алексей подошел к нему с просьбой одолжить весомую сумму, тот особо не стал уточнять детали, а просто принес ему сто тысяч рублей. Договорились, что Алексей вернет ему сто двадцать тысяч через две недели.

В тот же день друзья встретились со знакомым охранником из бара «Красный шакал». Поторговавшись и сверив серийные номера, они купили у него четыре черных тяжелых «Зингера» по двадцать пять тысяч за каждого.

Может быть, уже тогда Денису стоило обратить внимание на маленькую деталь в общении с этим проворным парнем: говорил он те же слова, что и самарчане, фразы и словосочетания во многом повторяли то, что Денис уже когда-то слышал. Если бы Денис тогда внимательнее прислушался к его речи, то, возможно, понял бы, что продавец машинок явно знаком с товарищами из Самары.

Дозвониться до самарских покупателей в тот день не получилось – они не брали трубки. Объяснив это их крайней занятостью, друзья отвезли приобретения на съемную квартиру, где жили Артур с Денисом, и на радостях напились.

В университет на утро никто не пошел: слишком хорошо вчера посидели. Артур, в придачу, не смог заставить себя пойти на работу в бар. Позвонил его шеф и торжественно объявил, что увольняет Артура. В нелестных выражениях он потребовал, чтобы тот пришел и забрал свои шмотки, на что Артур сказал, что шмоток никаких нет, и приходить он не будет. «Да фиг с ним! – радостно заявил он после разговора. – Я теперь могу какое-то время вообще не работать! Денис, звони нашим самарским друзьям!». Нужно ли говорить, что дозвониться до самарчан не получилось ни в этот день, ни в последу-

ющие: сначала они просто не брали трубки, а потом на звонок стал отвечать приятный женский голос: «Номер не существует или не зарегистрирован»...

- Можно попросить Тимура подождать еще несколько дней, - предложил Денис.

- Он не согласится, - сказал Артур из своего угла дивана, в котором сидел, обхватив руками колени. - Мне кажется, что Тимур уже сам нервничает. Морозить его больше нельзя.

- Вот именно, - Алексей немного успокоился, плюхнулся на диван рядом с Артуром и мрачно продолжал: - Вчера, когда я видел его в универе, вид у него был такой... эээ, как говорится, решительный. Сказал, что на следующую встречу придет с битой. Что-то мне подсказывает, что он не шутит.

И это было правдой. Шутить Тимур не любил. Последний раз Алексей видел улыбку на его лице перед тем, как рассказал ему всю эту историю с «Зингерами» и попросил подождать с деньгами еще неделю. Тимур по-дружески понял однокурсника и вошел в его положение. Когда через неделю денег опять не было, Тимур даже отказался от процентов и согласился на возврат только исходной суммы в сто тысяч. На просьбу Алексея помочь выйти на след самарчан через «свои каналы» тот ответил решительным отказом, аргументировав тем, что «если человек не дружит с головой, то это его личные проблемы».

Тем временем, Артуру все-таки пришлось посетить бар «Красный шакал». Охранник лишь развел руками, сказав, что его приятель как в воду канул: «Если найдешь его, сразу мне цинкани – я его урою! Козел, он мне еще семь «косарей» должен остался!». Тщательный поиск в интернете тоже не приободрял. «Гугл» учтиво подсказывал, что можно продать имевшиеся машинки максимум за две-три тысячи каждую. Делать было нечего, и друзья спланировали три «Зингера», выручив при этом восемь тысяч. Потом они прошлись по знакомым, любимым девушкам, просто сочувствующим и назанимали еще какое-то количество денег. На данный момент в общем банке было двадцать девять тысяч, а значит, недоставало еще семьдесят. Именно эту сумму им и предстояло добыть за оставшиеся шесть дней. У всех была уверенность, что Тимур ждать больше не намерен...

Все это напоминало Денису одну из сцен фильма «Карты, деньги, два ствола», причем с главным героем Эдом он отождествлял Артура. И не без оснований: в экстренных ситуациях, когда требовался трезвый расчет, нестандартный творческий подход и решительность, их выручал именно Артур. Вот и сейчас, казалось, он что-нибудь придумает, вынесет какое-нибудь решение и спасет ситуацию.

Пауза зависла. Артур как будто и не замечал, что оба друга пристально смотрят на него. Он медленно и методично перебирал все варианты в уме. Когда они закончились, он сказал:

- Хорошо, сегодня вечером я позвоню отцу и попрошу его дать денег. Вероятно, в займы. Потом все устраиваемся на работу и начинаем отдавать ему долг. По моим прикидкам, за полгода реально отработать такую сумму.

- Конечно, реально, - согласился Денис, - отдадим, не вопрос. Но ты говорил, что он пошлет нас куда подальше и не даст...

- Пошлет, - согласился Артур, - обязательно пошлет. И вряд ли даст.

- Не понимаю, какой тогда смысл звонить? – удивился Алексей.

Артур посмотрел куда-то в сторону и вверх и ответил:

- Я что-нибудь придумаю.

II

Рубль уверенно падал по отношению к доллару, и с этим приходилось мириться. С этим ничего не поделаешь, - таков был общий вывод, озвученный телеведущим.

Рафаэлю Ириковичу был непонятен пафос, с которым тот это говорил.

Ну да ладно, - решил Рафаэль Ирикович. Он уже давно перестал удивляться тому, что лилось с телеэкрана, и особенно тому, с какими лицами они все это говорят.

Он отпил кофе из чашки и покосился на часы. Подходило время спортивных новостей. И хотя маленький кухонный телевизор стоял в полуметре от него, он переключил канал с пульта.

Спортивный комментатор был не лучше предыдущего – легкомысленный желтый галстук, буйная, как будто бы непричесанная шевелюра. Разгильдяй разгильдяем, - подумал Рафаэль Ирикович, - и откуда

они таких только берут?

- Да что ж ты за на хер! – вслух выругался он.

«Салават Юлаев» опять проиграл. И не кому-то из грандов, а заштатному «Автомобилисту». Куда все это катится? Уже и в хоккей уфимцы разучились играть! Когда он жил и работал в Уфе, такого безобразия не было!

Раздался телефонный звонок. Рафаэль Ирикович схватил трубку и снял очки, разглядывая дисплей телефона.

- Тебе-то чего надо в такую рань? – произнес он, разглядев на нем имя одного из своих коллег. Потом нажал кнопку ответа и громко, решительно сказал в динамик: - Да!.. Приветствую!.. Нет, не разбудил. По какому?.. Нет, я против! Нет, так не пойдет! Я не хочу, чтобы они выиграли этот тендер!.. Нет, нет и еще раз нет!.. Нет, Вадим Робертович, не пойдет так!.. А я говорю, сделай что-нибудь!.. Давай, всего хорошего!.. В одиннадцать жду тебя на оперативке, там и поговорим! – закончив разговор, Рафаэль Ирикович гневно отбросил трубку и пробурчал: - Раздолбай! Ничего не могут без меня решить! Скоро в туалет сходить будут у меня разрешение спрашивать!

Он нацепил очки на нос и вернул свой взгляд к телевизору.

Утро было безвозвратно испорчено, а вместе с ним и настроение Рафаэля Ириковича. В таком расположении духа от него ничего хорошего ждать не приходилось. Теперь он точно всех разнесет в пух и прах. Начнет он, скорее всего, с личного водителя (кстати, где он? неужели опаздывает?), затем придет очередь секретарши (опять, небось, чай с утра гоняет и треплется по служебному телефону), ну а потом оперативка (сам Бог велел там раздавать, как любил выражаться Рафаэль Ирикович, «звездюлей», и тендер тут как раз подходящий повод).

В громадном холле, выполнявшем функции кухни, столовой и прихожей одновременно, появилась Анна Георгиевна, жена Рафаэля Ириковича. Она только что вышла из ванной, на ней был фиолетовый халат, вокруг головы намотано полотенце.

- Что за шум, а драки нет? – мило улыбаясь, спросила она. – На кого это ты тут с утра пораньше ругаешься?

- Я не ругаюсь, а говорю, - поучительно ответил тот. – Этот Ахметов заколебал уже, честное слово. Уже по утрам звонить начал! Понабрали бездарей тупорылых!

- Рафик, - ласково сказала Анна Георгиевна, - может еще кофе?

Она знала подход к мужу - ведь они столько лет вместе. И ей не нравилось, когда он такой сердитый, особенно с утра. К тому же, у нее был разговор к нему, будет лучше, если он будет в хорошем настроении. И единственное, что может сейчас помочь - это кофе. Не смотря на возраст и проблемы с давлением, Рафаэль Ирикович любил этот напиток и не отказывал себе в удовольствии употреблять его.

- Пожалуй, успею выпить еще чашечку, - ответил Рафаэль Ирикович, глядя на часы. Он закинул галстук на плечо, чтобы не испачкать, и принялся намазывать масло на хлеб. – Эту страну погубит коррупция!

– продолжал он нравоучительным тоном. – Пока к нам на работу будут устраивать всяких блатных идиотов, типа этого Вадима Робертовича, у нас в тресте будет бардак! Ну не может человек быть таким тупым и одновременно сидеть в кресле главного инженера! Так-то, Аня! С такими инженерами мы в лужу сядем. Человек должен добиться всего сам в этой жизни. Если он не бездарь, то пробьется. А если бездарь, то и черт бы с ним, пусть идет подметать улицу. И начинать надо с самых низов. Со станка, так сказать... - на минуту он задумался, разглядывая бутерброд, а потом прибавил: - Вот как я, например. И да, он был прав. Рафаэль Ирикович сделал блестящую карьеру. Точнее - делал, потому что занимаемое им место начальника одного из крупнейших строительных трестов республики было далеко не пределом его возможностей и талантов. Да и возраст позволял подниматься по карьерной лестнице дальше. Так думали не только коллеги по работе, но и люди в министерстве и даже выше. Сам Рафаэль Ирикович тоже не скрывал своих амбиций. В определенном смысле, он был сам себе идеалом и примером для подражания. Не идиолом или кумиром, а просто очень трудолюбивым и преданным своему делу человеком, исполненным честности и принципиальности.

Пожалуй, самым главным достижением он считал то, что достиг своего положения, начиная с самых низов, «со станка», как он сам любил говорить. И без чьей-либо помощи: без блата, без могуществен-

ных родственников, без подхалимства и без подсиживания коллег.

Когда он в двадцать с небольшим лет закончил уфимский техникум, постперестроечная разруха отбила желание возвращаться в родной Стерлитамак. Рафаэлю Ириковичу казалось, что только в столице республики можно реализовать себя и обеспечить себе достойное будущее. Молодые выпускники тогда не особенно ценились, найти высокооплачиваемую работу по специальности было крайне тяжело, и ему пришлось довольствоваться местом токаря, в прямом смысле, у станка. Три года они с Анной Георгиевной и маленьким сыном скитались по съемным квартирам, прежде чем смогли получить комнату в общежитии. В мерзком, грязном, полном тараканов и вечно пьяных соседей, общежитии.

Но потихоньку жизнь налаживалась. Рафаэль Ирикович благодаря своим способностям продвигался вверх по карьерной лестнице, доходы семьи росли. Через несколько лет они купили свою первую жилплощадь – маленькую однокомнатную «хрущевку» на окраине города, потом расширились до «двушки» в более престижном районе. Параллельно Рафаэль Ирикович пересел из старого дряхлого «жигуленка» в почти новый «логан»...

Со временем преуспевающий специалист вырос в опытного управленца, добился доверия руководства и был назначен на должность директора строительного комбината. А когда в Стерлитамаке с позором был уволен проворовавшийся начальник местного промышленного гиганта, его место было предложено принципиальному и честному Рафаэлю Ириковичу. Тот, ни минуты не сомневаясь, согласился вернуться на историческую родину...

- Ты не передумал насчет Артура? – спросила Анна Георгиевна, подливая кофе в чашку Рафаэля Ириковича.

- А чего тут передумывать-то? – удивился он. – Сам влип в эту историю, пусть сам и выпутывается. Он же у нас самостоятельный. Живет в столице, квартиру снимает. Пора бы уже и голову в порядок приводить.

- Рафик, ну не говори так. Мальчик попал в беду. Неужели тебе его не жалко?

- Ему уже двадцать лет! Перестань называть его мальчиком!

- Двадцать один, - поправила Анна Георгиевна.

- Не важно!

- Кроме всего прочего, он наш сын. Любимый сын. Все совершают ошибки. Вспомни себя в молодости!

- Я никогда не делал таких глупостей. Занять сто тысяч на такую ерунду! Это ж уму непостижимо! - Рафаэль Ирикович с укоризной посмотрел на жену. – И ты его еще защищаешь.

- Рафаэль, ты же сам его всегда приучал быть смелым и предприимчивым! Если ребенок ошибся, то это вина и родителей тоже. Недостатки воспитания...

- Смелым! – он поднял указательный палец вверх. – Смелым, а не глупым! Аня, его затея с этими машинками – верх тупости и недалекости. Уроком ему будет!

- Ну, Раф, не будь таким упёртым! Он же хотел как лучше. Денег заработать... Артурчик придет завтра к нам. Он хочет провести выходные у нас. Поговори с ним. Ему нужна твоя поддержка. Ему нужна наша помощь.

- Пусть приезжает. Поговорим, поддержим, но денег не дам, – отрезал Рафаэль Ирикович. – На денежную помощь пусть не рассчитывает.

Видимо, даже у Анны Георгиевны, много лет знавшей своего мужа и имевшей к нему подход, бывали неудачи. Она бессильно опустила руки.

Во дворе просигналила машина. Анна Георгиевна подошла к окну и выглянула наружу. Увидев там служебный автомобиль Рафаэля Ириковича, она сказала:

- Кажется, Саша приехал.

Грозный и раздосадованный начальник треста поднялся и двинулся к двери. Надевая на ходу пиджак, он говорил сам себе:

- Опоздал на три минуты... Ну, Сашка, ну, раздолбай! Останешься ты у меня без премии!

III

Они вышли из темного подземного перехода и продолжили свой путь по солнечной улице.

- Зря ты все-таки позвонил ему, - нарушил молчание Денис. – Такие дела не решаются по телефону.

- Не зря, - ответил Артур. – Нужно было его подготовить.

- Подготовил... Он же тебя послал куда подальше.

- Ага, - согласился Артур. Отвечал он с неохотой и несколько рассеянно. По всему было видно, что его внимание занято чем-то другим, что мысленно он не с Денисом, а где-то далеко.

- То есть теперь, когда он послал тебя, ты уверен в том, что он даст нам денег? – недоумевал Денис.

- Не уверен. Скорее, уверен в обратном. Думаю, что не даст.

- Ты говоришь загадками. Я тебя не понимаю.

- Ага, - только и сказал Артур, чем вызвал раздражение Дениса. Тот терпеть не мог, когда его друг ведет себя так, как сейчас: односложно отвечает невпопад и не хочет ничего объяснять.

Проходя мимо супермаркета, Денис вспомнил:

- Надо зайти в магазин. Дома жрать нечего. Может, пельмени возьмем?

- Давай возьмем, - согласился Артур. – И кефир!

- Удивляюсь я тебе. Как ты ешь пельмени с кефиром? – спросил Денис, не ожидая, впрочем, получить ответа. И тем более был удивлен, когда Артур сказал:

- Нет ничего вкуснее, чем пельмени с кефиром, - и они вошли в приветливо распахнутые двери.

В супермаркете Артур не пошел к холодильнику с полуфабрикатами и кисломолочными продуктами, а как вкопанный остановился перед длинными полками, на которых были выставлены коробки с чаем, кофе и сопутствующими им товарами. Как зачарованный он разглядывал разноцветные упаковки, словно бы вчитываясь в каждую написанную на них букву.

- Ну что еще там? – нетерпеливо спросил Денис. – У нас же есть дома чай. И кофе тоже еще остался.

Артур не удостоил его ответом. Но Денис и не думал прерывать изыскания друга. Опыт подсказывал ему, что возможно сейчас Артур обдумывает что-то крайне важное. К тому же, отрывать его от размышлений было делом бесполезным: он ни за что не сдвинется с места, пока не завершит начатое.

Нужно заметить, что Артур обладал талантом. Без сомнения, врожденную способность изменять окружающий мир кроме как талантом не назовешь.

Реальность представлялась ему в виде детских образов и понятий.

Иногда это была россыпь деталей от строительного конструктора, где маленькие кирпичики – это события, люди и их действия. Артур же, как архитектор, возводил из них здание действительности. Эти кирпичики были полностью в его власти, он мог делать с ними все, что только пожелает. Причем, каждый из них мог быть как неким глобальным событием, так и ничтожной с виду деталью, какой-то мелочью, которая на первый взгляд не несет в себе ничего существенного, что не делает ее менее значимой по сравнению с другими.

Архитектор реальности – красивое название, которым он часто себя именовал.

Будучи ребенком, он как-то раз посмотрел по телевизору передачу, посвященную истории телефонной связи, и навсегда запомнил черно-белые кадры, на которых женщины-телефонистки перetyкали штекеры из одного гнезда в другое, чтобы обеспечить соединение между различными абонентами.

Сложные жизненные задачи, когда необходимо было сделать выбор и просчитать возможные последствия решений, ассоциировались у Артура с подобными механизмами. На одной стороне коммутатора были создававшиеся ситуации, на другой – желаемые и не желаемые исходы, а кабели между ними – это решения и поступки людей, попавших в эти ситуации. По его мнению, большинство людей путаются и втыкают штекеры почти наугад. Зачастую они просто не могут правильно оценить положение и поступают заведомо ложно. Себя же Артур относил к числу тех, кто в совершенстве владеет искусством манипулирования штекерами. Повелитель шнуров, способный видеть абсолютно все входы и выходы всех без исключения коммутаторов.

В его понимании, основная часть окружающих делится на две группы: те, кто привык доверять своим чувствам, действующие по наитию, и те, кто опирается на железную логику и трезвый расчет. И лишь

незначительное количество людей относится к тому типу, к которому принадлежал и Артур. Это способные совместить в себе первое со вторым: ощущения и разум, интуицию и здравый смысл. «Нужно жить в гармонии со своим внутренним Я, - любил говорить он, - слушать сердце и разум одновременно. Только в этом случае можно выбрать нужный шнур и гнездо под него».

Артур искренне верил в то, что сможет отдать долг Тимуру, его разум искал способы добычи искомой суммы.

«Если очень захотеть, - часто повторял он цитату из детства, - можно в космос полететь». А найти деньги он очень хотел.

Денис вернулся к приятелю с покрытой инеем пачкой пельменей, пакетом кефира и булкой хлеба. Какое-то время он стоял рядом с Артуром, переминаясь с ноги на ногу, и начал было разглядывать коробки с чаем. Каких сортов и видов тут только не было: красный, черный, травяной, со вкусом клубники и корицы, с бергамотом и лимоном...

Наконец, Артур сделал выбор. Он протянул руку и взял с полки упаковку зеленого чая с жасмином. Он слегка потряс ее, будто взвешивая, и его губы растянулись в довольной улыбке.

- Кажется, я знаю, что нужно делать, - сказал Артур, повернувшись к другу.

IV

К удивлению Рафаэля Ириковича, за столом о деньгах говорили мало и совсем не то, что он ждал. Он был готов к долгому и нудному муссированию этой темы, предполагал возможные истерики, слезные выпрашивания денег и клятвенные обещания не ввязываться впредь в сомнительные истории.

Вместо этого Артур рассказывал про будни университетской жизни: о занудливых преподавателях, сданных курсовых, предстоящих коллоквиумах, низкой стипендии и отсутствии возможности адекватной подработки. «Парень явно подрос, - думал про себя Рафаэль Ирикович, невольно умиляясь суждениям сына, - уже совсем большой и здравомыслящий. Весь в меня.»

Поговорили о столичных новостях. Артур поведал о новостройках города и недавно открывшемся театре. Рафаэль Ирикович не совсем к месту вспомнил о том, как они с Анной Георгиевной в молодости гуляли в парке неподалеку от университета, в котором учился Артур.

Анна Георгиевна подкладывала сочные голубцы в тарелку Артура. Соскучившийся по домашней пище студент с аппетитом уплетал их и довольно улыбался в ответ, чем доставлял вполне естественное удовольствие матери.

В целом, все напоминало чинный семейный ужин с благопристойными беседами, сыновней учтивостью и родительской заботой. Вот только Рафаэль Ирикович продолжал ковыряться вилкой в своей тарелке, с минуты на минуту ожидая перехода разговора к наболевшему вопросу о махинациях Артура. Но тот, казалось, и не думал обсуждать эту тему.

Поевши, сын с матерью удалились в сад, где она показала ему вымахавшие за последний год яблони и начавшие плодоносить вишни. Когда они вернулись, Артур вопросительно и несколько виновато посмотрел на родителей. «Ага, вот оно, - подумал Рафаэль Ирикович, - наверно сейчас начнет кланить деньги». Но вместо этого Артур сказал, что хотел бы немного погулять с бывшими одноклассниками.

- Сто лет не виделись, - оправдывался он, - давно не был в Стерлитамаке. А у Вики позавчера был день рождения. Она приглашала...

Анна Георгиевна со словами «Купишь ей какой-нибудь подарок, нехорошо заявляться на день рождения с пустыми руками» сунула несколько сторублевых купюр в карман Артура и какое-то время смотрела в окно, провожая сына взглядом.

- Правда, он у нас умничка, - сказала она, когда он скрылся из виду.

- Лоботряс он, - буркнул Рафаэль Ирикович, взгромождаясь на табурет за барную стойку и щелкая пультом от телевизора. - Мог бы посидеть с родителями, а не шататься с друзьями.

- Рафик, ты слишком строг с ним, - как и любая мать, Анна Георгиевна отстаивала сына до последнего.

- Молодежь, им нужно общаться.

- Все равно, он раздолбай, - ответил ее муж и нацепил очки. - Налей, пожалуйста, мне кофе.

- Ага, сейчас, - она вернулась на кухню. - Кстати, может быть, попьем чай, который нам привез Артурчик?

- Чай? Ах, да, - Рафаэль Ирикович критично взглянул на зеленую упаковку, но нехотя согласился: - Ну, давай. Давненько не пил чай.

Однако стоило кружке оказаться рядом с ним, как тут же внутри него что-то дрогнуло. Горьковатый аромат жасмина пробудил в нем далекие забытые воспоминания. Ассоциации были приятными, но призрачными, неясными. Этот вкус вызывал тепло и умиротворение.

Он сделал два маленьких глотка, чуть обжегся. И вспомнил.

Когда-то давно, когда Артуру было всего лет пять-семь, они жили в северной части Уфы. В квартале от их дома располагался кинотеатр, на первом этаже которого было кафе. По выходным они часто ходили в него есть пиццу. Иногда Анна Георгиевна, занятая делами по хозяйству, отпускала их вдвоем. В этом случае они обязательно приносили несколько кусочков домой. «Для любимой мамочки», - говорил Артур, бережно прижимая коробку с угощением к груди.

Было так здорово сидеть и слушать, как журчит фонтан. Его обычно включали между киносеансами, когда зал наполнялся шумными посетителями, второпях закупающими поп-корн и колу. Артур всегда засматривался на круглые резные основания колонн и спрашивал об устройстве здания.

А какую пиццу там готовили! Рафаэль Ирикович готов поклясться, что более вкусной пиццы он никогда не ел. И сколько видов! Как правило, на то, чтобы выбрать, у Артура и Рафаэля Ириковича уходило минут пятнадцать. Летом, в пору самой жары, они также угощались мороженым — Артур любил клубничное, а Рафаэль Ирикович шоколадное.

И чай. Неизменно после трапезы они пили чай - сын отдавал предпочтения фруктовым вкусам, а отец, попробовав один раз, всегда просил зеленый чай с жасмином. Было что-то особенное и неповторимое в его терпком аромате.

В ожидании заказа они изучали афиши с анонсами фильмов и мультиков. Все было так неспешно, без суеты. «Солидно», - с важным видом говаривал маленький Артур. А еще он любил оставлять чаевые, за что официанты подмигивали ему по-свойски, а официантки мило улыбались...

Рафаэль Ирикович был настолько увлечен нахлынувшими воспоминаниями, что не заметил, как допил вторую кружку чая, заботливо налитую Анной Георгиевной. Также незаметно для себя он достал из кошелька свою банковскую карту и сейчас вертел ее в руках.

- Сколько нужно Артуру, чтобы расплатиться с долгом? - вдруг спросил Рафаэль Ирикович.

Анна Георгиевна просто опешила от этих слов. Глядя во все глаза на своего мужа, она ответила:

- Семьдесят тысяч.

- В принципе, не такие уж большие деньги, - задумчиво сказал он, а потом добавил: - Вот что, Аня! Соберись, съездим в центр, прошвырнемся по магазинам. Заодно и деньги для Артурки снимем...

Лосяш (Артём Курашин)

Последний полет Солнечного народа

1

Наарст старательно стряхивал пепел с сине-зелёных перьев. Он проворно работал пучком из папоротниковых листьев. Рух сидел неподвижно, гордо глядя поверх головы Наарста вдаль на восток. Позади охотника и его птицы, раздвигая тонкими руками лианы в дверном проёме, показалась жена Наарста:

- Ты не видел Гриаль?

- Видел, - ответил мужчина, не отрываясь от работы, - когда мы подлетали, я видел её на северном утёсе, - Ты переживаешь? Я думаю, она уже достаточно взрослая.

- Да, я знаю, - женщина говорила спокойно, сияясь скрыть тревогу, - но вести, которые ты принёс, поневоле заставляют беспокоиться.

- Хочешь, я схожу за ней, Кали? - он повернулся, - только отпущу Рух.

- Да, пожалуйста.

- Потом я сразу пойду к старейшим, они решат, как быть дальше, - сказал Наарст, снова поворачиваясь к птице.

- Хорошо, - Кали вернулась в дом, устроенный в корнях великаноподобного дерева, крона которого на большой высоте образовывала с кронами соседних деревьев зелёный непроницаемый ковёр.

Наарст смахнул с хвоста птицы последние серые хлопья, снял с её шеи тонкую зелёную веревку. Гордый Рух даже не посмотрел в его сторону. Он раскинул крылья, каждое длиной в человеческий рост, и тяжело поднялся в небо, вздымая вокруг себя клубы опавших зелёных листьев.

Мужчина стоял, глядя вслед улетающему другу. Он проследил за сине-зелёной точкой до соседнего парящего острова, где Рух спикировал в одну из пещер у основания склона и скрылся под каменными сводами.

Охотник закинул за спину плетёную корзину из сушёных лиан и отправился через джунгли к утёсу. Идти было недалеко, и дорога была ему хорошо знакома. По пути он ловил карликовых игуан, любимое лакомство Рух, и сажал их в корзинку. Величественные птицы обожали этих маленьких рептилий, но сами не могли их ловить. Видимо этот деликатес, доступный лишь из рук человека, помог народу Солнца приручить столь гордых созданий.

Сквозь заросли, прореженные светом заходящего солнца, Наарст увидел свою дочь. Тело девушки прикрывала коричневая шкура, расписанная рунами плодородия и благоденствия. Охотник осторожно выбрался из кустов и незаметно подошел к краю острова. Зелёные татуировки, боевые знаки, покрывавшие лицо и плечи мужчины, заблестели в солнечных лучах. Далеко внизу камни утёса впились в молочный туман облаков. И над головой морем разливалась небесная голубизна, подёрнутая красными оттенками заката.

- Гриаль, - позвал Наарст.

Девушка обернулась:

- Отец! Я видела, как вы летели!

- Почему же ты не пошла домой?

- Я захотела досмотреть закат. Ведь сейчас самые красивые, когда осень на исходе. Почему вернулось только четверо?

- Гоатль, молодой охотник, залетел в серое облако, - ответил Наарст, - Это пепел, как мы и думали. Мы долго ждали Гоатля, но он так и не вылетел обратно. Его Рух или потерялся или задохнулся в облаке. Мы побоялись лететь за ним, птицы перестали слушаться нас, они задохнулись от пепла.

- Зачем он вообще полетел с вами, Гоатль был совсем молодым охотником, не таким опытным, как вы!

- На этом настоял Оракул. Он лично выбирал посланцев. Ты же ведь знаешь, лучи Солнца светлы, а их

путь сквозь тьму неисповедим.

- А пепел? Они помогут пройти сквозь гарь и пепел? - глаза девушки блеснули.

- Не знаю, - тихо ответил Наарст, поворачиваясь в сторону джунглей - Оракул сегодня укажет путь. Пойдём домой, мать волнуется, - и он двинулся обратно к лесу.

Они расстались на середине пути. Отец отдал Гриаль корзину с игуанами и сказал, что пойдёт на совет к старейшинам и к ночи принесёт вести.

2

По дороге Гриаль набрала букет осенних листьев, зелёных и оранжевых, как и всё на парящих островах. Времена года сменялись здесь, как и внизу на земле, но время, будто не имело власти над крохотными клочками камня, парящими между небом и облаками. Деревья сбрасывали листья, повинаясь воле природы, но свежие и зеленые, полные жизни. Через месяц появлялись первые почки, и вновь начиналось вечное оранжевое лето. Грозовые фронты и дожди проходили мимо островов, внизу под облаками.

Гриаль сложила из нескольких листков бутон и вставила его в каменный амулет на шее. Тонкая пластинка камня, в центре которой глаз-солнце, окружённый расходящимися лучами, а по бокам несколько пластинок поменьше, украшенные родовыми знаками её предков. Такие амулеты носили все члены племени. Отец говорил, что когда она достигнет совершеннолетия и вступит на порог самостоятельной жизни, то Алькон, мастер камней, покроет её солнце гравировкой, символизирующей работу, которую молодая девушка будет выполнять для племени. А когда она выйдет замуж и заведет свою семью, амулеты её детей будут длиннее на две пластинки с родовыми знаками отца и матери.

Кали сидела на корнях, у входа в дом, и перетирала в ступке ароматные травы. Рядом на растяжке висела туша распотрошённого барана, которого принёс муж с прошлой охоты. Она только что вернулась с Горячей скалы, где камни не остывали даже ночью и все женщины Солнечного народа готовили мясо. Гриаль, вылезла из зарослей и побежала к матери, разбрасывая собранные листья. Она передала отцовскую корзину, и сходу спросила, как они теперь будут жить дальше, когда туча из пепла накроет острова. Мать подошла к растяжке и принялась натирать мясо специями. У её ног увивался шестиногий Лу, пушной зверёк красного окраса в белую крапинку. Он подпрыгивал, попискивая, таким образом выпрашивал кусочек баранины. Кали отрезала жилистого мяса и бросила Лу.

- Не беспокойся, милая, мужчины обязательно что-нибудь придумают, - погодя, ответила она дочери.

- Но я не хочу жить внизу! - возмутилась девочка.

- Они придумают, как нас обезопасить. А мы должны помочь им и поддержать их, - Кали на секунду оторвалась от работы и посмотрела на дочь строгим взглядом, - Поэтому кончай бездельничать и бегай к источнику за водой. Уже сумерки, а ужин ещё не готов.

Когда Гриаль убежала, Кали отложила ступку с травами и села на корни, подобрав серый саван, сшитый из кожи наземного животного, что принёс с охоты муж. Одежду украшала тонкая витиеватая зелёная роспись. Никто из Солнечного народа не знал порядков, царивших внизу. Мужчины летали верхом на огромных птицах на охоту и приносили животных, за которыми, как они рассказывали, работали поверхностники. Они никого не убивали и брали только необходимое для пропитания.

Наступила ночь, и солнечный шар погрузился в серое марево пепла, от чего вокруг стало непривычно темно. Раньше ночи были светлее, красное солнце, приютившись у макушек облаков, умирало дневной жар и свет, и острова заливались багрово-оранжевым ночным светом. Женщина услышала шум неподалеку и обернулась. Это возвращался её муж, а за ним вприпрыжку бежала Гриаль, держа раздутые от воды мехи.

Наарст сказал, снимая на ходу охотничий пояс с каменным кинжалом:

- Верховный отпустил охотников с вестью, что завтра с восходом все семьи должны собраться у Первого дерева. Тогда он и объявит решение. А Оракул пророчил Тяжёлые Небеса.

Наступила тишина, мочал даже ночной лес за их спинами, всегда наполненный криками птиц и зверей. Лишь глухой скрип растираемых в ступке листьев разносился по полюне.

Прорываясь через клубы пепла и гари, первые лучи едва успели достигнуть макушек деревьев, а у корней дома Верховного уже собралось большинство кланов и родов племени Солнечного народа. Неровным полукругом поляну окаймляли тонкие палки, к концам которых были привязаны тёмно-жёлтые самоцветы. Рядом на невысокой скале, оплётённой корнями и лысыми стволами священной поросли, стоял Оракул. Он широко раскинул ноги и поднял вверх морщинистые, зататуированные зелёным соком священных растений, руки. Высоко в небе кругами парили и поочередно пикировали яркооперённые Рух, на спинах которых сидели люди из кланов с соседних островов. Верховный старейший, вождь племени, называемый в народе Посланником Солнца, не выходил к своему народу. Поэтому толпа у подножия скалы вела себя тихо. По древней традиции, на всеобщем совете первое слово всегда принадлежало племенному провидцу, а затем высказывался вождь и остальные старейшие.

Оракул стоял неподвижно, ожидая явления восходящего солнца. Золотые лучи, перевалив через кроны лесных деревьев, ползли к ритуальной скале, одаривая лица собравшихся сетом. Солнце восставало из пепла, и неудержимый природный цикл начинался сначала.

Когда свет, наконец, достиг белых глаз Оракула, он поднял сучковатый посох, увенчанный бледным самоцветом, и ткнул тыльным концом в скалу под ногами. Звонкий щелчок подхватило эхо и разнесло по поляне, пресекая разговоры и ропот.

- Слушай Солнце! - скрипучим голосом завопил Оракул, и амулет на его шее зашатался из стороны в сторону, - Дети, лучи твои, собрались, что бы узреть путь, который ты укажешь и спасешь их от тьмы! Широкие листья, прикрывавшие вход в Первый дом, бесшумно расступились в стороны, и к своему народу вышел Верховный. Высокий, крепко сложенный старик в фиолетовой шкуре через плечо. Родовой амулет его свисал до пупка, а голову венчал пучок разноцветных перьев Рух, покрытых зелеными рунами. Он остановился поодаль от остальных и стал смотреть в сторону вещавшего Оракула.

- Камень небес приютил нас однажды, - не переставая, кричал старческий голос, - но он обещал и погубить нас! Каарлок! Каменный великан Каарлок проснулся от вечного сна! Скоро проснутся другие и Каарлок поведёт их в бой против жизни и земли! Против солнца!

Над поляной, прибитая солнечными лучами, висела тревога. Люди, то и дело, переглядывались, но продолжали молча слушать. За спиной вождя собрались остальные старейшие, умудрённые сединами старики, все в светло-сиреневых шкурах, как знак положения в племени, и с одинокими перьям в волосах.

- И тогда упадут небесные камни, как околевшие птицы! Погаснет Солнце под чёрным зловонным дыханием Каарлока, - распалился шаман, - А огненный глаз его выжжет землю. А когда проснутся остальные титаны - погибнет всё! Над землёй и на земле! И пророчество Тяжёлых Небес сбудется! - и он снова ударил в камень своим посохом.

Толпа зарокотала. Голоса разорвали тишину, заполнили поляну и заглушили эхо. В чувство всех привёл выкрик вождя, пронёсшийся стрелой над головами собравшихся:

- Тишина! - мощный высокий голос легко заглушил многоголосье толпы, - речи Оракула это направление пути, руководство к действию, а не причина для страха!

Верховный окинул взглядом многоликое сборище:

- Вести, которые принесли охотники, подтверждают пророчества. К востоку от нашего дома проснулся старый вулкан. Каждый день пепла становится всё больше, и он медленно, но верно движется в нашу сторону. Эти вести принесли подтвердили наши охотники. Один из них, молодой Гоатль, погиб в пепельной туче.

Вождь остановился перевести дыхание.

- А когда они спустились к земле, то увидели черные деревья, покрытые серой пылью. Земля горит, истязаемая красными змеями. Люди поверхности, на чьих животных мы охотились, бежали из своих домов. Они оставили свои сады и своих зверей. Скоро Каарлок уничтожит все под нами, затем небо заполонит пепел, и тогда погибнем мы.

Закончив, Верховный скрестил на груди руки. Он дал высказаться остальным старейшим, которые были едины в своих опасениях, а затем взял итоговое слово:

- Я, Старейшие и Оракул совещались всю ночь. Многие века небесные земли были нашим домом. Они дарили нам покой и безопасность, а мы, в свою очередь, заботились о них. Но пришло время нарушить заветы наших предков. Как говорит пророчество Тяжёлых небес, всё умрёт на земле и над землёй. Но ПОД землёй мы сможем рассчитывать на безопасность!

После этих слов толпа перестала себя сдерживать и окрестности с ново силой наполнились гомоном и криками. Недовольные и испуганные голоса звучали со всех сторон. Вождь и Оракул тщетно призывали собравшихся к тишине.

- Что значит под землей! - кричали люди, - а как же наши Рух? А наши деревья!?

- А Солнце! Что будет с солнцем? Мы же не сможем забрать его под землю!

- А может ветер подует в другую сторону и пепел минует острова!

- Довольно! - откликнулся Верховный. Перья на его голове дёргались взад - вперёд, а сам он вскинул вверх ладонь с растопыренными пальцами.

- Мы переселимся в пещеры Нгаста! - закричал Оракул и снова послышался щелчок дерева о камень. И вновь эхо разнесло его над поляной, и вдруг голоса смолкли в оцепенении.

- Долгие годы Нгаста были прибежищем для душ, покинувших нас. Они безопасны и глубоки.

- Мы будем жить среди мёртвых!? - закричал кто-то.

- Нет! - шаман вновь вскинул посох, - мы пойдем глубже, туда, куда не доходили погребальные огни солнца. Так мы останемся едины с нашими предками, и так мы можем рассчитывать на покровительство их духов!

Не дожидаясь, когда народ начнёт роптать, вождь сказал:

- Да будет так!

- Сегодня на закате! - продолжил шаман, - мы проведем ритуал Прощания. И к Нгаста!

- На закате, - повторил Верховный.

Нарст и Кали выносили на лужайку у корней всё их добро, а Гриаль то и дело бегала вокруг, путаясь под ногами. По большей части они молчали, каждый погружённый в свои тревоги и мысли, не желая обременять друг друга. В закатных сумерках из сложенной поклажи выросла небольшая горка, и Нарст засомневался, потянет ли их Рух одновременно трёх человек и этот груз.

Гриаль присела на одну из сумок и поставила на колени деревянную клетку с Лу. Старый охотник подошёл к краю скалы, с которого виднелся соседний остров. Он достал из поясного мешочка огромное перо Рух, с полым покрытым дырочками стволом, поднёс его ко рту и протяжно свистнул. Через минуту в одной из пещер на противоположном острове показался сине-зелёный Рух. Он издал пронзительный крик и взлетел. За несколько секунд он достиг Наарста и приземлился рядом, опрокинув верхние тюки поклажи и разметав лианы, прикрывавшие вход между корней. Охотник взял тонкую узду и подошёл к птице.

- Вот и пришёл наш с тобой последний полёт, старый друг.

Он откинул крышку стоявшей у ног корзинки, схватил игуану, и подкинул в воздух. Рух ловко поймал ящерицу и защёлкал мощным клювом, перемалывая косточки. В это время люди на других островах прощались со своими птицами и домами.

Красные лучи заката залили леса и луга. Непривычно холодный ветер трепал листья и нагибал стволы. Кали стояла на пороге дома, под конями, образовывавшими свод над головой. В руках у неё были узелки с вещами. Наарст нагружал Рух, а Гриаль рвала алые плоды с кустарника, росшего неподалёку. Отсюда было видно дом Верховного, стайками слетавшихся туда Рух и желтые огоньки самоцветов вокруг поляны. Эти камни впитывали днём солнечный свет, а ночью отдавали его. Охотник обвязал верёвкой основания крыльев птицы, протянул её за лапы и там завязал узлом, проверив предварительно силу натяжения. Затем он привязал один за другим мешки с поклажей, потом вернулся в дом.

обошёл на прощание пустые комнаты и вернулся на улицу. Он забрался на спину Рух. Кали и Гриаль с полным подолом фруктов залезли вслед за ним. Мать села за дочерью и обхватила её руками за талию.

- Надеюсь мы ещё вернемся, - сказала Гриаль, оборачиваясь назад.

- Великое Солнце, присмотри за нашим деревом и спаси его от увядания, убереги Верховного от неверного решения, - прошептала Кали.

Наарст тронул поводья и они медленно поднялись в воздух. Через несколько взмахов огромных крыльев они оказались над поляной советов, на другом конец острова. Наарст направил Рух за дерево вождя, где птица мягко приземлилась рядом со своими соплеменниками.

- Прости нас Солнце, - разносился голос Оракула, - дети твои идут во тьму, где гаснут слезы твои, освещавшие ночь для нас.

Люди, по-походному, со всем своим скарбом, собирались на каменном плато за Первым домом. Любопытные шли поближе к ритуальной скале, но большинство оставалось рядом с птицами.

- И я, как голос твой, оставляю в знак прощания и мольбы о прощении, свой путеводный посох! - Оракул воткнул испещренный рунами сук меж обвивших скалу корней, - И с этих пор я не могу называться Оракулом.

Старик начал спускаться со скалы. Белёные влажные глаза смотрели в окрашенное заревом небо, а сухие губы шептали:

- Прости нас, Солнце.

И люди на поляне шептали вслед за ним:

- Прости нас.

Он вырвал из полукруга одну из палок со светящимся камнем и крикнул:

- Верховный! Твой народ готов оставить свой дом!

Вождь и остальные старейшие, одетые, как подобает их статусу, уже стояли рядом со своими Рух.

- Что ж, исполним Тяжёлые небеса. И понадемся, что когда-нибудь Солнце простит нас, - тихо сказал он, и, уже громче, добавил, - улетаем!

Люди, следуя примеру бывшего Оракула, вырывали из земли палки с камнями и шли к своим птицам. Ветер стал ещё холоднее.

Рух, стаяй кружившие над Первым деревом, перекрикивались друг с другом резкими высокими звуками. Когда все были в сборе, вождь вылетел вперёд и полетел во главе, ведя свой народ в последний полёт. Рух покорно несли всадников навстречу неизвестности. Ветер ерошил перья, а солнце заливало красным светом бледные лица людей. Они, один за другим, пролетели серые от влаги облака, и острова скрылись из виду. Дождь захлестнул непривычные к холоду тела. Перья птиц намокли, они летели медленно, тяжело взмахивая крыльями. А далеко внизу проносилась опустошённая огнём и пеплом земля. Стая опустилась ближе к земле, и теперь стали различимы горящие леса и поля, редкие деревни и возделанные угодья, между которыми ползли бесконечные огненные змеи. Летящие люди в страхе отводили глаза и смотрели в сторону острозубых гор, нового дома народа Солнца. Высокие каменные своды погребальных пещер Нгаста были видны издалека. Они черными точкам выделялись на сером каменном полотне.

Рух осторожно пикировали и садились неподалёку от входа. Когда сели все и разгрузили поклажу. Люди собрались кучкой напротив стаи гигантских птиц. Охотники сняли верёвки с могучих птичьих шей. Старый Оракул вышел вперёд:

- Вы верно служили нашему народу! - сказал Оракул, смахивая с лица потоки воды, - и нам искренне жаль разрывать с вами наш крепкий союз. Но владыкам неба не место под землей. Оставляйте гнёзда, забирайте своих жён и детей и летите отсюда прочь! Имеющие крылья уберегутся от смертельно огня, так говорит пророчество Тяжёлых небес.

Верховный освободил своего Рух, самого большого и старого среди соплеменников. Яркие перья птицы украшали зелёные руны силы и власти. Он оглушительно затрещал на прощание и взмыл в небо.

Птицы всё поняли. Они взлетали ввысь, свободные и обречённые. Наарст простился со своим Рух, ему на мгновение показалось, что из большого глаза с тоненьким зрачком, потекла слеза, но птица, коротким взглядом окинув лицо охотника, покрытое расплывшимися боевыми рисунками, тут же взлетела, оглашая окрестности пронзительным клёкотом. Так же поступали остальные птицы.

Когда верные друзья улетели, люди постояли немного, смотря в серое небо, а затем направились к центральной пещере. Некоторые несли палки с сияющими самоцветами, которые скоро должны погаснуть. Небесный народ умел добывать, огонь, но никогда не пользовался этим знанием за ненадобностью. Первыми под тёмные своды ступили шаман и вождь. Тьма сомкнулась вокруг солнечных камней. Мёртвые встречали потомков холодом и сыростью. А позади шумела падающая с неба вода.

- Народ Солнца! - воскликнул Верховный, - с этого часа могущийся именоваться народом Тьмы. Мы пойдём глубже, в самое сердце гор, где мы будем далеко от жидкого огня и взгляда наших предков. Небеса стали тяжелы, и мы склонились пред их силой. Охотники пойдут впереди. Пусть они возьмут половину светящихся камней. Да поможет нам, в последний раз, Солнце...

GreyMan (Евгений Васин)

Кофеман

Алистер Берг прикрыл глаза и вдохнул аромат «арабики». Ноздри защищал запах восточных пряностей, и детектив почувствовал острое желание закурить.

Берг сделал мелкий глоток и, наслаждаясь горечью любимого напитка, достал из внутреннего кармана пиджака пачку «NT».

«Natural Tobacco» - дорогие сигареты со стопроцентно натуральным табаком. Алистер не мог их себе позволить, но один из благодарных заказчиков, помимо полагающейся Бергу платы, презентовал ему целый блок дорогого курева.

Детектив затянулся сигаретой, вдохнул порцию ароматного дыма и снова закрыл глаза. Музыкальный автомат играл уже третью песню Луи Армстронга. На этот раз это была «The kiss to bring a dream on». Клиент опаздывал, но Алистер никуда не торопился, ведь так приятно иногда посидеть в любимом кафе, с чашечкой горячего крепкого кофе, покурить и послушать замечательную музыку.

- Мистер Берг? - приятный женский голос, который немного портили металлические нотки, вырвал Алистера из объятий блаженного умиротворения и вернул в суровую реальность, где надо было работать. Подошедшая к столику, за которым сидел детектив, девушка-киборг было необычайно мила. Если не обращать внимания на белесую, чуть светящуюся радужку глаз и обычный для киборгов сероватый цвет кожи, её можно было назвать красивой.

- К вашим услугам, мисс...

- Миссис. Миссис Неонова.

- У вас русские корни? - Берг приподнял бровь, и привстал, как и подобает джентльмену -- негоже воспитанному человеку сидеть, когда такая очаровательная дама стоит рядом. Насколько ему было известно, русские предпочитали биомутационные технологии кибернетическим, но это слишком интимная тема, чтобы интересоваться ею «на первом свидании».

- Да, папа -- эмигрант с планеты Otchizna. Он был контрабандистом... Но на Нуар-1 начал новую жизнь...

Алистера всегда удивлял тот факт, что женщины открывались ему сразу, после первого разговора. Лицо у него было мужественное, но не сказать, что красивое: тяжелый подбородок, глубоко посаженные серые глаза, широкий боксерский нос. В общем, располагающей к откровенности Берг свою физиономию не считал.

- Слушаю вас, миссис Неонова. - детектив затянулся сигаретой и выпустил вверх тонкую струйку сизого дыма.

- Понимаете, мистер Берг, дело в том, что мой муж...

Девушка вздохнула и поджала губы, как будто борясь с желанием заплакать. Хотя почему будто -- именно с желанием разрыдаться она в тот момент и боролась.

- Мой муж ведет себя очень странно в последнее время... У меня есть подозрения, что он мне изменяет. «Ну вот», - подумал Алистер. - «Снова измена. Как банально. Как предсказуемо. А я-то, увидев прелестную девушку-киборга, уж надеялся на что-то более неожиданное и интересное».

- Он... - девушка все таки всхлипнула и радужка её глаз на секунду полыхнула белым. - Он перестал уделять мне внимание. Стал замкнутым, постоянно задерживается на работе.

«Черт, только не реви», - Берг протянул девушке платок.

- Скажите, а кем работает ваш муж? - спросил детектив, когда девушка взяла себя в руки. Надо отдать ей должное -- сделала она это достаточно быстро. Хотя, может быть она просто включила какой-нибудь антистрессовый режим? Черт их поймет, этих жен... этих киборгов.

Ночь, улица, фонарь, машина. И кофе. Конечно, это не тот замечательный напиток, что Берг привык неторопливо распивать в «Old Sam's Cafe», а всего лишь более дешевый аналог из автомата, но без кофе вести ночную слежку -- дело неблагоприятное и утомительное.

Алистер отхлебнул из картонного стаканчика и закрыл его пластиковой крышкой, дабы остатки и без того скудного аромата не выветрились.

Первое правило слежки в мобиле -- не курить. Тогда, вероятность того, что тебя заметят намного ниже. Детектив вытащил сигарету из пачки, провел ею под носом, вдыхая аромат табака, и убрал обратно, глотая голодную слюну.

«Потом», - подумал Берг и нажал на педаль газа. Черный «E-Rover» объекта наблюдения выехал из здания служебной парковки компании «Cyborg Software Systems».

Как оригинально: муж -- программист, создатель софта для киборгов; жена -- потребитель программного продукта, что разрабатывает благоверный. Идеальный союз.

Предполагаемый изменщик привел детектива к дешевому мотелю «Приют». Название соответствовало виду приземистого вытянутого здания: облупленная бледно-зеленая краска на стенах, в неоновой вывеске не горит буква «и», увивающий низенький заборчик плющ давно высох, а от газона и вовсе остались лишь название, да мертвая бурая трава.

Объект поднялся на второй этаж по внешней лестнице и открыл дверь с номером «16». Глянув по сторонам, мужчина вошел комнату.

«Хорошо, что лестница снаружи», - подумал Алистер раскуривая ставшую за прошедший час вождельной сигарету. - «Это серьезно облегчает мне работу».

Долго ждать не пришлось. Через две сигареты и банку саморазогревающегося «Капучино Хот», к отелю подъехал спортивный мобиль «Игуана» черного цвета. Тачка безумно дорогая. Настолько дорогая, что в этой дыре выглядела просто нелепо.

Дверь с водительской стороны плавно поехала вверх и на растрескавшийся бетон опустилась прелестные ножки в серебристых босоножках на высокой тонкой шпильке. Обладательница дорогого авто выглядела еще богаче, чем принадлежащая ей «Игуана». Серебристое, под стать босоножкам, платье идеально обтягивало совершенную фигуру, короткая юбка закрывала только самое интересное.

Прелестница резко обернулась, взметнув платиновые волосы и, блеснув светлыми огнями глаз на прощание, направилась в мотель. Притаившемся в машине детективу удалось сделать пару удачных снимков.

«Черт меня задери», - подумал Алистер, заводя мобиль, когда девушка скрылась за дверью с номером «16». - «А мужик-то просто тащится по киборгам».

Работа была сделана, осталось лишь распечатать сделанные снимки и отдать их заказчице.

Алистер Берг прикрыл глаза и вдохнул аромат «арабики». Ноздри защищал запах восточных пряностей, и детектив почувствовал острое желание закурить...

Прошлая ночь принесла больше эмоций, чем того ожидал детектив -- дело, начинавшееся так прозаично и буднично (эка невидаль -- неверный муж, ревнивая жена) оказалось не совсем обычным... Да что уж там, дело оказалось совсем необычным - стоило Алистеру увеличить и рассмотреть фото.

- Мистер Берг?

- О, миссис Неонова, присаживайтесь. Кстати, почему вы не взяли фамилию мужа?

- Ну... киборг, с фамилией Азимова... Надо мной бы смеялись. Не томите, мистер Берг...

- Прощу, Алистер.

- Хорошо, Алистер. Вы выяснили что-нибудь?

- Если бы нет, я не стал бы вам звонить. Скажите, миссис Неонова, вы очень любите своего мужа?...

- Боже, он все таки мне изменяет, - только теперь Берг заметил, в каком напряжении находилась девушка. Она сжала край скатерти так, что побелели костяшки пальцев.

- Это смотря с какой стороны посмотреть, миссис...

- Кэт, зовите меня Кэт... Вы позволите? - девушка протянула подрагивающую руку к сигаретной пачке и жалобно посмотрела на детектива своими бликующими глазами. Алистер предпочел бы ответить «нет», но, так как был джентльменом, ограничился вежливым кивком.

- Кэт, скажите, вы не замечали за собой в последнее время странностей? В частности, я имею в виду забывчивость... или даже потерю памяти.

- Откуда вы...

Алистер Берг смотрел вслед удаляющейся девушке-киборгу. Она обещала позвонить детективу сразу, после того, как подаст на развод. Алистер надеялся на повторную встречу. Все таки платиновая блондинка -- её образ и он надеялся увидеть в нем девушку ещё раз.

Женщины издревле манипулируют мужчинами. Только невероятно крутой самец может с уверенностью заявить, что не поддается дрессировке -- и то, если его вторая половина позволит ему так думать. Но господин Азимов решил, что правила природа установила для всех, кроме него. Он сам занимался обновлением программного обеспечения жены и это открыло для опытного программиста «Cyborg Software Systems» широкие возможности для манипуляции супругой. Азимов «подсадил» в ПО своей благоверной... совершенно новую личность, которую время от времени активировал. Хитрый засранец изменял своей жене с ней же самой.

Занавес. Дело закрыто.

Алистер решил наградить себя за проделанную работу еще одной чашечкой крепкого кофе. Когда официантка ушла выполнять заказ, Берг достал из пачки сигарету, раскурил её и, закрыв глаза, еле-слышно подпел скрипучему голосу бессмертного Луи: «It's a wonderful life».

Жизнь и правда прекрасна, когда занимаешься любимым делом.

Политехник (Антон Зырянов)

Разговоры с ветром

Три бетонные стены. Такие же пол и потолок. Одна железная дверь, в которой есть открывающееся окошко. Выключатель и лампочка в центре потолка. В противоположной от двери стене, в правом углу, вентиляционное отверстие. На полу матрас и одеяло.

Уже 3 сна.

Я решил измерять время количеством раз, когда я спал - других ориентиров у меня здесь нет. Вода и хлеб появляется пока я сплю. Зачем они так делают я не знаю, но возможно для того, что бы я сбился с подсчета дней. Хотя мне уже все равно... Выхода отсюда я не вижу.

Начинает казаться, что я забываю как звучат слова и как я выгляжу. Поэтому я начал говорить с собой вслух. Там, за дверью, меня наверное уже принимаю за психа - я говорю о книгах, пересказываю сюжеты фильмов, описываю картины, которые я видел. Вспоминаю свою жизнь. И все вслух.

Потолок в камере высокий, и до лампочки я достать не могу - видимо для того, что бы я ничего не сделал с собой. А может просто такая постройка - случайно.

Но сегодня начало происходить что-то необычное. Со мной заговорил ветер. Я только проснулся и еще не включил свет.

Просто лежал с открытыми глазами, хотя в этой темноте абсолютно все равно открыты они или нет, и рассказывал себе о море. О том случае, когда я был там последний раз, два года назад. Это было самое начало лета, и вода была еще прохладной. Купающихся было еще мало. В день, когда я от туда уезжал был штиль. Вода была абсолютно спокойной и прозрачной. Я стоял на пирсе, смотрел на дно. Внизу плавали небольшие рыбки, по каменистому дну пробегали крабы. Их мир казался спокойным и правильным. Все честно и видно, каждый занят чем-то своим. На фоне этого мир людей казался абсурдным и сумасшедшим. Толпы людей, каждый считает себя индивидуальностью, единственным и неповторимым, хотя и плывет по жизни в густом косяке, словно селедка...

Ветер прервал мой рассказ:

- Я тоже тогда там был.

Я резко замолчал, пытаюсь понять что происходит. Через несколько секунд он повторил вновь:

- Я тоже там был. Совсем спокойный и умиротворенный. Помнишь, как я играл с твоими волосами?

- Кто ты? - только и спросил я. В тот день я ни с кем не разговаривал, а на причале вообще никого не было.

- Ветер.

- Ветер?

- Да, именно так.

- Я сошел с ума?

- Надеюсь, что нет. Я, конечно, не имею ничего против сумасшедших. За ними интересно наблюдать, играть. Но поговорить я бы хотел с кем-то здравомыслящим.

- Но если я не сошел с ума, то как я тебя слышу? Что это все значит?

- Я приношу тебе обрывки слов, которые сейчас говорят по всему миру. Говорю не я, а множество людей... я всего лишь приношу себе их слова. Сам говорить я не умею...

- Ты не сможешь говорить, если не останется людей? - почему я решил спросить именно это?

- Да...

- Это слово почему-то соленое. Где ты его взял?

- На том же пирсе. Его только что сказала одна девушка.

- Расскажи мне, - попросил я.

- О девушке?

Я кивнул.

- Она стоит на пирсе и смотрит на молодого парня, они там уже несколько часов. Сначала они просто смотрели на море. Куда-то за пределы горизонта, где живут их мечты. А потом он посмотрел ей в глаза

и спросил: «Ты правда меня любишь?». Она ответила: «Да». Вот и все.

- Ты легко рассказываешь, - немного подумав ответил я. - Легко просто, мне нравится. Расскажи еще что-нибудь. Ты же много видел и знаешь.

- Да. В каком-то смысле я знаю все, - весело ответил он. - Ты слышал о ноосфере?

- Информационное поле Земли, или что-то вроде? Да, что-то слышал...

- Его нет, - насмешливо ответил ветер, - Это все я. Я двигаю информацию, приношу и забираю идеи.

- А ты умеешь читать мысли?

- Нет, но я слышу все, что говорят люди.

- А что говорят? Я долго здесь пробуду?

- Этого я тебе не скажу. Этого никто пока не знает, а о планах твоих тюремщиков тебе знать незачем, - спокойно ответил ветер. - Это тебе не поможет! - закончил он голосом одного из них.

Мы вместе засмеялись.

- Ты часто говоришь с людьми? - вдруг спросил я.

На несколько секунд повисло молчание.

- Нет. Я больше слушаю, и редко позволяю себе заговорить. Очень часто люди просто не соглашаются меня слушать. Или сходят с ума, а этого я не люблю. Это печально.

Я поднялся и включил свет.

- Надеюсь кого-то увидеть? - спросил ветер.

- Да, - усмехнулся я. - Глупо наверное.

- Да нет, почему же. Люди привыкли смотреть на того, с кем говорят. Смотреть с надеждой в глаза. Смотреть на губы, следить за руками. Вы пытаетесь понять правду ли вам говорят.

- А ты знаешь, когда говорят правду?

- Я? Да, я знаю это. Я столько раз слышал ложь, обман... Миллиарды, сотни миллиардов людей вралли при мне. Порой кажется, что я чувствую запах лжи.

- И чем она пахнет?

- Страхом. Чаще всего - страхом. Иногда пахнет сочувствием или заботой. Иногда злостью... Но чаще всего - страхом.

Мы замолчали. Я взял воду и хлеб. Немного поел.

- Ты когданибудь обижался на кого-нибудь? - спросил я. - За что может обидеться ветер?

- Ты не поверишь, но да, обижался! И не раз! - воскликнул ветер, - Знаешь как обидно, когда ты предупреждаешь людей о чем-то, а они не слушают? Абсолютно не хотят обращать на тебя внимание... Я не могу так просто остановить смерч, цунами... Но я всегда предупреждаю, а людям все равно. И тогда я злюсь, и получается еще хуже... - он замолчал на несколько мгновений. Печально замолчал, с легким запахом черного чая, - А потом я сожалею, и не знаю куда себя. Как улететь с этой планеты, покинуть людей, не мешать им...

В моей комнатухе повисло молчание. Ветер немного расстроился, это чувствовалось.

- Ты если что зови, - сказал он, - Я хочу немного помолчать сейчас.

- Да, конечно, - виновато ответил я. И зачем только спросил? - Ты тоже. Ели буду спать - буди.

- Прощай, - ответил он с шоколадным привкусом.

- Мне нравится твой распорядок дня, - услышал я мягкий женский голос, когда выключил свет.

- Ты решил поиграть с моим воображением? - усмехнувшись, спросил я.

- Да... Наверное это было не лучшей идеей, - смущенно ответил ветер, голосом напрочь лишенным эмоций и пола голосом, - Ты представляешь, в некотором роде ты свободней многих людей!

- Я? Свободней? - идея ветра мне была абсолютно непонятной.

- Ты ни в коем случае не зависишь от солнца, спишь, когда хочешь...

- Интересная мысль... - только и ответил я.

- А еще ты свободней своего тюремщика, который обязан следить за тобой, и давать тебе воду только

когда ты спишь, не зависимо от того, день у него или ночь. Хочется ему спать или нет. Он сидит там, за дверью, и следит за тобой, ждет пока ты заснешь.

- Наверное ты прав, но это какая-то неправильная свобода.

Я почувствовал запах горного воздуха. Чистый, насыщенный кислородом, свежий воздух... У меня даже немного закружилась голова.

- Я знаю о свободе достаточно много, что бы судить об этом, - произнес ветер, - Люди любят вспоминать обо мне, когда говорят о свободе.

- Это точно, - согласился я, - Тебя считают самым свободным. Никто, в понимании людей, не способен сравниться с тобой в этом. Многие при этом любят еще вспоминать бури и ураганы, вихри и смерчи...

- А ведь людям даже в голову не приходит, что я тут и не причем. Я конечно многое могу, но большая часть потоков воздух живет по законам физики, которые я изменить не в силах.

- Но ты можешь быть в любом месте, когда захочешь. Говорить, что хочешь... делать, что хочешь... Это и есть свобода в понимании людей.

- Люди во многом ошибаются.

- И что же такое свобода, с точки зрения ветра?

- Настоящая свобода всегда сопряженная с чувствами и ощущениями! - вдохновенно ответил ветер,

- Это не просто порядок вещей и условий, которые можно перечислить. Это ощущения. То, что есть рядом, кто есть рядом... Свобода не только в словах и действиях, которые можно совершить, но и в реакции на них. Ведь какой смысл слагать стихи, если в ответ услышишь, что ты бездарность? Выходить из дома, если там на тебя никто не будет обращать внимания?

- Но называть свободой независимость от солнца - смешно, - ответил я.

- Да, в этом ты прав... Это была не очень удачная шутка. Но я могу добавить тебе немного свободы! Я могу принести тебе любой запах. Сирень, шоколад, вишневое варенье, мед, мокрый асфальт, море, лес... - он говорил, а моя камера поочередно наполнялась всеми этими запахами. Словно я был в не обычной дегустационной камере запахов.

Я даже вспомнил «Парфюмера», в котором Гренуй строит замки из запомнившихся уме запахов.

- Я могу принести тебе любой звук, любую музыку, - продолжал ветер, - Рок, джаз, фортепиано, скрипка, орган...

Теперь мое воображение полностью захватили звуки. Свет был выключен, запахи ветер унес оставив пустоту вместо них. Теперь были только звуки. Последовательность абсолютно разных стилей и инструментов создавала новую, сумасшедшую, безумную мелодию.

- Это не даст тебе свободу, но немного приблизит ее...

- Ты музыкант, ветер... не задумываясь ты создал волшебную мелодию, вначале запахов, потом звуков. Ты безумно талантлив.

- Талантлив не я, а люди, которые все это создали до меня. Я всего лишь принес тебе то, что они создавали долгими годами.

Мы замолчали. Я думал о запахах и музыке. О тех, кто ее создал и зачем. Кто-то хотел подарить ее любимому человеку, кто-то заработать денег... кто-то просто делился своими чувствами. Сколько существует поводов для творчества и создания... и сколько для разрушения...

- Чего тебе хочется? - спросил ветер.

Я задумался. Чего может хотеться человеку, запертому в бетонной камере.

- Ты можешь передать от мои слова?

- Кому?

- Моим родным. Ты смог бы?

- Я подумаю... - ответил ветер.

Воздух окрасился запахом черного чая с сахаром.

- Ты ушел?

Ответом было молчание. Через несколько минут я уснул, окутанный теплых запахом чая, камина и одеяла.

- Я согласен, - голос был мягкий, но немного печальный.

Я только проснулся, включил свет и сейчас ел свой кусок хлеба. Ветра не было два сна. Я начал подумывать, что его и вовсе никогда не было. Просто мой мозг начал придумывать что-то, лишенный человеческого общения и вообще хоть чего-то нового.

- Ты так долго думал? - спросил я немного грубовато.

- Просто я жадный. Так уж вышло, что твой друг ветер - жадный. Я не хотел тебя делить с кем-то еще. Здесь ты только мой: говоришь только со мной, слушаешь только меня... - он на несколько мгновений затих, - Нет, ты не подумай, что я влюбился... Просто у меня еще не было друзей. Как-то раньше я не хотел разговаривать с людьми...

- А почему захотел? - спросил я.

Хлеб закончился. Я выпил пол стакана воды, остальное оставил на потом.

- Не знаю. Это произошло случайно. Просто ты мне ответил, и я решил ответить тебе... А теперь я не хочу тебя потерять.

- Но ведь я никуда не денусь! - мы замолчали, только запах кофе. Но не горячего, холодного, - Почему ты передумал?

- Я встретил многих друзей и влюбленных, пока думал. И мне показалось, что те, кто не держит друга взаперти, не прячут от всего мира, они более счастливы. Не все и не всегда именно так. Конечно, бывает и по другому... Но мне показалось, что чрезмерная ревность убивает как дружбу, так и любовь.

- Но ведь ты все равно не хочешь передавать мои слова?

- Теперь уже хочу, - немного детским, но серьезным голосом ответил ветер, - Это не совсем легко и просто, но я хочу.

Шум сада и запах плодовых деревьев. Абрикос, вишня, яблоки. И теплое солнце. Я закрыл глаза. Мне вдруг показалось, что именно так нужно общаться с ветром - закрыв глаза и давая волю воображению. Ведь все равно мне не увидеть его глаз и лица, не прочесть эмоции по движению тела.

- Ты можешь врать? - спросил я.

- Да. Это все могут. Но я не хочу. Мы уже говорили о лжи. Я слишком много видел ее последствий, что бы врать самому.

- Значит ты действительно передашь то, что я попрошу?

- Да. Но я сомневаюсь, что это что-то даст - люди редко меня слышат. Они вообще редко обращают внимание на то, что по их мнению невозможно.

- Просто когда она проснется, поиграй с ее волосами, и шепни тихо на ушко, что со мной все хорошо, и что я все также ее люблю. И что я вернусь.

- Я передам, - ответил ветер.

Мы снова замолчали. Я, с закрытыми глазами и печальной улыбкой на лице, и ветер. Я думал о ней. О ее тепле и улыбке, о темных глазах и длинных волосах. О том, как она прижимается ко мне, когда я ее обнимаю. Ее тепло, контуры ее тела, нежный голос и мягкий поцелуй.

О чем думал ветер мне не ведомо, но вокруг звучало тихое пение птиц и запах булочек с корицей.

- Ты так любишь менять запахи и звуки, - прервал я молчание, - Ты приносишь что-то случайное?

- Да... Не ищи в этом смысла. Просто часть меня сейчас проносится где-то далеко, и вдруг на мгновение задерживается, заинтересовавшись запахом или звуком, и тогда я приношу его тебе. Просто что бы поделиться с тобой.

- Мне нравится, - довольно ответил я, - Некоторые запахи и звуки напоминают мне что-то из прошлого. Вызывают приятные воспоминания и мысли. Желание перенестись туда, где я это уже чувствовал... А некоторые, новые, наверное будут признаками этого места. Будут вызывать в моей памяти этот безумно длинный отрезок времени, когда я ел хлеб и пил воду... и говорил с тобой.

- Я рад, что могу дать тебе это все, - весело ответил ветер, и принес запах роз. Сильный и влажный. - О чем тебе напоминает этот запах?

- Всегда когда слышу запах роз, вспоминаю первое свидание. Как я дарил три красные розы в девятом

классе. Вспоминаю, как я тогда переживал и нервничал. Потные руки и бегающие глаза, - усмехнувшись ответил я, - И мне всегда становится смешно. Хотя после того я много раз дарил розы, нервничал и переживал. Но вспоминается именно тот случай.

- Я помню, - радостно воскликнул ветер, - Ты тогда был в белой выглаженной рубашке и черных школьных штанах... ты действительно смешно выглядел.

- Да...

Звуки классической музыки вдруг заполнили все пространство. Казалось, что воздух превратился в музыку. Густой, вибрирующий эфир вокруг тела.

Разная музыка сопровождала меня до самого сна, дивным образом упорядочивая мысли и эмоции. Помогая переноситься из одного места моей памяти в другое.

- Спасибо, ветер, - тихо прошептал я засыпая. Музыка постепенно начала стихать.

Меня разбудил ее запах. Я не хотел открывать глаза и чувствовать хоть что-то кроме запаха. Надеюсь, что все это было сном, а она рядом со мной, и всегда была здесь. Так прошло минут десять... а может и пол часа, а может и больше.

Но глаза пришлось открыть. А еще пришлось встать и включить свет.

- Ты здесь? - спросил я в пустоту.

Несколько минут я слушал тишину. Потом:

- Да, - спокойно и немного весело, - Мне понравилось приносить хорошие новости. А еще понравилось наблюдать за тобой, - еще несколько минут тишины, - Я думаю, что она поверила.

- Да? Почему ты так думаешь?

- Она мне улыбнулась, а потом встала и открыла окно пошире.

- Она любит свежий воздух...

Запах весны: зеленая трава, утренняя роса. Я даже почувствовал тепло солнечных лучей на щеках.

- Сейчас же весна? - спросил я, - Или это ты случайно принес эти запахи.

- Да, у нее сейчас весна.

- Спасибо тебе, ветер...

Если бы у него было лицо, то сейчас он бы улыбался. Я в этом был уверен.

- Ты когда-нибудь плакал? - спросил я.

- Не уверен. Мне бывало грустно и печально. Вполне может быть, что я переживал что-то подобное, что и люди, когда плачут. Мне сложно сказать - у меня нет глаз и слез. Мне кажется, что это невозможно сравнивать.

- Люди любят сравнивать. Мы любим говорить «небо плачет», когда идет дождь, «солнце ложится спать», на закате, и просыпается оно утром... луна «прячется» за облаками. Звезды для нас одиноки... А ты, ветер, злишься, радуешься, грустишь... можешь быть тихим и послушным, а можешь сильным и беспощадным. Наверное ты прав, люди ошибаются, когда сравнивают все вокруг с собой. Нам лень понимать то, что происходит вокруг, мы просто примеряем на все знакомые для нас маски, и успокаиваемся...

- Может это и к лучшему, - задорно произнес ветер, продолжая окутывать меня запахом весенних цветов и трав, - У вас не так много времени. Это солнце, небо, луна, я, можем придумать для каждого свою маску. Свое точное и правильное слово. И его трактовку.

- И ты придумал?

- Слова? нет... я мыслю образами, а не словами.

- Тогда ты придумал образы?

- Тоже нет. Мне это не нужно. Я воспринимаю все, как оно есть вокруг себя - не называя и не трактуя.

- Но почему? Разве тебе не хочется все понимать?

- Все понимать хочется человеку. Не просто понимать - управлять. Точнее он хочет понимать, что бы управлять. Я управлять не хочу - мне достаточно управления самим собой. И наблюдения за тем, что

происходит вокруг меня.

- Это наверное потому, что у тебя нет страха, что управлять будут тобой. Человек боится, что он не сможет делать то, что хочет он, жить так, как хочется. Его повсюду преследует страх смерти, зависимости, ответственности.

- Возможно... все из-за страха смерти. Мне это очень сложно представить. Мысль вроде - «Я умру в течении 40 лет». Это кажется абсурдным и смешным. Для меня и времени, как такового нет - оно просто бесконечно. Как для вас космос - вы не боитесь, что он закончится.

- Пока не боимся... Но кто его знает - найдем его границу, и сразу начнем бояться, что нам не хватит места, что скоро место во вселенной закончится и жить нам будет нигде...

- Взлетят цены на планеты! - весело подхватил ветер, - Вселенную ждет перенаселение! Место заканчивается!

- Ага, вот именно так оно и будет, - кивнул я.

- но ты не переживай, это не скоро будет, ты... - ветер запнулся.

- Я что? - неуверенно переспросил я, а потом понял, - Не доживу? Да ты не переживай, я это понимаю,

- с улыбкой ответил я, - И не надейся, что сможешь меня этим расстроить... Ты мне лучше скажи, я ее еще увижу?

Опять ее запах, и несколько минут тишины.

- Я не могу видеть будущее, - в конце-концов произнес ветер, - но надеюсь, что увидишь...

Запах тюльпанов и темнота.

- Ты здесь? - произнес я поднимаясь и включая свет.

- Да, - голос спокойный, ровный, немного веселый.

- Знаешь, я видел странный сон, - произнес я, - я вообще редко сны вижу, а здесь это первый. В любом случае первый, который я запомнил.

- И о чем сон?

- А тебе снятся сны? - я ответил вопросом на вопрос, - Ты вообще спишь?

- Нет, я не сплю. Мне это не нужно, да и я не знаю как это можно было бы сделать, - ветер хихикнул, -

Сны это привилегия человека.

- А животные видят сны?

- Не уверен. Но мне кажется, что даже если и видят, то совсем в другом виде, нежели люди. Так о чем твой сон?

- Ах, да, сейчас... - я откусил немного хлеба. - Мне приснилось зеркало. Вначале просто зеркало, в котором ничего не видно. И кроме зеркала тоже ничего не видно. Просто зеркало, которое ничего не отражает, - я на минуту замолчал, пытаюсь вспомнить что же было дальше. Потом продолжил - А потом в зеркале появилась она. И ванная комната. Она смотрела мне прямо в глаза, словно между нами было не зеркало, а стекло. Но двигалась она, словно мое отражение... или это я двигался как ее... не знаю. Потом мы коснулись зеркала руками - я правой, а она левой. Мне даже показалось, что я почувствовал ее тепло, - я закрыл глаза, что бы ничего не мешало вспоминать, - И мне кажется, что она тоже видела меня. Интересно, что было у меня за спиной, в ее зеркале... я у себя ничего не видел. А потом я заметил букет тюльпанов, которые стояли справа от нее, почувствовал их запах и... проснулся. А здесь тот же запах.

Ветер молчал, аромат цветов постепенно улетучивался.

- Я схожу с ума? Ты плод моей фантазии? - спросил я.

- В моем ответе нет смысла, - произнес ветер, - Я в любом случае, скажу, что я реален.

- Как же мне себя проверить? Ведь если ты плод моей фантазии, то знаешь все, что знаю я... Но ведь и ветер все знает обо мне... - начал размышлять я в слух, - А если я спрошу что-то чего не знаю сам, то не смогу проверить. С сумасшедшими всегда так?

- Обычно сумасшедший не задумывается над тем, вменяем он или нет, - парировал ветер.

- А о чем он задумывается?
- Он выращивает свое сумасшествие. Восполняет его пробелы, делает его максимально реальным.
- То есть ты хочешь сказать, что я не сошел с ума потому, что сомневаюсь?
- Что-то вроде...

Запах мяты наполнил камеру своим дурманящим ароматом.

- Почему мята?
- Сегодня одно мятное поле создает особенно сильный аромат. Именно сегодня аромат этого поля самый сильный и прекрасный...

Я ковырял ногтем стену. Уже 43 сна - я их отмечал на стене. Если я не сбился с ритма, то должно было пройти около 43-х дней. Сколько это еще может продлиться?

- Я если я все же схожу с ума? И это мой мозг играет со мной? Мое сумасшествие спрашивает о том, сумасшедший ли я, что бы обмануть меня же?

- Интересная теория, - произнес ветер, - Наверное такое тоже возможно...

- Почему ты не пытаешься меня убедить в своей реальности? - злясь спросил я, - Ты можешь помочь мне решить этот вопрос?! - срываясь на крик выпалил я.

Я подорвался на ноги и ударил стену кулаком. Боль немного уладила злость, которая начинала закипать во мне.

- Нет, - спокойно ответил ветер, - Я могу сказать тебе, что я реален. Но ты всегда можешь усомниться в моих словах. А сказать, что я плод твоей фантазии - не могу! Это не так!

- Как мне все это решить? - спускаясь по стене, спросил я в отчаянии.

- Именно по этому я редко разговариваю с людьми - они начинают сомневаться в моем существовании, и в своем рассудке. А потом делают глупости - прыгают с крыш, и просят меня спасти. Закрываются где-нибудь...

- И ты спасаешь? Тех кто прыгает с крыш... ты спасаешь?

- Нет, - медленно ответил ветер, - Я не могу этого сделать. Принести запах, звук - это одно, а поднять человека - совсем иное.

- Наверное я так долго не смогу... - пробормотал я, - Мне нужно поспать...

Наверное если бы ветер можно было увидеть, то сейчас я бы увидел как он кивнул. Комната медленно наполнилась тихими звуками классической музыки. Спокойной и убаюкивающей. А еще аромат какой-то травы, который быстро успокоил и усыпил меня...

Ветер не появлялся довольно долго - 6 снов.

Я снова начал развлекать себя пересказами фильмов и книг. Но без музыки и запахов, которые мне приносил ветер было грустно. Мне было жаль, что я его обидел. Он приносил мне столько всего, делал мою жизнь в заключении намного красочней и вкуснее. А я так с ним поступил. Мне казалось, что я потерял лучшего друга.

На 7 день я не выдержал. Проснувшись я включил свет съел свой кусок хлеба и выпил пол стакана воды. Потом сел в углу и тихо заговорил:

- Прости меня, за то, что я усомнился в твоем существовании, - я говорил не громко, голос немного дрожал. - Любой на моем месте усомнился бы. Это довольно сложно принять, что ветер, который всю жизнь окружает нас - живой. Ведь намного проще усомниться в себе, чем в том, что тебе внушали всю жизнь. Поверить в свое сумасшествие, чем в чудо.

Я замолчал. Ответа не было долгие секунды, минуты, а возможно и часы. Считать время я разучился безвозвратно.

Сначала моя камера наполнилась запахом свежеевыпеченного хлеба, через несколько секунд ветер произнес:

- Я прощаю тебя. Мне сложно понять насколько тебе тяжело. Но если ты готов продолжать наше общение, то я тоже готов.

- Спасибо тебе, - произнес я.

В душе меня все так же продолжала разъедать мысль о том, что я схожу с ума, но я пообещал себе больше не поднимать этот вопрос вслух. Не важно реален ветер, или же это плод моей больной фантазии, но я не мог остаться сам - тогда я бы точно умер, сделал бы с собой что-то, свихнулся пуще прежнего. Я прост не мог позволить себе остаться один.

- Какое твое самое любимое место на Земле? - спросил я тем временем. - Где ты любишь бывать?

- Такого места нет, - ответил ветер, - И не может быть. Мир быстро меняется, быстро для меня, существующего уже миллиарды лет. Нет такого места, которое могло бы быть любимым все это время. Или хоть сколько-нибудь весомую его часть.

- Но есть же места, которые тебе понравились, за всю твою жизнь?

- Конечно. Их множество... Это поля и леса, те которых уже нет, и те которые только зарождаются. Острова в океане и бескрайние пустыни. Моря лавы, которые были на земле миллионный лет назад. Небоскребы и города - это тоже красиво, в некотором роде. Перечислять можно бесконечно.

- Как давно ты живешь? Что было на Земле, когда ты родился?

- Я появился вместе с планетой. Когда кроме расплавленного океана еще ничего не было...

- Наверное тебе было грустно... Ведь жизнь на Земле появилась не так уж и давно, если сравнивать с твоим возрастом.

- Да, ты прав... Но я привык к одиночеству. Я просто тихо наблюдал за тем, как изменяется пейзаж на Земле, как зарождается и изменяется жизнь. К чему стремиться эволюция. Это как документальный фильм, в реальном времени.

Я прогнал мысли о безумстве и пытался вообразить себе все, о чем говорит ветер. Невероятные пустыни пепла, рождение жизни, эволюция. Это все казалось настолько волшебным и вероятным, что я не мог в это поверить. Жить миллиарды лет, оставаясь простым наблюдателем. Просто зритель, которым может изменить не так уж и много.

- Сложно сказать, хотел бы я быть на твоем месте, - произнес я, - Все что интересно исчезает быстрее, чем ты можешь к нему привыкнуть. Нет возможности иметь друга, который был бы с тобой большую часть жизни. Нет любимой...

- Я привык к тому, что этого нет и не будет, и не сожалею об этом. Также как и большинство людей не сожалеет каждый миг о том, что они не бессмертны, или не умеют летать.

- Ко всему можно привыкнуть, да?

- Как показывает мой опыт, и все то, что я видел - да. Практически ко всему.

Мы замолчали, в камере витал запах кофе и еле слышные звуки джазовой музыки.

- Не обижайся на меня, - повторил я еще раз, - Это не потому, что ты делаешь что-то не так.

- Я понимаю.

До вечера мы больше не говорили. Я наслаждался вернувшейся ко мне музыкой и запахами, которые приносил ветер, и продолжал думать о его реальности. Ведь действительно, ничего не мешает ему быть реальным. Человек еще много не знает об окружающем его мире. Хотя и сойти с ума шансов у меня довольно много. 40 дней без общения, без других людей, без чужого тепла и прикосновения. Мне было интересно, смогу ли я когда-нибудь выяснить достоверно: существует он или нет?

Сон был безобразный. Какой-то лабиринт из которого я пытался найти выход, периодически обнаруживая, что весь лабиринт это моя камера, но без двери, а я просто иду вдоль стены. Ни запахов, ни звуков, ни цвета. Бесконечная серая стена, которая все время сворачивает налево. Я иду прислонившись к ней ладонями и лицом, словно ползу по ней. Потом я замечаю слабый свет где-то вдалеке, спотыкаюсь... и просыпаюсь.

Темно, я поднимаюсь и включаю свет. Привычного стакана с водой и хлеба нет.

- Доброе утро! - голос ветра сегодня на удивление бодрый, - У меня есть хорошие новости для тебя!

- Да?! - удивленно переспрашиваю я, - Меня сегодня забыли покормить? Это твоя хорошая новость, -

не удержался я от сарказма.

- Нет! Тебя сегодня отпустят!

Камера вдруг наполнилась необычным запахом. Чем-то новым и свежим. Запахом свободы и ветра... Я никогда не задумывался о том, пахнет ли ветер, а теперь понял - пахнет. Ветер пахнет свободой. Это не какое-то растение, не запах моря или леса. А смесь всех этих запахов. Этих и множества других. Всех, которые только существуют.

- Ты уверен? - не веря своим ушам переспросил я, - Отпустят?

- Да, через несколько часов ты будешь свободен, - немного печально ответил ветер.

- Ура! Наконец-то! Свобода!

Я не мог сдержать своей радости! Представлял себе, что буду делать когда выйду на волю. Сразу же отправлюсь к ней! Мы будем долго обниматься и целоваться... потом мы отправимся в ресторан - боже, как же ш я хочу есть! И сколько вкусов я хочу вспомнить! Это просто безумство! Потом я обязательно помоюсь и побреюсь. Нет, сначала я помоюсь и побреюсь, а потом в ресторан... Мысли копошились в голове, перекикивая друг друга.

- Как долго я этого ждал... - прошептал я в конце-концов. - Я выдержал...

- Ты молодец...

- Ты чем-то опечален.

- Да, ты прав. Больше мы не будем общаться.

- Почему же? Мы можем общаться и дальше. Возможно не столько много...

- Я думаю, что ты забудешь про меня, и не будешь со мной говорить, - ответил ветер.

- Нет! Что ты! Конечно буду! Это для меня очень интересно и... необычно...

- Ладно... посмотрим, как оно сложится. В любом случае, мне было интересно с тобой.

Запах исчез из камеры.

- Ветер, ты здесь? - спросил я в пустоту.

Ответа не было. Я остался один. Хотя я и понимал, что он все равно меня слышит, не может не слышать... Но он не отвечал.

Через час меня действительно вывели из камеры. Передали в руки полиции. Несколько часов допроса - я рассказал все, что видел и слышал. Не рассказал только о ветре, побоялся, что меня сочтут сумасшедшим и запрут на этот раз в больницу. Потом посадили в машину, которая должна была привезти меня домой. Сколько мы ехали - не знаю. От усталости и эмоционального волнения я провалился в сон, и проснулся всего за несколько минут до приезда.

Мы обнялись. Она плакала у меня в руках. И я тоже плакал, от счастья. Сколько я ее не видел? 83 сна. Или 104 дня, как сказали мне в полиции.

Мы долго так стояли, может пятнадцать минут, может пол часа, может час - я совершенно разучился ориентироваться во времени. Ветер мне больше не отвечал. И даже сейчас, задумываясь о тех долгих минутах, часах, днях, проведенных в камере я не могу точно сказать - был ли он там, или это просто моя фантазия...

Хотя иногда, засыпая мне кажется, что я слышу как он приносит мне звуки тихой и спокойной музыки.

И запах травы, которая так быстро успокаивает и усыпляет...

dinalt (Владимир Заричнюк)

А все ты врешь...

Пустыня, недалеко от Нью-Рено, полдень.

- А я говорю — это труп! - сказал Трквэон, разглядывая неподвижное тело сквозь ставший прозрачным пол корабля.

- Да ну, нет... Какой труп — вон, и медсканер зафиксировал слабенькую вибрацию в области грудины, - протестуяще замахал щупальцами Зааак

- Вот он, знаток человеческой анатомии... Какой-такой грудины? Грудная клетка — вот как это называется. Ты что, на лекциях спал? - Трквэон растянулся в издевательской улыбке, десятисантиметровые клыки влажно блеснули, отразив свет приборной доски.

- Ага, не увиливай — смотри, он шевельнулся! Ты мне должен пятьсот вуки! - радость так переполнила зейтянина, что он выпустил ароматное фиолетовое облачко из ромбовидной железы.

- Фу, Зааак! Ты что, ополоумел? Прибереги свои распыления для самок...

Тем временем летательный аппарат завис над землей, три опоры медленно выехали из его нутра и уперлись в песок. Трквэон помог Заааку натянуть защитный шлем и зейтяне, вооружившись легкими бластерами, спустились по автоматическому трапу.

Раскаленный полуденным светилom песок, казалось, вот-вот потечет, превращаясь в стекло. Жара вынудила зейтян включить в шлемах систему микроклимата и Зааак, по старой привычке, начал жаловаться на хронический насморк.

Человеческое тело лежало в том же положении, но издаваемые им звуки говорили о том, что в нем еще теплилась жизнь. Синий облегающий комбинезон был изодран в нескольких местах. Там, где одежда истрепалась или же просто не закрывала тело, начали уже проявляться красные солнечные ожоги.

- Как странно он дышит, - тихонько прошипел в микрофон шлема Зааак. - Видимо дыхательные пути забиты или повреждены.

- Я слышал, на Земле есть существа, которые впадают в анабиоз, если окружающая среда настолько агрессивна, что лучше переждать...

- Когда это ты слышал, - осклабился Зааак, - девять куакити назад? Да люди успели за это время порядочно засрать родную планету, да еще и войну устроить ядерную! Думаю, если и остались какие-то зверушки, к ним лучше не подходить без, как минимум, станнера.

Человек перевернулся на спину, промычал что-то невнятное и снова затих.

- А это что? - спросил Зааак, поддев щупальцем какую-то бумажную упаковку желто-красного цвета. - Прочитай, что здесь написано — ты же у нас специалист по примитивным языкам.

- Б-А-Ф-Ф-А-У-Т... - протянул Трквэон, вертя в щупальцах находку. Он открыл упаковку и на песок выпало несколько зеленых таблеток. - Наверное какое-то лекарство. Может человек не успел их принять и теперь умирает в страшных муках?

Словно бы в подтверждение этого умозаключения, человек пару раз дернул ногой.

Обитатели планеты Зейт не зря считались одной из самых сердобольных рас своей галактики. Вот и сейчас заботливый Зааак поднял с песка две зеленые таблетки и закинул их одну за другой в рот умирающему без спасительного лекарства человеку.

- Надеюсь, не слишком поздно... - прошептал Трквэон, наблюдая за неподвижным телом несчастного. Сначала ничего не происходило. Затем разошедшие губы сомкнулись, человек заработал челюстями, закашлялся, пытаясь проглотить вязкую слюну, и резко сел.

- Как вы? - спросил Зааак, склонившись над спасенным гуманоидом.

Чудовищной мощи удар пробил крепкое стекло защитного шлема и ядовитый земной воздух едкой кислотой заполнил легкое зейтянина.

Трквэон попытался прийти на помощь товарищу, но недостаточно быстро вскинул бластер, и на удивление крепкая босая ступня расколола и его шлем.

«Вот и помогай после этого людям», - подумал Зааак, прежде чем силы, а за ними и сама жизнь, оставили его.

- Нет, ну я бы еще мог поверить, что ты «алиен бластер» нашел у разбитого корабля пришельцев, поговаривают, что в пустыне его найти можно. Или на секретном объекте Анклава... но такое наглое вранье... блин, не будь ты Избранный, я бы тебе в репу дал... Но я о твоём нраве слышал — боюсь, что это было бы чревато тяжелыми последствиями для моего организма, - Громила Боб приложился к пинтовой кружке пива и с укором посмотрел на завравшегося Нарга. Старый караваник был слышал о подвигах так называемого Избранного, но в такую откровенную ложь верить отказывался. - Да мне, если честно, ср...ть, - ответил Нург, убирая свое фантастическое оружие обратно в широкую кобуру, что была аккуратно прилажена к поясу. - Ты спросил, я ответил.

Политехник (Антон Зырянов)

Отражение

Одиннадцатилетний Гарри Поттер сидел на пыльном полу заброшенного класса и смотрел в зеркало Желаний. Он смотрел на своих родителей. Он приходил сюда каждую ночь, чтобы посмотреть на них. Даже после того, как Дамблдор рассказал ему, что это за зеркало, и что оно делало с людьми, мальчик не перестал к нему ходить. Напротив, теперь он проходил в этот класс каждую ночь. Что-то тянуло его сюда.

«Как бы я хотел, чтобы на место меня пришёл кто-то другой! Кто-то, кто смог бы справиться со всем этим лучше меня. Кто-то, кто смог бы отправить меня к родителям...» — с грустью подумал Гарри, смотря в зеркало.

И он был очень удивлён, когда поверхность зеркала будто потекла. Постепенно посредине зеркала, всё больше расширяясь, образовался тёмный провал, из которого вышел... он сам.

Точнее, не совсем он. Да, на первый взгляд они были одинаковы, но, приглядевшись, можно было заметить различия.

Гарри, вышедший из зеркала, был каким-то холодным и неживым. Он был другим. И, не смотря на это, Гарри, сидящему на полу, его двойник не показался страшным.

Улыбнувшись ему, Гарри проговорил:

— Ты пришёл отправить меня к родителям?

— Да, а ты как думал? — улыбнувшись в ответ, проговорил двойник. Вот только, эта улыбка не коснулась его глаз. Но Гарри это не смутило.

— И когда мы отправимся? — спросил Гарри, изнывая от нетерпения.

— Да хоть прямо сейчас, — улыбнулся мальчику его двойник и протянул ему руку. — Ну что, пойдём?

— Подожди, а как же профессор Дамблдор? Я не могу его бросить! — грустно проговорил Гарри, смотря в пол. Поэтому, он не увидел, как при упоминании Дамблдора исказилось лицо его копии.

— Гарри, давай сделаем так, — начал говорить Гарри-из-зеркала, присаживаясь рядом с Поттером, — я отправлю тебя к родителям, а сам займу твоё место, хорошо? И никто ничего не узнает, — доверительно проговорил двойник, смотря в глаза мальчику.

Тот с секунду подумал и произнёс:

— А точно никто не узнает об этом?

— Точно, — искренне улыбнулся другой. На секунду, в его холодных глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Ну хорошо, — улыбаясь, ответил Гарри, протягивая руку. Двойник пожал её. И через секунду Гарри Поттер, Мальчик-Который-Выжил, растаял.

Открытая и добрая улыбка другого превратилась в хищный оскал.

— Не волнуйся, Гарри, я сделаю всё в лучшем виде, — сказал он тихо. Подняв мантию-невидимку, Гарри - другой Гарри - не оборачиваясь, вышел из кабинета, чтобы никогда больше в него не вернуться.

А в это время Альбус Дамблдор улыбнулся. Гарри смог побороть притягательную магию зеркала. По крайней мере, больше его возле зеркала директор не чувствовал.

Со спокойной душой Дамблдор отправился спать, не предполагая, что уже ничего не будет по-прежнему...

Lord

День рождения

Уединившись в библиотеке, в которой, по вине очень назойливой особы, стал бывать реже, я надеялся хоть немного побыть в тишине. Безвылазно сидеть в лаборатории, куда Ирэн практически не заглядывала, мне было скучно. Но, увы, насладиться покоем мне не дали.

Массивная дубовая дверь с грохотом отворилась, возвещая о том, что у меня посетители. Вслед за грохотом в комнате раздался полный радости голос, от звука которого у меня все внутри похолодело.

- Ники!!!

Судорожно попытавшись спрятаться за кресло, я завопил.

- Лира, не подходи!

Рыжеволосая колдунья остановилась в нескольких шагах от меня, с недоумением разглядывая. В это время в комнату зашел Фил. Я, увидев его, облегченно перевел дух, поняв, что быть задушенным огромной грудью мне не грозит. С опаской покосившись на Лиру, все так же стоящую неподалеку, я поинтересовался.

- А что вы здесь делаете?

По вытянувшимся лицам друзей я понял, что ляпнул что-то не то. Фил сдвинулся с занятого им места у двери и совершенно спокойно спросил, остановившись в шаге от меня.

- Ник, ты случаем не заболел?

С этой фразой он протянул вперед руку - видимо хотел убедиться в правдивости своих слов. Я проворно отскочил, глядя на друга, как на сумасшедшего.

- Фил, если ты забыл, маги не болеют.

Друг проводил меня долгим, задумчивым взглядом.

- Знаешь, с твоей-то тягой к «приключениям», все может случиться.

- Что, например? - полюбопытствовал я.

- Ты можешь забыть, когда у тебя день рождения.

Я возмутился.

- Да никогда!

- Правда? Ну, тогда напости мне, когда же наступит сей знаменательный день.

И, правда, когда? Я замер, пытаюсь выудить из памяти столь важную дату. Как назло, ничего не вспоминалось, и я стоял перед друзьями с видом дурака, растерянно хлопа глазами.

Фил между тем патетически возвел глаза к потолку и громко провозгласил.

- Как же так? Дорогая, мы так старались, искали подарок, а этот, - он махнул в мою сторону рукой, - даже не помнит о том, что у него сегодня день рождения!

- Сегодня? - я переспросил Фила, надеясь, что у меня проблема со слухом, и я что-то неправильно услышал.

- Ага! - подтвердил он, радостно улыбаясь, но мне эта улыбка показалась оскалом кровожадного монстра.

Ой мамочки... Если дружеские посиделки я, хоть и со стыдом, но вспоминал, то ни один из моих дней рождений в моей памяти не запечатлелся - до такой степени я напивался. Причем ни Лира, ни Мариан от остальных не отставали, накачиваясь спиртным по самое не могу. Они объясняли это совсем просто - день рождения один раз в году, и отмечать его нужно с соответствующим размахом.

- Да ладно тебе, Ник. Повеселимся, - Фил ободряюще хлопнул меня по плечу, не замечая страдальческого выражения моего лица.

- Ну да... - в моем воображении уже рисовалась картинка сегодняшнего вечера, который и вакханалией назвать было бы слишком мягко.

Тихо скрипнула дверь, возвещая о новом посетителе. Но мне даже не пришлось гадать кто это. Не узнать подозрительный голос принцессы - я что, идиот?

- Фил, Лира? Что вы здесь делаете?

- Здравствуйте, Ирэн. - Фил очаровательно улыбнулся. - А мы тут пытаемся вернуть Нику остатки памяти и совести заодно.

Девушка метнула в меня торжествующий взгляд. Понятно, нашла еще одно доказательство того, что я «злой колдун», «мучитель невинных девиц» и далее по списку.

- Кстати, Ирэн, а ты не сможешь мне организовать праздник? - Лира улыбнулась, а я едва сдержал стон. Знаю я ваши праздники...

- Праздник? - принцесса недоумевающе посмотрела на колдунью.

- Ну да, у Ника сегодня день рождения, а к приходу гостей еще ничего не готово! - жена Фила защелкала, подхватив Ирэн за руку и потащив к выходу.

- У Ника? - девушка в последний раз обернулась. Судя по ее расширившимся глазам, наследница рода Келионендора и не подозревала, что у меня может быть день рождения.

- Пойдем? - поинтересовался Фил.

- Куда? - без особого энтузиазма отозвался я.

- Готовиться к празднику, конечно же!

- Лира, постойте! - я попыталась вырвать руку из цепкой хватки колдуньи, хотя проще, наверно, уговорить Ника сходить в храм на исповедь, чем сделать это. Но отступать просто так я не собиралась, и лишь сделав еще несколько попыток освободиться, окончательно смирилась с тем, что меня куда-то тащат. В конце концов, не будет же это продолжаться вечно?

Мои умозаключения оказались верны. Буквально через десять минут Лира резко затормозила у непристойной двери. Я же в эту дверь едва не врезалась. Повернувшись к рыжеволосой ведьме, чтобы высказать ей все, что думаю по поводу ее хамского обращения со мной, я так и застыла с открытым ртом не успев ничего произнести. Зато Лира говорила много...

- У Ника сегодня день рождения, и мы собираемся отметить его так, как еще никогда не отмечали и твоя кислая мордашка на празднике будет не к месту. Патетичные возгласы о том, что у злых колдунов, коим по твоему мнению и является Ники, праздником является жертвоприношение в честь Кровавых богов и о том, что у него по определению дня рождения не может быть, не потерплю. Но и сидеть в своей комнате весь вечер не позволю. Так что побыстрее вспоминай королевскую жизнь и нацепляй на лицо ту фальшивую улыбку, с которой ты встречала приближенных ко двору аристократов. Испортишь Нику настроение - за последствия не отвечаю. Ясно?

Я кивнула.

- Молодец. Задание у меня для тебя маленькое, надеюсь, сама справишься. Иди на кухню к Милене и предупреди, чтобы она много не готовила. Затем можешь быть свободна как ветер, но ближе к вечеру должна быть в гостинной. А я займусь кое-чем другим, - с этими словами она открыла дверь и скрылась за ней.

Наверно я очень уж странно выглядел, стоя посреди гостинной и ошалелыми глазами глядя на монументальное сооружение передо мной, раз Дариан подошел ко мне, с заботой произнеся.

- Слушай, Ник, у тебя бровь дергается. С тобой все в порядке?

Все ли у меня в порядке? Не знаю, наверно будь я заядлым алкоголиком, то с энтузиазмом и сумасшедшим блеском в глазах ответил бы да, но им, к моему вящему удовольствию, не являлся и являться не буду. А посиделки с друзьями в расчет не принимаются. Поэтому я лишь с кислой физиономией отвечивал.

- Вроде бы. Просто меня уже несколько минут гложет любопытство, требуя ответа на вопрос «Где Лира умудрилась достать столько спиртного?». Ты случаем не знаешь?

Дар смутился.

- Она мне не говорила.
- У вас в погребе, Ник. - прозвучавший за спиной голос принцессы был полон вежливости и учтивости. Я даже обернулся, чтобы посмотреть, ни примерещился ли мне он. Да нет, Ирэн стояла в нескольких шагах от меня, потупив взор и смущенно улыбаясь. Эта милая улыбка повергла меня в еще больший шок, чем приготовленные Лирой бутылки с выпивкой. Девушка быстро подняла на меня взгляд и тут же опустила его, одновременно начав говорить.
- Ник, я не знала о вашем дне рождения и поэтому не смогла заранее подготовить подарок. Надеюсь вы простите меня и примете этот скромный дар.
Пока я тихо сходил с ума, Ирэн всучила мне какую-то коробочку и быстро отошла в сторону. Но предаваться горьким размышлениям о том, что у меня явно начались галлюцинации мне не дали: в комнату зашли Адриан и Мариан. Что было дальше я не помню... Хотя нет, я видел как Ирэн пила вместе с Лирой. Или же это опять галлюцинация?

- Эй, Ирэн! - Лира толкнула меня.
Я перевела на нее мутный взгляд, осознав, что уже несколько минут смотрю в пустой стакан, дожидаясь неизвестно чего. Хотя... может, того, что он наполнится сам?
Колдунья нелепо хихикнула.
- Слушай, наши парни уже, похоже, поспели. Пошли!
- Куда? - я вцепилась в ближайший наиболее устойчивый предмет.
- Ик! Сказки рассказывать! - с видом всепонимающего и всепрощающего учителя пояснила она. Пожала плечами. Сказки, так сказки. Чего уж тут непонятного?
А Лира уже тащила меня к магам, сгрудившимся в кучку и о чем-то шепчущихся, при этом постоянно хихикая.
- Ники, Ирэн хотела рассказать вам сказку, - ангельским голоском пропела она. Тот удивленно на меня уставился.
- Я их не люблю.
Сказку? Остатки разума, еще не пребывающие в состоянии опьянения, требовали бежать отсюда как можно скорее, но при взгляде на Лиру эти остатки благоразумно умолкали. А тем временем колдунья строила жалобную физиономию.
- Ну, Ники!
Колдун смерил меня подозрительным взглядом.
- Только одну.
Я кивнула.
Ник на секунду застыл, а затем разразился пафосной речью.
- Друзья мои, я вынужден вас покинуть. Но знайте, я еще вернусь! - и тихо прибавил. - А ты, Мариан, спи.

Как же приятно проснуться в своей постели! Именно такая мысль первой пришла ко мне при пробуждении. Не раскрывая глаз, я наслаждался тем, как по лицу скользят робкие солнечные лучи. Но долго я валяться без дела не смог: открыл правый глаз и ленивым взглядом скользнул по комнате. Что удивительно, своей. Отметил про себя привычный бардак и с чувством глубокого удовлетворения разлепил левый. В поле зрения мелькнуло что-то золотое. Я любопытством повернулся в ту сторону, где этот цвет заметил и едва не перестал дышать от ужаса. Рядом со мной, свернувшись в клубочек и подсунув ладонь под щеку, тихо спала Ирэн.
- Больше не пью, - тихо пробормотал я и закрыл глаза, чтобы досмотреть свои сны.
Проснулся я во второй раз от отчаянного женского визга...

Шатриена

Третий ответ

- Посмотри на меня. Посмотри на себя. Чувствуешь разницу?
- Нет. Нет никакой разницы.
- Вот и я говорю, никакой разницы нет! А они нам не верят.
- Нам никто не верит.

Нельзя было не согласиться. Мужчина устало вздохнул и присел на единственный стул посреди пустой комнаты. Вокруг стены и ничего кроме стен, досаждающих своей простотой и идеальностью. Белые, гладкие, прямые! Хотелось плюнуть под ноги от отвращения, но мужчина сдержался, вежливо поклонился собеседнику - позволил продолжить разговор.

- Мне больше нечего тебе сказать.
- Ты всегда такой бесчувственный, холодный! Мне не с кем поговорить в этом богом забытом мире. А ты – моя последняя надежда – отказываешься наполнить беседу теплом и дружбой!
- Мы с тобой не друзья.

Они молча устали друг на друга – такие похожие и такие разные. Сидящий нервно стучал по деревянной спинке в ожидании, надеялся и ловил каждое движение стоящего. Тот старался не двигаться и обращал пустой взгляд куда-то вдаль.

Он был умен. Сидящий чувствовал, как рой мыслей копошится в его маленькой лохматой голове, но ни одна, даже самая маленькая мысляшка, недоступна для наблюдателя. Верх самообладания! Особенно здесь, в месте, где время остановилось.

- Друг, давай в загадки, а? Ты любишь такие игры, я знаю!
 - Я знаю ответ заранее.
 - Это нечестно! Я даже не успел...
 - Тебе и не надо успевать. Я просто знаю.
 - Хорошо, кто...?
 - Человек.
 - Правильно!.. Нет-нет-нет! Ты знал, знал – я просто часто задаю эту загадку. Сейчас ни за что не угадаешь! В нем..?
 - Душа.
 - Черт бы тебя побрал, умник недоделанный! Если отгадаешь третью загадку, так и быть, я замолчу навсегда и больше не буду тебя мучить. В душе..?
- Стоящий молчал, будто бы не слышал вопроса. Смеющиеся глаза выдавали тайну холодной маски, но он не мог изменить самому себе. Просто потому что природа была такой. Все в этом мире просто. И отгадку стоящий знал, но не спешил. Наслаждался мгновением, а может быть, просто не хотел заканчивать игру и побеждать. А зачем, если после ждут вечные годы молчания и одиночества? Смерть для обоих.
- Я не знаю.
 - Да! Да! Да! Я победил, я победил и сделал тебя! Слышишь? Победил, сделал и уделал... Убери этот камень с лица и улыбнись хоть раз, зараза. Ну же, порадуйся за меня!

Да, он был рад за него, был рад за себя. Был рад за всех, ведь всего на мгновение, но он почувствовал легкое дуновение свежести. В затхлой пустоте. Их скромный мир заиграл яркими красками. И третий ответ – противостояние в душе человека, что рождает движение и жизнь. И в этот раз он позволил себе проиграть... Но только в этот раз.

Kairon (Вячеслав Кайгородов)

Пианист

Пианист быстро пробежал руками по клавишам, вызывая последний аккорд и замер, подняв руки над роялем.

Но музыка не стихла, она плавно продолжала звенеть еще несколько секунд, медленно и мягко оседая повсюду. Покрывая собой замерших слушателей и официантов, столы с выпивкой и закусками. Мир словно замер, купаясь в отзвуках последних нот. Никто не смотрел на музыканта или рояль, каждый смотрел внутрь себя. Казалось, что музыка проникла в самые души людей, заставляя задуматься о своих никчемных, грязных жизнях. Взглянуть на них глазами ребенка, который находится где-то глубоко, за десятком дверей, что бы ничто не могло достать его. Да, каждый давно уже оправдал для себя эти двери, ведь не хочется плакать вечерами, чувствовать боль не только свою, но и окружающих, помогать просто так...

Но сейчас, в этот короткий миг, которого, может быть, и не было, каждый позволил ребенку внутри себя выглянуть наружу, глотнуть воздуха. Пусть не свежего, а пропитанного табаком и алкогольными парами, но все же... Возможно, да что там возможно - абсолютно точно, можно сказать, что большая часть из этих людей не хотели этого, но музыка, музыкант, не привыкли спрашивать разрешения. Они просто распахивали двери и выпускали детей на волю. Пусть на секунду, мгновение, миг, но это меняло все. Раз и навсегда.

Когда последние ноты коснулись пола, оставив зал ресторана в полной тишине, музыканта уже не было. А люди... да что с ними станется? Они не заметили исчезновение неведомого маэстро, также как совсем недавно не заметили его появления. Они не заметили ничего.

А двери - остались открытыми. Они поймут это потом. Кто-то позже, кто-то раньше, но это - неизбежно.

остается только один вопрос, на которым не сможет ответить даже пианист - что будет дальше?

Он действительно не знает ответ, но чувствует его в мелодии, которую играет. Это чувство заставляет играть вновь и вновь...

dinalt (Владимир Заричнюк)

Украденный поцелуй

1.

— Жак! — громкий веселый голос заставил обладателя этого имени оглянуться. На лице сразу же появилась улыбка, потому как тот, кто его окликнул, оказался его лучшим другом, хулиганом и бабником Полем. Жак остановился и отошел к стене, позволяя школьникам, спешившим на следующий урок, свободно пройти. Поль сразу же пристроился рядом и, пригладив растрепанные рыжие вихры, произнес. — Тут одно дельце. Знаешь ведь, все говорят, что ты можешь влюбить в себя любую девушку. Это правда? Он вздохнул, глядя на лучшего друга, словно на сумасшедшего. — Не люблю. Только ту, которая мне понравится. Поль отмахнулся от его слов, как от надоедливой мухи. — Неважно. Главное, что можешь. Так вот, есть одна девушка. Если ты сделаешь так, чтобы она тебя поцеловала, то можешь... — Что за девушка? Парень недоуменно приподнял брови. — Тебе что, не хочется узнать, что ты за это получишь? — Все равно это будет что-то, что мне ни разу не пригодится. — И так всегда. Ладно, смотри, — он подтащил Жака к ближайшему окну. — Видишь вон ту рыжеволосую красавицу? Нет, не ту. Та, что с книгой стоит. Увидел? Ага, это она. Жак окинул взглядом невысокую девушку. Довольно миловидная, она не казалась особой красавицей, но и дурнушкой не была. Длинные, светло-рыжие волосы, темно-зеленые глаза, спрятавшиеся за стеклами очков, пухлые губы, стройная фигурка. Он развернулся к другу, чувствуя какой-то подвох. — Она же в твоём вкусе, почему тебе самому не попробовать ее уговорить? Рыжеволосый ловелас лишь развел руками. — Она мне не по зубам. Типичная отличница, одним словом. Ты же знаешь, я таких терпеть не могу. — Тогда ладно. Осталось лишь дождаться окончания уроков.

2.

— Эй, красавица! — не обратив внимание на то, что помимо его цели обернулось несколько весьма и весьма симпатичных девушек, Жак заставил ее притормозить. — Можно тебя кое о чем попросить? Это не займет у тебя много времени. Она подняла не него глаза и подозрительно прищурилась. — Да? Говори. Он вздохнул и, постаравшись быть предельно честным, выдал. — Я поспорил с другом, что ты меня поцелуешь. Ты довольно милая и симпатичная, но я не хочу дурить тебе голову. Поэтому нам обоим будет проще, если ты меня поцелуешь. Она резко опустила голову, при этом ее глаза как то странно блеснули. — Издеваешься? — Нет. Но если ты не сделаешь того, о чем я прошу, то не отстану, клянусь. — Зачем тебе это все? — Просто спор. — Ясно, — она быстро приблизилась и поцеловала его. Поцелуй длился пару секунд, после чего она сделала несколько шагов назад и поспешно отвернулась. — Достаточно? — ее голос слегка дрожал. — Да, спасибо, — Жак обворожительно улыбнулся, но девушка лишь буркнула. — Теперь это точно последний раз, когда я тебя целую.

3.

Произнеся эту загадочную фразу, она бросилась прочь. Парню осталось лишь недоуменно смотреть ей вслед.

— Амели! — он вихрем ворвался в библиотеку, с тревогой оглядываясь вокруг. Она точно должна быть здесь. — Амели! — Не кричи, — она выглянула из-за шкафа с книгами. Все такая же серьезная. — Что тебе еще от меня нужно? И как ты узнал мое имя? Ох, неважно. Что ты здесь делаешь? — Тебя ищу, — ответил Жак. — Прости меня. — За что? — Я совсем забыл о тебе. Прости. И как он мог забыть ее? Ведь она всегда была рядом, поддерживала в трудные минуты, всегда помогала и... любила. Да, Амели — его первая любовь. И наверно последняя, потому что таких, как она, больше нет. Его вина в том, что он не узнал ее. А все потому, что тогда пришлось уехать. Но больше ее терять Жак не собирался. Стекла очков блеснули, закрывая от него глаза владелицы. Жак почувствовал себя неловко, понимая, что уже во второй раз заставил ее плакать. — Амели... — Да? — Я люблю тебя. Она вспыхнула, покраснев почти мгновенно. — Не лги! — Я не лгу, — он обнял девушку. — Скажи и ты. Я хочу услышать эти слова от тебя. — Я... я люблю тебя, — сказав это, Амели покраснела еще сильнее и спрятала лицо у него на груди. — Хорошо, — он крепче прижал ее к себе. — Теперь я тебя никуда не отпущу.

Шатриена

Жажда гения

— Достаточно!

Рука учителя - сухая и горячая, легла на запястье, смычок куснул струны и получившийся звук заставил ученика вздрогнуть.

— Мне сказали, что ты талантлив, но я этого не вижу, — Рихтерович продолжал ходить вокруг юного скрипача и размышлять вслух. — Техничен, не спорю. Но ты играешь ноты, а мне нужна музыка.

— А ноты и музыка не одно и то же? — Сережа терпеть не мог, когда его прерывали.

— Музыка, — Рихтерович отошел к окну, — это то, что под и над нотным станом, но никак не на нем. Что там написано?

— Andante sostenuto, — юноша, прищурившись, вглядывался в черные закорючки.

— Тогда почему ты продолжаешь истерично визжать? Вилку видел?

— Видел.

— Ну и где твое diminuendo, а? — Рихтерович начинал входить в раж, он подлетел к пюпитру и ткнул в ноты. — Вот здесь, к этой самой тактовой черте, ты должен умереть, а ты нагнетаешь... Не чувствуешь того, что играешь!

Сергей обижено фыркнул, резким движением скинул ноты с пюльта и начал спешно паковать скрипку в футляр: «Если моя игра так плоха, то зачем тогда нужно было, вообще, приезжать на прослушивание и тратить свое время и деньги?»

— Ну и куда ты собрался? — Рихтерович устало плюхнулся на стул и достал из кармана пиджака пачку «Арктики». — Где обещанный Бах?

— А вы что, курить здесь будете?

— Да, играй давай.

Сережа задумался на несколько секунд. Ему всегда твердили одно и то же - что он очень одарен и прирожденный музыкант. Так какого черта этот престарелый, неопрятный алкаш унижает его. Можно было, конечно, плюнуть на все и уйти. А можно попытаться что - то доказать этому пропитому таланту.

— Я смотрю, ты вторую партиту играешь? — едкий дым и запах крепкого табака наполнили небольшую комнатку. Учитель выдохнул колечко, неожиданно закашлялся и начал вытирать проступившие слезы рукавом. — Ну, про Чакону мы пока забудем, давай сначала, с Алеманды.

Сережа подал плечами: «Алеманда, так Алеманда». Он поправил мостик и пристроил скрипку на плече так, что бы было удобно. Настоящее мастерство скрипача, да и любого другого музыканта, заключается в свободе рук. На то, что бы непринужденно «водить» смычком уходит до десяти лет. Но наш молодой талант еще не вышел на такой уровень, а вот учитель его достиг. И именно поэтому Сережа и сыграет Баха сейчас.

В комнатке зазвучала музыка, старинный танец, рожденный в темные времена. Написанный человеком, никогда не выезжавшим из своего городка и не видевшим ничего особенного, кроме церкви, в которой он работал. Человека, который при жизни так и не смог вкусить славы и всеобщего признания.

— Хватит! Прекрати! — Рихтерович отчаянно замахал руками, разгоняя сизый дым. Он снял запотевшие очки и вытер их засаленным носовым платком. — Это кто угодно, только не Бах. Ты же полифонию играешь, а здесь нельзя отдыхать. Забудь про каденции, их тут нет. Веди напряжение от первой ноты и до последнего разрешения.

Сергей буквально вскипел, от ярости побелели костяшки пальцев, а голова закружилась. Запах дешевого табака начинал выводить из себя.

— Да ты кто такой? — Сереже хотелось кричать. — Чего ты добился? Я - лауреат, меня приглашают в престижные оркестры, а ты сидишь здесь, в этой занюханной комнатенке!

— Осади, — учитель вытащил еще одну сигарету и покрутил её большим и указательным пальцами. — Я тоже был молод и меня тоже приглашали... Черт! Да куда меня только не приглашали.

Сережа удивленно смотрел на Рихтеровича и вспоминал, откуда это дурацкое прозвище. Кажется, что - то связанное с пластинкой Святослава и парой бутылок водки. Он напрочь забыл эту историю. Пожалуй, следует оживить её в памяти. Он присел на стул, напротив этого некрасивого мужика с такими тонкими, женственными пальцами и внимательно посмотрел ему в глаза.

— Тогда, почему вы здесь, вы ведь почти гений... мне рассказывали об этом.

— Потому, что я скрипку ненавижу. — Рихтерович продолжал вертеть несчастную папиросу в руках.

— Она отняла всю мою жизнь. Это ты способен понять? Ни жены, ни детей, ни жилья постоянного. Я проклят! У меня ничего нет, потому, что все свое время, все силы, всю любовь, радость, гордость, все я отдал ей.

Учитель резко поднялся и начал мерить шагами комнату. Ученик, обескураженный таким неожиданным всплеском эмоций, не мог прервать учителя. А тот лишь распалялся.

— Понимаешь ли ты, что на скрипке нужно играть либо - почти гениально, либо - никак. Можно, конечно, и очень талантливо, но не хуже. Мой отец учил меня этому, это все, что он смог и захотел мне дать. Он заставил меня сначала полюбить, а затем возненавидеть её. Все свободное время... 7 часов занятий, 8 часов занятий. Я натирал кровавые мозоли, струны были очень жесткие... Я любил девочку, но проклятая скрипка, жажда гения... Она все сломала.

Он наконец успокоился и почти упал без сил на потертый, скрипучий стул.

— Тогда зачем? Ну, раз вы её ненавидите. — Потрясенный ученик сидел тихо и ласково поглаживал гриф своей рыжей красавицы.

— У меня больше ничего нет. Я разучился чувствовать, как все обычные люди. Я могу выражать свои эмоции только через музыку. Это первый раз за много лет, когда я рассказал что - нибудь о себе мало-знакомому человеку.

— А если я стану гением? — от мягких прикосновений чутких пальцев струны издавали тихий, приглушенный звук.

— Гением нельзя стать, но можно пожертвовать всем, работать на износ и встать с гениями в один ряд. Вспомни Моцарта и Бетховена. Если юному Вольфгангу все давалось легко и непринужденно, то Людвиг работал, как проклятый. Он страдал, он рвал и метал. Но он приблизился, он создал девятую симфонию - гимн человечества, не будучи гением.

— А вы сможете научить меня?

— Я... — Рихтерович склонил голову и задумался. — Я давно уже ни с кем не работал. Тебе придется зажечь меня самому.

— Ну что же, тогда я попробую.

Sovest

Диалог о счастье

- Мам, а что нужно человеку, чтобы быть счастливым?
- Сложный вопрос, малыш...
- А что же такого сложного?
- Ну-у-у, понимаешь, сынок, счастье- оно для каждого свое.
- Мамуль, а ты счастлива?
- Люди не могут быть постоянно счастливы...
- Но, ты не ответила на вопрос - ты счастлива?
- Сейчас – да, я счастлива.
- И завтра будешь счастливой, и через неделю, и через месяц?
- Это неизвестно никому, сын.
- Странно получается, мам...Я думал, что счастье- это внутреннее состояние, в котором можно находиться всегда, если захотеть - и днем, и ночью, и через год...
- Ты хочешь сказать, что оно не зависит от внешних факторов?
- Внешних факторов...? Наверно, да, я это имел ввиду...я просто еще не знаю таких слов... Для вас, взрослых, все как-то сложно - одни проблемы у вас в голове. И мне кажется это неправильным, что именно эти проблемы определяют, будете ли вы счастливы или нет.
- Жизнь не такая легкая, как кажется, сынок...
- Мам, жизнь такая, какой мы ее воспринимаем!
- Какой же ты у меня уже взрослый...
- Нет, мам, я еще ребенок - я пока еще счастлив всегда...

Veterperemen (Юлия Куриленко)

Чертополох

Ирва первый раз пришла на Поле. Это не было обычным полем, полянкой или опушкой. Это было Поле Чертополоха. Чертей пугает эта трава да нежить всякую. И растет в местах не заповедных, а злых и глухих. Защищает колючая трава добрых людей, детей дня, низкий ей поклон за это. Ирва поклонилась. Худая, длинная с растрепанными волосами, сама была как чертополох. Длинная белая рубаха, полоской белой перехваченные волосы, синие глаза, курносый нос, босые ноги. На шее голова Чертополоха, над головой раскаленное белое Солнце. Дурман трав, жар жизни, пение цикад. Голова кружится. Воздух пьянит. Время Чертополоха. Ирва входит в море магической травы, вскидывает голову и зовет. Откликнулась трава на ее зов, заколыхалась, очнувшись ото сна, закружила вокруг, заволновалась. Склонили красные головы, поклонились в ответ на поклон, легли на протянутые белые руки. Покинули землю, вышли с корнем, ровно столько, сколько счёл нужным отдать Чертополох. Вновь поклонилась Ирва. Бережно прижала колючие кусты к себе, легла на землю горячую, живую, в траву с травой. И лежала, вдыхая целебный воздух ровно до полуночи, когда Солнце заменила Луна. Два глаза у дня. Живой и мертвый. Горячий и холодный. Разумный и магический. Две стороны души человеческой. Вспыхнул костер живого огня, потянул руки к огню звезд неживому. Кинула Ирва голову Старого Чертополоха в огонь, поблагодарила за службу верную. Вспыхнула голова алым как кровь, жарким как сердце. Вспыхнуло, да не пропало. Искрой взлетело в небо, вернулось и в Новую голову вошло. Ведьма села на колени перед ней, поклонилась и на шее утвердила. Долго полыхал костер живой, без дров, не обжигая травы, долго пела Ирва-ведьма слова заговоренные. А как утро настало, так не Поляны, ни Ирвы не стало.

Avert

Мелодия воспоминаний

Чарующая осень. Она успокаивает. Приводит мысли в порядок, холодным ветром выдувая из головы все лишнее. Мечты? Всего лишь пустая трата времени. Да и в свои почти 30 уже поздно мечтать. Половина жизни пройдена. Как говорил мой отец «мечты лишь для юнцов да глупцов»...

Каждый раз, проходя мимо дома, стоящего на отшибе деревни, можно услышать очень красивую, но невероятно грустную мелодию. Изю дня в день, человек, живущий в том доме, играет ее на фортепиано, пытаюсь вспомнить что-то очень важное. Но каждая его попытка обречена на провал. Несколько лет назад он попал в аварию, после чего навсегда утратил способность запоминать события, происходящие с ним. Он помнит лишь свою жизнь до аварии и ни днем больше.

Тяжелее всего родителям было переносить утренние разговоры, каждый день объясняя своему сыну, что случилось. Неверие, страх, отчаяние. Походы к врачам, обследования, и бесконечно длинные беседы с психологами. И над всем этим увлечение сына – музыка. Врачи говорили, что пациенту может помочь искусство – рисование, музыка, проза или поэзия. Неважно чем он будет заниматься. Они уверяли, что творчество помогало многим пациентам. Но за целый год это не принесло никаких результатов. Изю дня в день он играл одну и ту же мелодию, что начинало нервировать окружающих. Истерики матери, гневные крики отца и звон бьющейся посуды слышались в этом доме все чаще и чаще, а игра сына становилась резче. Так бы все и продолжалось, если бы очередные выяснения отношений не переполошили пожилую соседку. Узнав в чем дело, она предложила единственно возможный выход – покупка дома в сельской местности, где бы она стала приглядывать за их сыном. А он смог бы в тишине и спокойствии заниматься тем, что ему нравится.

- Труда мне это не составит, да и одно будет не так скучно, - слегка улыбнувшись произнесла она.

С тех пор у них появился утренний ритуал. Каждый новый день она приносила его дневник, в которой он сам записал все, что с ним случилось с момента аварии. На чтение уходил час, а иногда два. И пока он был занят чтением, она готовила завтрак и занималась прочими делами. Затем, несколько смущенный, он спускался со второго этажа, где находилась его спальня, и присоединялся к «тетушке», как он ее называл. И весь оставшийся день он проводил за фортепиано, стоявшим в зале. Из окон зала открывался чудесный вид на море.

И каждую ночь снился ему один и тот же сон. Сон, в котором незнакомец предлагал ему мечту...
«- Ты сможешь сочинять необыкновенную музыку, которая будет затрагивать самые потаенные уголки души любого, кто ее услышит. Ты сможешь играть так, как мечтал играть в свои десять лет. Скажи, ведь ты все еще мечтаешь? Ты все еще желаешь стать музыкантом? Чтобы ни говорил твой отец, ты ведь все еще не забыл чувство восторга от игры на фортепиано? Ты ведь помнишь волшебство музыки? Ответь...

- Я... Я помню.

- Ты согласен на жертву ради своей мечты? Что ты можешь отдать ради ее исполнения? Чем ты готов пожертвовать ради призрачных крыльев?

- Что тебе нужно от меня? Оставь меня в покое... - срывающийся голос был полон отчаяния.

- Всего лишь одна встреча. Один день. Одно воспоминание. Единственный шанс, чтобы стать счастливым... Ты отдашь мне свою память? С этой встречи и до конца твоих дней? Отдашь?

- Забирай что хочешь, только оставь меня в покое! – горечь несовершенных мечтаний и растоптанных чувств встали комком у горла. Он прекрасно помнил, свою мечту и насмешки родных, друзей. Он помнил, насколько это больно открыться лишь для того, чтобы получить упрек. – Уйди, исчезни! Не хочу тебя видеть! Не хочу ничего вспоминать! Исчезни!..»

- Ну и почему ты забрал у него память? Она была для него так важна? Почему ты обменял ее на мечту?

- Память? Нет... Я всего лишь отобрал у него возможность встречи с его будущей возлюбленной, матерью его детей. Возможность быть счастливым, как я тогда думал. Но он... Он удивил меня. Посмотри на него хорошенько... Он счастлив. Он не помнит те семь лет, что провел в этой деревне, не помнит тех людей, что приходили к нему, не помнит даже хозяйку дома, в котором живет. Но он счастлив. Скажи мне, что заставляет людей испытывать счастье? За тысячи лет я понял, что доставляет людям боль, что приносит им удовольствие... Но до сих пор я не в силах понять, как они, обреченные на тлен и забвение могут испытывать радость? Ты можешь мне объяснить?

- Нет... Не могу...

- Тетушка, послушайте, какую мелодию я сочинил сегодня? – немного рассеянный взгляд и неловкое пожатие плеч. И чувство, что так уже было. Было много вечеров подряд. Приятный летний вечер, легкий ветерок и лучи заходящего солнца.

- С удовольствием, - тетюшка как всегда тепло улыбнется ему, а в доме опять зазвучит мелодия воспоминаний...

pchoillka

Чертежи

Я прокручиваю в голове последние штрихи моего плана. Плана, благодаря которому мир измениться. Я поворачиваюсь к существу, сидящему рядом со мной. Это молодой мужчина в чёрном деловом костюме и с таким же чёрным кожаным кейсом в руках. Он безумно красив, но есть в этой красоте что-то пугающее. Особенно в глазах. Чёрные, путающие, они всегда смотрели на тебя с насмешкой, и, казалось, видели тебя насквозь. Среди людей такие глаза были редкостью. Но, тот, кто сейчас сидел передо мной, никогда не был человеком.

— Ты знаешь, что делать, — киваю я ему.

— Конечно, — со смешком отвечает он. — Знаешь, ты первый, кто обращается ко мне с таким желанием, — и... исчезает. Но я не обращаю на это внимания и возвращаюсь к своей работе. Ещё так много нужно сделать...

В невероятно красивый сад врывается юноша с небесно-голубыми глазами и подбегает к седому старцу, сидящему в кресле-качалке и читающего какую-то книгу.

— Отец, он украл Чертежи!

Старик, с невероятной для его возраста скоростью, вскакивает и быстро идёт к выходу из сада. Юноша еле успевает за ним.

— Кому он отдал Чертежи? — на ходу спросил старик

— Какому-то смертному, но вот для чего, я не знаю.

— Зато я знаю, — тихо говорит старик, заходя внутрь замка. — Неужели, этот безумец решился на это?

И вот, я держу в своих руках их! Чертежи Вселенной самого Бога! Если конечно, мой компаньон меня не обманул.

— Не обманул ведь? — поворачиваюсь я к нему. Он может читать мысли, но по обоюдному согласию, он отвечает только на те вопросы, которые я произношу вслух.

— Нет, конечно, — с обидой произносит он, делая глоток кофе. Моего кофе. Наглая морда.

Мой компаньон на мои мысли только улыбается и делает ещё один глоток.

— Я всегда выполняю свою часть сделки, — последнее слово он произносит с таким... восторгом, что мне становится не по себе.

Но это всё не важно. Я снова смотрю на Чертежи. Как ни странно, они представляют собой один чертёж, поэтому, не понятно почему эту бумажку называют Чертежами, но... Сейчас это не важно. На этих Чертежах изображена прямая параллельно которой идут ещё две. Весь чертёж выполнен простым карандашом, но каким-то образом я знал, что эти линии означают Тьму и Свет. И линия Тьмы была ближе к основной линии, чем Свет. Намного ближе.

Вот она, вся несправедливость этого мира. Всего одна линия... Нам говорили, что в мире царит равновесие, что везде есть симметрия. Но, теперь я держал в руках доказательство обратного. Всё, чем я жил до этого — ложь. Странно, я догадывался об этом уже давно, но окончательно убедился в этом только сейчас.

Я тянусь за стёркой, но на полпути меня останавливает голос.

— Прежде, чем сделаешь, то, что хочешь, я должен тебя предупредить. После того, как ты сотрёшь линию, у тебя будет пять секунд на то, чтобы нарисовать новую. Иначе, мир будет уничтожен, — всё это мой поделник говорит спокойным голосом, продолжая пить кофе. Казалось, его вообще не интересует, что будет с ним. Меня, впринципе, тоже.

Я снова подношу ластик к Чертежам.

— Не стоит этого делать, юноша, — произносит за моей спиной старческий голос. Он всё-таки пришёл. Я медленно поворачиваюсь и вижу старика, рядом с которым стоит юноша не старше меня.

— Я знал, что ты придёшь, — говорю я, смотря ему в глаза, — Бог.

Старик в ответ только приподнимает бровь. Он тоже не удивлён моей осведомлённостью.

И это бесит.

— Зачем ты это сделал? — перевожу я тему, кивая на Чертежи. — Ты ведь знал, что нарушишь симметрию, и равновесия не будет!

— Именно поэтому и сделал! Не будет равновесия — будет борьба, будет борьба — будет прогресс. Странно, что ты этого не понимаешь.

— Прогресс, оплаченный кровью? — неужели он такой прагматик?!

— Да, прагматик! — а он, в отличие от моего «друга», не стесняется отвечать на мои мысли. — Люди — величайшее моё творение! Величайшее, в первую очередь тем, что способны самосовершенствоваться! И вы делаете это во время борьбы!

— Люди становятся только хуже! Они идут на предательства, убийства...

— В стаде не без паршивой овцы! Но, среди этой черни я нахожу бриллианты человечности! — перебивает меня старик, и я вижу то, чего больше всего опасался — фанатичный блеск.

— Вот как? Тогда у меня нет выбора. Я исправлю твою ошибку, — и снова подношу ластик к Чертежам...

— Ты не сделаешь этого! — произносит юноша, всё это время стоящий рядом со стариком.

— А как ты мне помешаешь? — издевательски спрашиваю я, смотря ему в глаза.

— Просто отниму.

— Нет, не отнимешь, — и я вижу в его глазах страх. — И ты знаешь, почему.

Юноша опускает голову, признавая поражение. А я, не слушая больше никого, стираю параллель, отвечающую за Тьму.

И в тот же миг мир начинает рушиться. Это не видно человеческому глазу, но прекрасно чувствуется. И не только тому, кто держит в руках Чертежи. Прямо сейчас мир висит над пропастью, в которую страшно даже взглянуть.

Но, всё это длится считанные секунды: я хватаю заранее заготовленную линейку и провожу новую линию.

И мир успокаивается.

Я снова просматриваю Чертежи. Симметрия соблюдена.

— Я победил! — поворачиваюсь я к своим... гостям и вижу то, чего никак не ожидал увидеть: страх.

Старик и юноша смотрят на меня с непередаваемым ужасом, а мужчина — с интересом.

— Ты понимаешь, что ты сделал? — мёртвым голосом спрашивает меня старик.

— Восстановил равновесие!

— И остановил время.

— То есть? — этого я точно не ожидал. — Как это будет выглядеть?

— Откуда я знаю?

Я резко разворачиваюсь и подхожу к двери. Протягиваю руку... и застываю.

Я боюсь. Боюсь увидеть результат своих «трудов».

Неожиданно, я слышу рядом шаги. Повернув голову я обомлел: справа от меня стоял юноша, слева мужчина, а посередине старик.

И я вопросительно смотрю на них. Удивительно: мне не нужно было их разрешение, для того, чтобы совершить задуманное, но сейчас...

— Это должно было случиться, — вздыхает юноша, и я принимаю это за согласие.

— Давай уже, — торопит меня мужчина. На его лице, впервые за всё время нашего знакомства, написан живейший интерес.

И прямо сейчас я осознаю, что они такие же как и я: со своими мечтами, проблемами, страхами... И что я сейчас стою на их уровне. Я им равен. Или, это они спустились ко мне?...

Я поворачиваю голову назад.

Старик, с печальной улыбкой, кивает мне и я поворачиваю ручку...

Lord

СОН

- Я тут подумал... - тихий голос показался криком, после долгой тишины. Парень произнес это шепотом, но казалось, если он скажет это хоте немного громче - звук причинит мучительную боль.

Вновь повисло молчание. Уточнять или переспрашивать никто не хотел, просто ждали.

Парню было двадцать пять лет, но на вид ему можно было дать двадцать, а то и восемнадцать.

- Вас не существует, - также тихо закончил он и поднял глаза. На несколько мгновений он, в очередной раз, оторопел от шока, увидев около десяти своих точных копий в разных позах стоящих и сидящих в зале. Они было абсолютно такими же, вплоть до последнего волоска на голове. Теме же голубые глаза, способные быть серыми в моменты грусти и безразличия, или голубыми - когда он искренне радовался чему-либо.

Вновь опустил взгляд. Верить в свои слова, когда видишь их всех - очень сложно. Так намного проще. Ответа не последовало. Юноши спокойно стояли и сидели в абсолютно белой комнате, тесноватой для такого количества людей.

На полу он вдруг заметил узор, который сразу же вспомнил - именно такая картинка вырисовывалась на потолке, когда, в детстве, ночью выключали свет и он оставался один. Это придало уверенности.

- Вас нет, - спокойно повторил он, стараюсь придать голосу уверенности и убрать из него дрожь, - Нет.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов он вновь открыл глаза. Теперь они были густого, тяжелого синего цвета, казалось, что они загустели. Теперь никого не было. Парень моргнул от удивления, и глаза моментально стали ярко-голубыми, как у ребенка.

Юноша поднялся на ноги и обошел комнату ощупывая стены, не веря тому, что он смог их прогнать.

- Я смог, - бесшумно прошептали губы.

Обойдя комнату по периметру, он сел на свое прежнее место. Узор на полу тоже исчез. Радостно улыбнулся и запрокинув голову назад закрыл глаза.

Когда он их открыл вновь, то увидел знакомый потолок и почувствовал приятное тепло родной кровати.

- Теперь я один, они ушли, - уверенно произнес он. И улыбнулся.

dinalt (Владимир Заричнюк)

Искусственная душа

Глава 2

Анакин

Само по себе искусство - фантазия, образ, мысль...

Вероятно, когда-нибудь, искусство перейдет в другой вид, совершенно иную форму. Это будет поток мыслей-образов, а не текст, картина, либо что-то еще.

Прямой ввод в мозг, чистое искусство, без формы и материального образа. Передача от одного к другому, минуя любых посредников.

«Чистое искусство» автор Диналт

Вейн проснулся и резко вскочил на постели. Сердце с силой колотилось, и по лбу стекал холодный пот. Сознание начало просыпаться еще за пару минут до этого, сразу возвращаясь к тому, на чем остановилась жизнь. Непонятные образы закручивали страшную сцену, из которой вырастал черный холодный образ убийцы и настигал Вейна. Сердце сжималось от неприятных предчувствий...

Вейн оказался в хорошо освещенной длинной комнате с низким потолком. На нем была свежая больничная форма. Вейн занимал одну из коек в длинном ряду, но никто из других пострадавших не отреагировал на его тревожное пробуждение. Все еще приходя в себя, мужчина медленно опустил руку на живот, но не нащупал ни единого шрама, ни даже какой-либо царапины. Он все еще не мог сориентироваться и понять, что же произошло. Поэтому первое, что решил сделать Вейн, это успокоить дыхание и сосчитать в уме до десяти. А может и больше, если потребуется. Мужчина замер, с прикрытыми глазами смотря на свои руки. Мысли продолжали цепляться за ужасные происшествия, свидетелем которых он стал. «Да уж... - подумалось Вейну. – От такого реально с ума сойти не долго».

- Добрый вечер, больной. – Произнес тонкий, почти детский голос прямо перед Вейном.

Больной подскочил на месте от неожиданности, увидев перед собой, невесту откуда взявшуюся медсестру. Это была тощая низенькая девушка в белой короткой форме и серебряными символами на лице.

- Мы рады, что ваше состояние стабилизировалось. – Отчеканила медсестра. – Как и предсказывала доктор Мерид. Если вы хорошо себя чувствуете, пожалуйста, пройдемте за мной.

После короткого медицинского осмотра Вейну выдали двухслойную форму пациента, состоящую из первого облегающего слоя, и второго вентиляционного вроде курточки и брюк. Едва Вейна вывели в основные коридоры, как его тут же обхватили уже начинающиеся казаться непривычными звуки жизни. Чьи-то разговоры, шум тележек, и далекие сигналы громкоговорителей, разносящиеся по широким светлым коридорам. Но Вейна все не покидало чувство, что он словно на другом свете. Попал на кладбище и теперь его оформляют как мертвого. И очевидно добрая медсестра просто идет показывать ему его могилу. Но иллюзия развеялась, когда девушка подошла к серой двери с серьезным повышенным уровнем безопасности и набрала код. Дверь разобралась, и отдельные части отъехали в свои гнезда в стене. Вейн оказался в небольшой хорошо освещенной комнате с желтыми стенами, увешанными множеством экранов и визоров, показывающих, как и интерьеры некоторых комнат, так и наблюдения и компьютерные вычисления состояния пациентов. За массивным столом со встроенным интерфейсом сидела вполне симпатичная докторша в очках с тонкими черными дужками и белом халате, небрежно накинутом поверх светлой офисной одежды. Темные, насыщенного каштанового оттенка, волосы были собраны сзади в причудливо взъерошенный хвост. Вейн про себя отметил, что докторша определенно молода, хотя знаки отличия на ее халате говорили о большой значимости и не малых достижениях в области медицины.

- Доктор Мерид. – Обратилась медсестра. – Первый пациент пришел в себя. Состояние полностью удовлетворительное. Это практикант из нижнего отдела, как вы и говорили.

- Хм... - Легкомысленно отреагировала докторша. – Спасибо, я сейчас его осмотрю.

По-детски улыбнувшись, сестра покинула кабинет, оставив Вейна в нерешительности перед доктором

Мерид. Сонливый дурман и неприятные мысли уже развеялись, и Вейн уже мог соображать более-менее трезво, но все же до сих пор не понимал, что происходит. Чтобы не стоять столбом, словно провинившийся школьник перед директором, Вейн решил первым задать вопрос и развеять неясности.

- Доктор Мерид. Здравствуйте. – Неуверенно начал он. – Меня зовут Вейн, но вы и так уже, неверное, знаете. Что с нами случилось? И... другие больные, полицейские, с ними все в порядке?

- Ну. Все зависит от того,... Как вы себя чувствуете? – С улыбкой и неожиданным энтузиазмом спросила докторша, поворачиваясь к Вейну лицом.

- Э... нормально. – Увидев светящаяся позитивом лицо доктора Мерид, Вейн отметил, что девушка была действительно довольно симпатичной. Это еще больше усиливало несколько абстрактные впечатления от всего происходящего. – В полном порядке. А как мое здоровье зависит от здоровья других пострадавших?

- Никак. – Пожала плечами докторша. – Это был отдельный вопрос.

- Но вы... знали, что я проснусь первым?

- Ага. Это было очевидно. Из всех пострадавших вы получили меньший ущерб, и ваш «призрак» почти не был задет. Можно писать «отделались легким испугом».

- Вот оно как... - Вейн задумчиво провел рукой по животу, где, как был уверен, его пронзил меч или нож убийцы. Но получается, что раны были не смертельны. Неожиданно его мысли закрутились в новом потоке, вернув себе былую трезвость и свежесть. – У вас хорошее настроение. – Неловко заметил Вейн.

- Ага. – Докторша ответила ему сияющей улыбкой. В ее глазах светились игривые огоньки. – Почему бы и нет? Хорошее настроение – залог успеха.

- Я привык думать, что доктора обычно угрюмые и загруженные. Необычно видеть столь яркую личность, как вы. Хотя, в этом нет ничего удивительного. Я никогда особо не интересовался медицинским отделом Ориона, и у меня не было причин посещать его.

- Как вы узнали, что мы находимся в Орионе? – Удивленно спросила доктор Мирид.

- Ну... догадался, можно сказать. По крайней мере, по оформлению и дизайну помещений.

- Ах, точно. – С легкой досадой отметила доктор, но к ней тут же вернулся ее энтузиазм. – Что ж. Похоже, вы полностью восстановились. И ваше сознание в полном порядке.

- Сознание? А что не так было с моим сознанием. Я конечно перенервничал и устал, пока бегал за... постоите. А как же девочка? С ней все в порядке?

- Девочка. – Докторша на миг нахмурилась. – Дочь Ниэнны Корин. Ее не нашли. Очевидно, иллюзионист похитил ее. Так же и не был найден ваш напарник. – Продолжила грузить докторша. – Но поиски ведутся.

Вейна словно окунули в чан с ледяной водой. Неприятные мысли вновь заполнили разум. Теперь возвращаться к действительности было совсем не уютно.

- Иллюзионист? – Хмуро переспросил Вейн.

- Так будет точнее назвать преступника. Забавно, что все жертвы той «резни», что он устроил, физически полностью здоровы, не считая простуды у одного из патрульных и нескольких растяжений у других. Но это ерунда по сравнению с тем, с чем вам пришлось столкнуться. Главной особенностью преступления можно считать махинации напрямую с «призраком». - Говоря об этом, докторша вновь начинала светиться почти хищным энтузиазмом. - Он заставил поверить своих жертв, будто наносит удары холодным оружием. На самом деле ни единой физической травмы преступник не наносил. Будто волшебник, но с одним осложняющим условием – он почти что взламывал «призраки» и вводил ложную информацию. Как это возможно, я ума не приложу. В городе творится черт, знает что. Высший отдел и полиция просто вне себя. Все вверх дном перерывают. Улицы переполнены патрулями. Одновременно пытаются не привлекать внимания к происходящему. Хотя благодаря «призракам», это не так-то и сложно. Забавно, что он вновь объявился.

- Постоите, доктор. – Вейн подошел ближе и оперся руками в стол, пытаясь переварить все, что только что сообщила докторша. – Он что... такое и раньше случалось?

- Ага. Почти год назад, этот иллюзионист точно дел натворил немало. Мы с тех пор пытались понять

принцип его фокусов даже после того, как официальное расследование закрыли. Он исчез так же неожиданно, как и появился. Со временем вопросов появилось еще больше, чем ответов. И как ни крути, это очень забавно, что он объявился вновь.

- Что же в этом хорошего?

- На самом деле ничего. – Легкомыслие Доктора Мирид уже начинало вгонять Вейна в ступор. – Но знайте, вы – первые жертвы – только символ грядущих неприятностей.

- Так никто из тех людей не умер? – Робко спросила Ника своего загадочного спасителя.

Вместе с молодым парнем, одетым в темный балахон с глубоким капюшоном, они сидели в небольшой закуской. Посетителей почти не было. В дальнем углу заведения под потолком висел телевизор, но яркий экран почти не привлекал ничьего внимания. Так же, как и пара у окна, ведь никто не догадывался, что именно эта пара является главными виновниками беспорядков, освещаемых в новостях. На круглом столике перед Никой стояла полупустая тарелка с уже остывшим ужином. Парень сидел напротив, скрывая лицо в капюшоне темного невзрачного плаща. Судя по тем чертам лица, что видела девочка, спаситель был еще молод, но немного старше ее. Хотя определить более конкретно было невозможно. Из тени капюшона она могла видеть только таинственные искорки его глаз. Это было странно. Должно быть имплантаты.

- Вовсе нет. – Наконец, тихо и с легкой улыбкой ответил незнакомец. – Они не представляли серьезной опасности. Мне незачем было наносить им критический повреждение. Единственное, что пострадало – это их сознание. Но его восстановят. Естественно, кое-что из памяти сотрут.

- Они забудут о том, что было?

- Вероятно, только случай встречи со мной. Такие серьезные происшествия могут надолго остаться в памяти. Физические травмы легко вылечить. Человека можно успокоить и привести его «призрак» в порядок. Но если оставить воспоминания, то они могут сохранить на душе ненужный груз беспокойства и посеять со временем сомнения и страх. Однажды это может послужить причиной очередной поломки «призрака». Поэтому, обычно, после встречи со мной людям хорошенько промывают сознание. - Ясно. – Печально и задумчиво протянула Ника. – Так вот почему никто ничего не слышал о вас раньше.

- Именно. – Спокойно подтвердил парень. - Вам просто не позволяли слышать. Поэтому я могу спокойно находиться, где угодно. – Он откинулся на спинку стула и с легким разочарованием обвел взглядом немногочисленных посетителей. – Никто из этих людей не знает меня. Просто не замечают. Каким бы подозрительным я не казался. В этом, безусловно, есть свои плюсы.

За окном было уже темно. Редкие прохожие пересекали улицу по подвесным мостикам или по дорожкам вдоль стен зданий. Улица протягивалась вдоль воздушного шоссе на высоте пары десятков этажей. Высотные улицы не часто встречались в городе. Большая часть сервисов в таких местах предназначалась для машин, круглые сутки наполняющих шоссе. Но тем, кто открыл заведение для обычных прохожих или завсегдатаев, изредка прогуливающих по высотным дорожкам и мостикам, приходилось мириться с малой посещаемостью и низкой прибылью. С другой стороны, в случае школьной экскурсии или туристической поездки, путешественникам самое выгодное было, не съезжая с маршрута, останавливаться именно в таких заведениях, что в разы повышало дневной доход воздушного заведения. Но сейчас, ночью, находиться здесь можно было, не ожидая незваных гостей.

- А что... действительно случилось с моей мамой? – тихо спросила Ника.

Незнакомец не сразу ответил. Парень частенько уходил в свои мысли и давал сдержанные обдуманные ответы только после некоторого раздумья, что создавало образ рассудительного осторожного человека. Но преступнику в такое время, наверное, иначе и нельзя было.

- Она жива, но ее сознание стерли. – Коротко ответил парень. – Ошибки оказались слишком критичны. Как и у тебя. Удаление сознания – крайняя мера. И «лекари» крайне редко к ней прибегают. Твоей маме должны создать новое сознание. Но оно уже не будет настоящим. Это будет просто слепок ее

характера, состоящий из аналогичных твоей матери черт. Фактически она уже не будет такой, какой ты ее знала прежде. Больно это осознавать, но знаешь,... ничто не мешает тебе надеяться, что однажды ты все-таки увидишь ее вновь такой, какой запомнила. Надежда в чистом виде творит великие дела. И, так или иначе, часть себя твоя мама оставила в тебе. Самое ценное, и самое опасное одновременно, что может подарить родитель ребенку этого времени. Ты береги то, что ценное. А я позабочусь об опасном. Ника молчала, чуть с мокрыми глазами смотря в стол. Она выглядела сонной, уставшей, но при этом держалась, как могла. Она не заплакала и даже неловко улыбнулась, слегка кусая губы. Как же сложно ей было сейчас во всем разобраться и понять, что делать, когда ее прежний эмоциональный путеводитель, «призрак», оказался разбитым непонятными чувствами.

-Я буду помнить и беречь – Робко произнесла Ника. - А вы можете мне?

- Я постараюсь. Но сначала мне нужна твоя помощь. – Парень наклонился ближе к столу, и искорки его глаз поймали взгляд Ники. - Твоя мать потеряла контроль над собой не сразу. Что-то случилось с ней, что вывело ее «призрак» из равновесия. Как и с тобой случилось. На нее кто-то или что-то повлияло. Кто бы это не был, все началось с него. Мне необходимо найти первоисточник. – Ника внимательно слушала, что говорит незнакомец, стараясь отвлечься от печальных мыслей. – Вспомни, может быть у твоей мамы был какой-то знакомый, к которому она часто ходила или ушла именно перед исчезновением. Может у нее был роман или что-то в этом роде? Что-то после чего она странно себя вела...

Ника, молча помотала головой. Она не особо интересовалась, чем занимается мать. Мама, конечно, большую часть времени проводила на работе, но не посещала никаких корпоративов, и у нее не было близких друзей или подруг. Все время, кроме учебы и работы они с мамой проводили вместе. Но если Ника частенько убегала гулять, то мать почти все свободное время проводила дома. Но последний месяц...

- Не знаю. Она часто ходила в библиотеку в последнее время. С тех пор... она стала все больше о чем-то печалиться. Может, это именно то, что вы ищете?

Незнакомец не ответил. Его взгляд задумчиво устремился куда-то сквозь Нику. Спустя секунду он заметил озадаченный взгляд девочки и неловко улыбнулся.

- Что же. Давай сходим в библиотеку...

Несмотря на поздний час, офисный отдел Ориона пребывал в серьезном оживлении. Сотрудники оживленно сновали по коридорам из офиса в офис, порой задерживаясь перед включенными на всех этажах телевизорами. Атмосферу наполнял шум встревоженных голосов, почти непрерывающихся телефонных звонков и сигналов коммуникаторов. Вейн первый раз видел такой хаос на этаже, от чего чувствовал себя немного неловко, но с другой стороны такая суматоха пробуждала внутри странные нотки азарта, разжигающие желание столкнуться с чем-то неожиданным. Вейн, безусловно, понимал, что нужно держать себя в руках и голову в холоде, чтобы не совершать необдуманных поступков. Поэтому старательно прикрывал свое возбуждение решимостью закончить любое дело, которое поручит ему начальник отдела.

Мистер Хейтан, заведующий отделом новичков, нижним отделом, шел впереди, то и дело обмениваясь репликами с пробегающими мимо подопечными. Вместе с Вейном свиту Хейтана составляли еще несколько офицеров полиции и личные консультанты. Вейн не решался сейчас пытаться влезть в происходящее, так как начальник уже дал ясно понять, что поговорит с Вейном позже о конкретном деле. Прекрасно осознавая, что он не только провалил миссию, но и, очевидно, потерял напарника и привлек внимание высшего отдела, Вейн готов был понести любое наказание, которое сочтет достойным Хейтан, вплоть до увольнения, и становления обычным человеком с прочищенной памятью.

Вскоре процессия начальства покинула шумные светлые офисные кабинеты, пройдя через широкие двери высокой безопасности, ведущие в окружные коридоры. Света в этих помещениях не было, но через панорамные стеклянные стены проникал свет с внутреннего двора. В комнатах, мимо которых они проходили, Вейн видел только светящиеся мониторы и силуэты работников. Но кроме приглу-

шенных шагов больше не единого звука не разносилось по коридорам. Хейтан немного расслабился и устало вздохнул, и Вейн решил, что пришло время узнать свою судьбу.

- Господин начальник... - Решительно начал Вейн. – Вы хотели со мной поговорить.

- Ах, да Вейн. – С легким напряжением, но мягко отозвался заведующий. – Как ты себя чувствуешь? Доктор Мерид сказала, что ты уже в порядке...

- Я в полном порядке, сэр. Я полностью осознаю свою вину...

- Брось, Вейн. Ты ни в чем не виноват. Никто не знал, что может случиться что-то такое. Ты всего лишь случайная жертва, как и все мы. Учитывая, что об преступнике было известно... но мы не были информированы о подобном.

- Так что происходит, сэр?

- Беспорядки, Вейн. – Заведующий говорил спокойно, но что-то в его голосе все-таки выдавало волнение, которое он компенсировал серьезностью. – Это Черный Анакин. Нам уже приходилось иметь дело с этим преступником. Но со своего прошлого появления он оставил только сплошные загадки и тайны. Так как наш отдел не занимается этим, то для нас он вообще лишь темная тайна. Зачем ему потребовалась эта бедная девочка, нам остается только догадываться. Верхний отдел предупредил, чтобы мы не совались больше в это дело. И, боюсь, мы не можем пренебречь указами свыше.

- Мы больше ничего не можем? Делом теперь занимается Высший отдел?

- Да. Но то, как они это делают, беспокоит меня. После появления Анакина, там наверху все примолкли. Сейчас их активность почти нулевая. Очевидно, они боятся привлечь внимание. Уверен, они скрывают что-то по этому делу. Нам стало известно, что они уже нашли преступника и ведут за ним слежку. Но почему они ничего не предпринимают... не уж то боятся своего давнего знакомого?

Хейтан остановился перед стеклом, смотря на ряд полицейских машин во дворе, играющих бликами своих тревожных огней с окнами нижних этажей.

- Сейчас высшие отделы больше полагаются на полицию. Скорее всего, они действительно боятся первыми выйти на сцену и хотят сначала посмотреть, как работает Анакин с полицейскими болванчиками. Послушай меня, Вейн. Ты должен пойти с офицерами полиции. Не как работник нашего отдела, а как свидетель преступления. Это поможет нам обойти запрет высшего отдела. Вся надежда на тебя.

- Вейн внимательно слушал, понимая, что сейчас ему дают еще один шанс. – Мы не знаем истинных целей преступника. Но мы знаем, что он опасен, и определенно неподконтролен «призраку», а также девочка. Она сама для себя опасна, не говоря уже о тех, кто ее окружает. Какие проблемы она может вызвать у обычного человека, мы уже представляем на примере оператора. Постарайся свести любые жертвы к минимуму. Не подпускай полицейских слишком близко к Анакину. Они слепо ориентируются на то, что им говорит «призрак». У них нет своей воли, так будь ты их голосом разума. Но будь осторожен...

- Закон «малого контроля». Я знаю. – Гордо кивнул Вейн. – Людям с низким контролем «призрака» запрещено влиять на людей, подконтрольных «призраку» более, чем на 50%.

- Я надеюсь на тебя, Вейн. Запомни. Сегодня от твоих действий могут зависеть жизни. Не только невинных людей, но и жизнь преступника...

- Здесь так темно...

- Не бойся тьмы. Тьма – прекрасный союзник. Не самый откровенный, но честный.

Держа человека в балахоне за руку, Ника оказалась в огромном круглом зале. Это был полу мрачный атриум городской библиотеки искусства. Высота зала, от стеклянного потолка до пола составляла более сотни метров. Расстояние от одного балкона на внутренних стенах зала до другого равнялась где-то полусотне. Со всех этажей доносился тихий шелест голосов, и виднелись синеватые огоньки интерфейсов и компьютерных панелей. Где-то, в тених, многочисленных «комнат восприятия» скользили призрачные фигуры людей. От балкона к балкону, свободно передвигаясь над залами, перелетали сервисные дроны – маленькие роботы, запрограммированные на выполнение определенных задач. В

данном случае, очевидно, их целью было поддержание работоспособности многочисленных систем жизнеобеспечения и систем мультимедиа.

- Доброй ночи. – Поздоровалась с посетителями высокая девушка с голубоватым оттенком кожи и мелодичным певучим голосом. Девушка была в черном платье, полностью скрывающем ноги. Несколько темных символов на лице обозначали ее принадлежность как работника к определенному правительственному учреждению. – Позвольте узнать, что вас интересует?

- Доброй ночи. Мое почтение, Ануре Коруан. – Молодой человек вежливо поклонился даме. – Мать это девочки регулярно посещала эту библиотеку в последнее время. Были ли у нее назначены с кем-то встречи? Или она проводила время за чтением?

- Мисс Ниэнна Корин. Пользовательский номер #1203467. – Монотонно проговорила смотрительница, взирая на Нику. Очевидно, смотрительницы имели доступ к общей сети в библиотеке, где отражались все сведения о пользователях. Но учитывая, что эта сеть напрямую связана с общегородскими архивами, то учитывая, что девочка уже наверняка объявлена в розыск и занесена в черный список, стоит ждать представителей закона. – Мисс Ниэнна Корин не проводила личных встреч. На уважаемого пользователя зарегистрирован аккаунт в «комнате восприятия» №1035.

- Хорошо. Пользуясь семейным правом, мы бы хотели взглянуть на аккаунт госпожи Корин, чтобы узнать произведения, с которыми она ознакомились.

Смотрительница проводила визитеров по балкону к указанной комнате. «Комнатой восприятия» называлось небольшое углубление в стене, в котором компактно размещалась массивная машина, напоминающая кровать. Подобные же машины, только иного профиля и более сложного устройства стояли в операционных Ориона. Смотрительница отправила несколько команд машине через интерфейс и, пожелав приятного восприятия, удалилась. Ника перевела вопросительный взгляд на своего спутника, но он, не говоря ни слова, просто указал ей в сторону «кровати». Едва девочка забралась в удобную ложу, как зашевелились внутренние механизмы и мягкие пластины прильнули к фигуре, подстраиваясь под нового пользователя. Сверху Нику накрыла другая машина, закрыв глаза девочки. Не важно, история или картина, она будет передана напрямую в мозг ребенка, воспроизводя некогда записанный автором образ или мысль. Парень без особого интереса наблюдал за махинациями устройства, после чего безучастно повернулся в зал. Взгляд его зорких глаз внимательно пробежался по уровням и этажам, присматриваясь к людям. Пока у них с Никой еще было время.

- Что с тобой? - Спустя около 10 минут, девочка неуверенно заерзала, и ее спутнику пришлось отвлекаться. – Что ты осознаешь?

- Это... сказка. – Неуверенно отозвалась девочка. – Одна из историй, которую мне мама перед сном включала. Их тут много.

- Истории?

- Да... их мой папа написал.

- Папа? - Парень повернулся. – Твой отец создавал истории.

- Угу. Они с мамой разошлись, когда я еще была маленькой. Сказали «призраки» не подходят. Слишком конфликтуют. Мама очень тяжело было после их ссоры. Насколько я знаю, в клинике ее «призрак» перенастроили, чтобы она забыла о папе и не мучилась. Но она все равно любила его истории...

- Истории... - Парень выглядел несколько разочарованным. Но на его лице неожиданно проявилась улыбка. – Она все равно любила твоего отца. Читая его истории, сливаясь с его разумом, она постепенно сломала запрет, поставленный «призраком». А после этого и сам «призрак», когда он уже не смог сдерживать рвущие все контроллеры чувства. Значит, толком и не было никакого первоисточника... Он вновь обратил взгляд на девочку и замер. Из-под прикрывающего глаза устройства по щекам стекали слезы. Редкое явление для людей, живущих в мире с прошитыми мозгами.

- Идем. Нам пора уходить.

На верхних уровнях уже появились полицейские отряды. Пока еще слабо координируясь, люди в форме спешили оцепить зал. Как только Ника, вытирая руками лицо, выскользнула из машины «восприятия», парень схватил ее за руку и поспешил к выходу. Уже подходя к основному панорамному балкону, на который только что вошли три полицейских, спутник Ники ускорил шаг, направившись прямоком

к стражам порядка. Полицейские, морщась, высматривали преступника в зале. Офицер, не долго думая обратился к смотрительнице, поджидавшей их у входа. Сохраняя полное спокойствие, девушка указала рукой на парня. К тому времени он уже успел сократить дистанцию между своими «охотниками» до расстояния скачка и в миг, взметнув плащом, набросился из тени на полицейского. Короткий взмах рукой прошелся по руке стража, пытавшегося вытащить оружие, и следующий же штрих скосил его с ног, так будто парень и вовсе их отрезал. Еще двое мужчин поспешили помочь товарищу, суетливо хватаясь за транквилизаторы, но преступник, словно танцуя, сделал шаг к первому, касаясь его кончиками пальцев, и тут же перевернулся ко второму, хватая его за руки и выкручивая их отточенными движениями. Полицейские попадали на пол, крича от боли и изгибаясь от непонятных травм. Ошарашенная Ника не видела ни единого повреждения на телах стражей порядка. Ее защитник не пролил ни единой капли крови, одолев противников каким-то иным, одному ему известным способом.

Замерев на миг после своего воинственного танца, парень опустил на одно колено и, схватив одного из полицейских за голову, поднял его лицом к Нике. Девочка отшатнулась, увидев обессиленный, измученный взгляд человека.

- Говори. – Строго произнес парень, обращаясь к Нике. Говори тоже, что сказала оператору на мосту.

- Зачем? – Дрожа, ответила девочка, мотая головой при воспоминании о той ужасной сцене. – Они же...

- У них нет деректив самоликвидации. Они выслушают тебя. Говори. Ты же хочешь им помочь...

- Я... - Ника быстро сориентировалась, решив, что разумнее будет выполнять то, что говорит ее опасный спутник. – Пожалуйста. Не злитесь. Вы ведь не хотите этого. Ваш долг защищать и помогать людям, но... вы делаете это не осознанно. – Девочка неуверенно мялась, прикусывая губы и бегая неуверенным взглядом по лицам полицейских. – Ваше воля контролируется не вами. Вы бы могли быть сами собой. Вы же помните, что значит свобода мысли, свобода выбора. Не имея ее, вы никогда не сможете выполнить свой долг, действуя словно программа. Программы устаревают. Ломаются... становятся не нужными. Но вы ведь люди. Вы сами можете решать, что хотите. Не слушайте «призрака». Будьте свободными...

Речь Ники подействовала на полицейских. Это было видно по их упростившемуся выражению лица, потерявшим всякую выразительность. Их взгляды перестали адекватно цепляться за окружение и устремились куда-то в пустоту. Из глаз мужчины, которого держал парень, внезапно полились слезы. Увидев оказанный эффект, он, наконец, отпустил полицейского и поднялся, оставив своих жертв на растерзание собственных мыслей. Борьба с «призраком» очень сильно изматывает человека, и опастаться уже было нечего.

- Уходи. - Коротко сказал парень. Беги через черный вход. Пойдешь дальше через дворы к воздушному порту. Там тебя встретят и помогут убраться из города.

- Но как же? А вы?

- У меня здесь еще есть дела. Веди себя хорошо, Ника. И храни подарок своей матери. Беги.

Ника сжала кулаки, набираясь уверенности и, коротко кивнув, бросилась прочь. Проводив девочку взглядом, Анакин вновь наклонился к полицейскому, касаясь его щеки двумя пальцами в черной кожаной перчатке.

- Кто руководит операцией? И где я могу его найти?

- Подтверждаю контакт с целью. – Монотонно отозвался связной из-за монитора. – Ведется преследование.

- Крайне положительно. – Отреагировал оператор Лироу. – Захватить и ликвидировать преступный элемент. Передайте все отрядам, я одобряю использование огнестрельного оружия.

- Сэр? Использование оружия? Это угрожает жизни нарушителя. Главной задачей является сохранение здоровья. В качестве пресекающей меры должно выступать изменение и восстановление сознания. Лироу не сразу отреагировал на замечание представителя правоохранительных органов. Вместе со

связным и офицером охраны был устроен штаб в одной из комнат охраняемого здания недалеко от библиотеки. Панорамные стекла выходили на пустынную улицу, залитую рыжеватым светом огромного плазменного экрана, возвышающегося над районом. Позиция была довольно удобная для управления многочисленными отрядами полицейских, принявших участие в задержании опасного преступника. Пожалуй, самого опасного за последние несколько лет.

- Это не просто нарушитель. – Наконец со вздохом ответил Лироу. – Это преступный элемент наивысшей опасности. Вы знаете, сколько жертв на счету этого человека? В том числе и ваших сослуживцев. Вас это не беспокоит?

- Соблюдение безопасности жителей города и прибывших эмигрантов, следующих всем правилам регистрации – первоочередная задача. Так же цель нашей службы – устранение и предупреждение беспорядков в городе, путем сохранения физического здоровья любому участнику беспорядков или преступлений и передача его в ответственные органы для обеспечения целостности сознания. Любые проявления спонтанной, необоснованной агрессии или желание мести полностью противоречат полицейскому уставу.

- В этом весь смысл. Вы не видите истины. Марионетки. Хотя это и к лучшему. Чем больше власти, тем больше контроля. Казалось бы...

- Потеряна связь с отрядом 3-05 в южных районах. Очевидно, нарушитель пытается скрыться через трущобы.

- Столь предсказуемо. Отправить все отряды на перехват. Окружить и ликвидировать. Подтверждаю использование огнестрельного оружия. Приказ держаться на расстоянии. В близкий контакт не вступать.

- Приказ принят. – Подтвердил связной, вернувшись к монитору, тут же рассылая команды полицейским отрядам.

- ...Все идеально. Система отработана до мелочей. – Продолжил оператор. – Правящие органы, организации, следящие за порядком, и полностью контролируемые катализаторы. Все это сохраняет наш мир в чистоте. Идеальный мир, избавленный от предрассудков и недостатков. Мир, где греховная ветвь человечества перестает существовать. Мы искоренили зло из человеческого сердца. Упорядочили мысли. Настроили желания. Каждому в руки был выдан план идеальной жизни, которую каждый человек должен прожить, принося максимально возможную для отдельно взятого индивида пользу обществу. Отклонения минимальны.

- Подтверждаю визуальный контакт с целью. Ведется преследование. 1, 4 и 7 отряд приступили к ликвидации нарушителя.

- Если что-то выбивается из системы... то значит, это элемент, не принадлежащий нашему миру. Он подлежит полному и безоговорочному искоренению. Кардинальные меры необходимы, чтобы держать шаткий мировой прядок в строгом равновесии. Мы устанавливаем не правила игры. Мы двигаем закон жизни.

В комнате воцарилось молчание. Казалось сам воздух пропитался пафосным настроением оператора. Тишина в комнате казалась неуместной в то время, как где-то, южнее, улицы наполняли выстрелы смертоносного оружия, борьба с «чужеродным» этому миру элементом и грядущий дух смерти.

- Нарушитель №2 был замечен в западном секторе за библиотекой. Очевидно, девочке удалось сбежать.

- Девочка. – Лироу оживился, резко развернувшись, и подойдя к экрану монитора. – Великолепно. Ее ликвидацией займется наш отдел. Передайте им разрешение на захват. С первоочередной целью, можно считать, покончено. Закончим нашу операцию. Просто и красиво. Как того и заслуживает наш идеальный мир.

Ника, едва сохраняя дыхание, двигалась короткими перебежками через незнакомые ей дворы. Ориентироваться приходилось только на навигационные антенны, возвышающиеся вдалеке над портом. Порой ей чудились выстрелы, эхом разносящиеся по ночному небу, но девочка боялась останавливаться

и прислушиваться. Она крайне надеялась, что все завершится, как можно удачнее и для тех полицейских, и для ее странного спутника. Чуть прихрамывая, девочка выбежала в небольшой внутренний дворик, окруженный сложными массивными арматурами. Неожиданно в глаза ребенку ударил яркий свет. Ника не заметила, невесть откуда взявшуюся прямо перед ней черную правительственную машину. Она уже видела такие машины. Последний раз на ней прилетел человек, собирающийся ее попросту убить. Сковав свой страх уверенностью в своих способностях, девочка, едва прикрываясь руками от яркого света, замела на месте, вылавливая какое-то шевеление за машиной.

- Пожалуйста, не стреляйте! Я не хотела ничего плохого! Послушайте, прошу вас...

- Ника! – Неожиданно строго произнес знакомый голос.

У девочки перехватило дыхание и что-то словно стукнуло по голове. Сердце забилось быстрее. Это... не может быть.

- Ника. Ты разочаровала меня. Оставляя тебя одну, я надеялась, что ты все правильно поймешь. – Свет фар, наконец, угас, и из темноты улицы к девочке вышла ее мать. Спокойная, чем-то расстроенная, но это была она. Ее мама. – Я не хотела, чтобы ты причиняла людям боль, ломая их сознание.

- Мама. Мамочка... прости. Я... я не хотела. – Ника почувствовала, как все удерживаемые ею слезы с горечью пролились наружу, большими каплями стекая по щекам и дрожащим губам.

- Я знаю. – Все также холодно ответила мама. – Не бойся. Идем с нами. Теперь ты и другие люди в безопасности. Мы не желаем тебе вреда...

Оператор закрыл глаза, втягивая носом застоявшийся в помещении воздух. Последний инцидент наглядно показывал, как опасно недооценивать противника. В результате пострадало два невинных человека, потерявших контроль над сознанием. Большие потери понесли, неготовые к столь серьезно-му и неожиданному сопротивлению отряды городской полиции. Потери даже среди высоких чинов. Погиб один оператор. Глупо, но все же до последнего защищая чистоту своего разума. Все это будет запечатлено в истории, но исчезнет из памяти жителей города, а кто даже не узнает об этом. Так лучше. Такую информацию, одним фактом своего существования нельзя держать в архивах чистого идеального мира. На ошибках учатся. Но обычным людям не зачем знать обо всем этом. За них эти знания сохраняют те, кто направляет их на лучший для человечества путь.

Оператор повернулся, собираясь отдать приказ на сворачивание операции как раз в тот момент, когда человек в темном балахоне мгновенно пересек комнату и с силой пнул стол, за которым сидел связной. Столешница вдавилась в грудь связиста, сговывая его движения, а в следующую секунду нарушитель, схватив монитор, как игрушку кинул его на спохватившегося охранника. Экран, жалобно звякнув, ударился в цель, вжав стража к стене, и затем тяжело свалился вместе с ним на пол. К тому времени преступник уже обошел стол, резко проведя двумя пальцами по шее связного. Тот дернулся, схватившись за шею, словно пытаясь сдержать невидимые струи крови. Лироу, несколько заторможено наблюдавший за поражением своих последних подчиненных, медленно достал серебряный пистолет с длинным массивным стволом и наставил его на враждебно настроенного противника. Парень замер в паре метров от последней цели.

- Ты хитер. Не представляю, как тебе все это удастся. – В голосе Лироу звучало холодное удивление, смешанное с некоторым чувством неопределенности. Похоже, увиденное произвело на оператора шокирующее впечатление. – Но на этом, видимо все и закончится. Ты – ошибка. Приготовься к исправлению.

Оператор нажал на курок на секунду после того, как Анакин начал двигаться. Пуля прошла чуть над плечом, не задев головы. Не позволяя противнику опомниться, парень тут же перешел в контратаку. Подтянувшись в упор к Лироу, Анакин нанес мощный удар кулаком в грудь. Силой удара оператора откинуло на окно и, вдавив в твердую поверхность, просто вытолкнуло его через толстый слой стекла. Мужчину вынесло на улицу, заставив спиной прочертить кровавый след на дороге от дома. Анакин бесшумно спустился за ним. Сила у парня определенно была не человеческая. Каким-то об-

разом он умудрился отвлечь отряды полицейских к южным районам, а сам незаметно выскользнул из оцепления и пробрался в контрольный пункт. Неужели целому высшему отделу со всеми его агентами, небольшой армии автоматизированных до мозга костей полицейских, и ему самому, операционному оператору, не хватило ума, чтобы задержать всего одного преступника.

Анакин остановился у своей жертвы и присел на корточки, заглядывая ему в глаза. Лироу, с трудом натянув на лицо бессмысленную улыбку, нащупал взглядом в тени капюшона искорки из глаз своего убийцы. На его лице не было улыбки. Не было удовлетворения. Это было лицо молодого парня, который просто хладнокровно убивал представителей закона Ориона. Это были правила его мира. И для него, очевидно, они были «опасными элементами».

- Ты слишком много говоришь. – С холодной ненавистью, прикрываемой какой-то печалью, произнес он. – Твоя ошибка...

- Ты ошибка в нашей системе. – Хрипло ответил оператор. – Ты знаешь это. Тебя уничтожат. Устранят. Все, что ты делаешь бессмысленно. Ты не сможешь разрушить наш мир. Ты всего лишь... потенциальная угроза.

- Для потенциальной угрозы я уже слишком многое у вас отнял. Если маленькая ошибка обретает такое влияние, то пора бы уже задуматься о том, насколько правильна ваша система.

Оператору, на самом деле, уже было без разницы. Он знал, что полученные раны не позволят ему дожить до приезда скорой помощи. Но пока о жив, в сознании работал аварийный маячок, сообщающий об опасности положения оператора и его местоположении. Уже скоро к этому месту стянутся все задействованные отряды служб безопасности.

- Система идеальна,...

- ...Но всегда есть место недочетам. Всегда есть сопротивление. В любой схеме.

- Ты думаешь, ты многого достиг? Думаешь, добился своего? Ты даже не представляешь, какими возможностями мы обладаем...

- Возможности? Создание искусственной личности? Технологии воссоздания характера и воспоминаний? – Усмехнулся Анакин, поразив оператора своей осведомленностью. – Считайте это инновационными технологиями? Вы уже стары, как мир. И также слепы. Они, там наверху, ведь даже не сказали вам, что случилось с Регулусом? Вы даже не знаете, что именно я за враг. И вами они еще пытаются меня остановить...

Лироу с потрясением смотрел на Анакина, понимая, что он прав. Лироу и Квенсу, оставшимся двум операторам, так и не сообщили всех подробностей смерти Регулса. Была объяснена только самоликвидация. И судя по тому, что Анакин знал о технологиях Ориона не оставляло сомнений, что его не просто недооценили. Анакина вообще не восприняли, как противника. До сих пор, о нем известно меньше, чем ему известно об Орионе.

- Я покажу тебе. – Анакин положил руку, накрыв ею лицо оператора и сжав виски. – Что никакого возрождения... уже не будет. Тебя ждет тьма. Чтобы принять тебя таким, каков ты есть.

Неожиданно несколько ярких лучей света осветили центр площади. Воздух наполнился воем сирен и шумом аэродвигателей. Более десятка патрульных машин, кружась над площадью, постепенно спустились на улицу. Вейн прильнул к стеклу своей машины, смотря вниз, на силуэт человека в черном балахоне. Второй раз он видел эту фигуру. Но даже сейчас он чувствовал какой-то иррациональный страх, который вселял Черный Анакин одним своим видом. Самым странным Вейну показалось то, что оказавшись в еще не полном окружении, преступник совсем не спешил скрыться из виду. Очень быстро машины опустились на землю, образовав кольцо оцепления. Часть мобильных осталась в воздухе. Преступник оказался в центре яркого круга, высвечиваемого прожекторами, и вихре шума аэродвигателей, заставляющих слегка колыхаться полы его балахона.

Полицейские отряды, заняв оборонительные позиции за своим транспортом, были экипированы огнестрельным оружием. Агенты высшего отдела старались держаться за основным кольцом оцепления.

не привлекая внимания. Нарушителя определенно не собирались брать живым. Переговорив с офицером, Вейн вышел вперед под прикрытием нескольких стрелков. Нарушитель ввел себя абсолютно спокойно, с казалось бы, обычным любопытством рассматривая стражей порядка. Его взгляд медленно прошелся по представителям закона и остановился на женщине и девочке, стоящих у черной машины за оцеплением. Это была Ника и ее мать.

- Сохраняйте спокойствие. - Произнес Вейн, перекрикивая шум сирен и двигателей. - Возможно, мы сможем все уладить. Решить все миром.

Анакин перевел взгляд на Вейна, медленно взмахнув руками, должно быть показывая, что именно это он и делает. Не дождавшись более определенного ответа, Вейн решил продолжить.

- Мы заботимся о целостности твоего сознания. Твои поступки еще могут быть исправлены. Ты ведь не убийца. Иначе бы использовал настоящее оружие, а не трюки с «призраком». У тебя, как и у твоих жертв еще есть будущее...

- Мое сознание чисто. - Громко и четко произнес преступник. Это был не совсем тот голос, который ожидал услышать Вейн. - У моих настоящих жертв нет будущего. Я не нарушитель. И не больной. Я убийца. Я тот, кто изменит этот мир.

- Ты заблуждаешься! Невозможно в одиночку изменить мир. У тебя все равно бы не получилось постоянно скрываться и прятаться... Неужели ты не видишь, что твой путь окончен?

- Я никогда особо не прятался. Это они прятали меня. - Анакин неопределенно махнул рукой в стороны агентов из высшего отдела. - Все мои «преступления», каждый ход и его последствия прятали они. Скрывали это от людей, манипулировали СМИ. Вы сами дали мне возможность оставаться незамеченным, неизвестным противником. Но не сейчас. В этот раз, все замаять не получится. Меня и мой ход видели не мало людей. Прочистить мозги всем вам не получится. Скоро все изменится. В этот раз, я выиграл даже больше, чем вы.

Вейн замолчал, пораженный логикой нарушителя. Что-то странное в словах Анакина заставило его напрячься. Почему, оказавшись в окружении, преступник ведет себя так легко и говорит о победе? Не дожидаясь новых реплик со стороны Вейна, Анакин сделал шаг в сторону Ники и ее матери. На второй шаг прозвучал выстрел.

- Стойте! Не стреляйте! - Воскликнул Вейн.

Несколько четких выстрелов, пронзили грудь и спину нарушителя. Анакин дернулся, изогнув спину, и плавно опустился на землю, устремив взгляд в небеса. С другой стороны послышались жалобные крики Ники, рвущейся в центр круга, но мать с холодным безразличным выражением лица держала дочь мертвой хваткой. По всем машинам послышалось шуршание радио переговоров. Несколько полицейских вышли из оцепления, двигаясь к телу преступника. Вейн присоединился к проверяющим, внимательно следя за тем, как один из патрульных присел на колено и скинул капюшон Анакина.

- Невозможно. - Пронеслось у первых, увидевших лицо преступника.

Это был второй оператор Лироу. На его лице не сохранилось никаких эмоций, кроме какой-то блаженной опустошенности. Взгляд холодный глаз отражал ночное небо. Вся его форма была в крови, которую прикрывал темный плащ.

- Всем немедленно покинуть оцепление! - Прозвучал громкий голос кого-то из агентов. Вейн поспешил вернуться к машине, все еще е веря своим глазам. То, что произошло, абсолютно не укладывалось в голове. Последнее, на что Вейн, силясь понять происходящее, обратил внимание, это были суесящиеся агенты высшего отдела, и плачущая девочка, уткнувшись личиком в абсолютно безразличную к происходящему мать.

Что происходит? Этот мир сошел с ума?

Storywriter (Макс Писатель)

Интервью с автором

ЧГК:

Макс, ты рисуешь и пишешь. Интерес к чему возник раньше?

Макс:

Прежде всего к придумыванию. Придумывал я много и хотелось хоть как-то начать реализовывать свои фантазии. Наверное, рисовать я начал раньше, так как это было проще, но только в историях я смог воплотить сюжеты и миры, которые сложно было показать рисунками.

ЧГК:

Зависит ли от настроения то, чем ты хочешь заниматься в тот или иной момент? Какое настроение больше подходит Макс-художнику, а какое Макс-писателю?

Макс:

Зачастую от настроения зависит очень многое. Так как силой воли я не отличаюсь, и лень - моя хозяйка, то настроение и вдохновение важны для того, чтобы что-то сделать. Хотя рисовать мне проще. В рисование есть определенное увлечение, которое никогда не надоест. А писательство зачастую требует упорства...

ЧГК:

У тебя есть любимые писатели/художники? Книга/картина?

Макс:

Нет. Этого точно нет. Я читаю, наблюдаю, смотрю за чем-то, но конкретно ничем не увлекаюсь.

Хотя есть пару мультипликационных студий, которые я могу счесть своими кумирами.

ЧГК:

Какой жанр в литературе тебе интересней читать? В каком интересней писать?

Макс:

Читать мне больше нравится фэнтези и фантастику, самое простое, что покупает своей «сказочностью». Сам же готов писать в любом направлении, но почтив езде большую роль играет интерес к юным персонажам и их историям и характерам...

ЧГК:

А что насчет картин? Любимые стили, способы рисования, направления?

Макс:

В этом плане у меня нет ни критериев, ни стереотипов или интересов. Я свято верю, что каждый сам себе художник и не обязательно для этого иметь фаворитов. Если учесть восточный стиль аниме, который в основном встречается не только в моих работах, но и историях, то это уже скорее личный авторский стиль. И то всего лишь некоторая база, которую я использую для формирования своего

особенного стиля. И сомневаюсь, что за это время я буду обращаться к каким-то художникам или

даже к аниме. Скорее это будет что-то лично мое

ЧГК:

Расскажи что-нибудь о себе, какую-нибудь интересную историю из жизни. Может бы что-то что подтолкнуло тебя к творчеству, или усилило твое желание творить и создавать?

Макс:

«Творить и создавать») звучит как девиз моей компании мечтателей, которая состояла из узкого круга моих друзей. Более 10 лет мы создавали истории, да и наша собственная история полна детских сюжетов. Ссор и обид, дружбы и мечтаний, которых мы достигали. Вместе учились рисовать, создавать сюжеты, ... придумывали истории, выросли, но как дети оставались верны ролевым играм, которые и породили в нас «творцов». Сейчас компания почти распалась. Один из ее членов вышел из нее на расвете фантазии, но остался хорошим другом. Другой же... другой мне как брат. И мы с ним еще много обещали друг другу придумать

ЧГК:

Есть в твоей жизни какие-либо правила, которым ты стараешься следовать?

Макс:

Может и есть, только я постоянно на них забиваю... Хотя, есть одно конкретное. Я пару лет назад дал себе зарок. Плюнул на весь мир, на мораль и решил, что буду стараться поступать с людьми так, как едва ли кто-то из них поступит со мной. Я не хочу, чтобы этот мир был хуже того, что рисуют в сказках и красивых сюжетах, где царит любовь и хеппи энд. Я стараюсь как можно больше привнести в реальность того, чего многим не хватает. Добра, сожаления, понимания, надежды, веры... все то, что можно назвать настоящим волшебством. Разве это не классно, когда отчаявшийся человек вновь обретает надежду. Мы столько про это читали... пусть такое случается и в реальности.

ЧГК:

Ну, и в конце, что ты можешь посоветовать для пробуждения вдохновения? Как придумать новую интересную идею? Есть какой-то свой рецепт?

Макс:

Все гениальное просто, так ведь? Чтобы получилось что-то хорошее, на мой взгляд, нужно просто писать то, что нравится. Я ловлю вдохновение случайно. Чаще из музыки, придумывая определенные настроения и моменты под понравившийся трек. А по сути, не стоит забывать, что все новое - это хорошо продуманное старое. Это заон спирали и чистого человеческого развития. На бояться брать идеи из других источников. Разум и взгляд все равно все по-своему переделает)

Призрак Меллисалии

Мужчина вошел в тронный зал. Если бы не приказ короля, стражи ни за что не пропустила бы странного человека во дворец. Черный стеганный плащ с капюшоном, скрывавшим лицо, посверкивал металлическими вставками, отражающими падающие из окон солнечные лучи, и при каждом шаге высокой, сутулой фигуры еле слышно позвякивал. Станный мужчина, казалось, брезгливо обходил квадраты света на полу, будто бы это грязные лужи, а немногочисленная прислуга, встречаясь со взглядом странных желтых глаз, что, казалось, светились из зева капюшона, старались как можно скорее уйти с пути чужака.

- ... Салман Бист, Выше Величество.

Очередной претендент - огромный широкоплечий варвар, с ниспадающими на плечи светлыми волосами, опустился на колено перед тронном, на котором восседал монарх. На спине его пустел крепеж для традиционного оружия северян: обоюдоострого топора. Покрытые руническими символами массивные золотые обручи на предплечьях указывали на то, что перед королем преклонил колено варвар благородных кровей.

- Я сын Валдена, правителя Кмирта. - продолжил северянин, подняв взгляд на самодержца. Голос его был низким и звучным, наполненным силой. - Как только отец узнал о страшной вести, он сразу отправил меня сюда.

На вошедшего в тронный зал высокого, сутуловатого человека в старомодном стеганном плаще никто не обратил внимания, так тихо появился он за спинами придворных, увлеченных разговором монарха и благородного варвара.

Все знали, что дворяне со всего королевства приходят сюда за одним -- записаться в герои. Всем хотелось стать спасителями прекрасной дочери короля и, как следствие, её мужем. Но больше всего претенденты хотели обзавестись таким могущественным тестем.

- Встань, благородный воин, - несмотря на усталый, даже измученный вид, голос короля оставался властным. Самодержец поднялся с резного трона и подошел к преклонившему колено варвару. Могучий северянин поднялся и придворные с удивлением отметили, что разменявший шестой десяток монарх не уступает молодому воину ни ростом, ни статью. - Я благословляю тебя. Иди, и не возвращайся без моей Амелии.

Мало кто мог догадаться, что король внутри уже почти смирился с тем, что больше не увидит свою дочь -- народ верил, что, Годуэй Хладнокровный готов к любым трудностям, что он никогда не сдастся, а мудрый правитель старался не показывать своих чувств, дабы люди не теряли присутствия духа.

«Без Амелии не возвращайся», - подумал король с грустью. - «А они и не возвращаются...»

Варвар согнулся в поклоне, развернулся и прошел через строй придворных зевак к двери, у которой стоял, прислонившись к стене странный человек. Пройдя мимо него, северянин встретился взглядом с желтыми, горящими как у кота в темноте, глазами и остановился в замешательстве, но мужчина в старомодном плаще отлип от стены и прошествовал в середину зала, туда, где совсем недавно преклонял колено молодой воин.

- Ихитиар Ферро, Ваше Величество.

По залу прошелся шепоток, переросший в гул. Стаявшие подле трона рыцари взялись за мечи, но король поднял правую руку и придворные замолчали, а верная охрана так и не обнажила оружия. Со дня восстания Меллисалии прошло целых двадцать лет, но оставшиеся в живых жители колонии были изгнаны из королевства Трех Земель, а на их место пришел другой народ, верный своему королю.

- Чего ты хочешь, меллисалиец? - спросил монарх, нахмутив густые брови, седые, как и длинные ухоженные волосы и коротко стриженная борода. - Ты, видно, ищешь смерти?

- Отнюдь, ваше величество, - ответил пришелец и скинул с головы капюшон. В толпе снова зашептались, кто-то ахнул, раздался звук падающего тела. - Я пришел восстановить справедливость...

Абсолютно лысая голова меллисалийца была покрыта следами старых ожогов, цвет бутрящейся от

шрамов кожи был бурым. Пришелец вообще мало походил на живого человека -- только, что глаза его, горящие желтым огнем, нельзя было перепутать с очами мертвеца.

- И о какой же справедливости ты говоришь? - зло поинтересовался король. Его лицо становилось гневным, в глазах начинал плясать холодный огонь ярости, не предвещавший чужаку ничего хорошего.

- Зятю монарха, я думаю, позволят править Меллисалией? Не самое большое приданное, не правда ли? Толпа загудела. Охранники посмотрели на самодержца и тот коротко кивнул, после чего рыцари вытаскивали из ножен мечи и двинулись к нахалу.

- Останови своих псов, король, иначе ты никогда не увидишь дочь! - крикнул меллисалиец, сделав шаг назад и выставив перед собой руку.

- Стойте, - сказал монарх и верные воины остановились, но оружия не убрали -- смотрели на пришельца как палачи на приговоренного, ожидая отмашки правителя. - Что ты там сказала про мою дочь?

- Только я знаю, как попасть в замок Саммерсета!..

Салман Бист ушел в кувырок, выставив перед собой топор. Струя ядовитой желчи ударила в дерево и зашипела, распространяя вокруг едкий смрад блевотины и разложения. Ящер бросился на северянина, клацая длинными, тонкими как иглы, но крепкими как сталь, острыми зубами. Твари, превосходящей могучего варвара в размерах чуть ли не вдвое, требовалось время, чтобы железа выработала новую порцию вонючей жижи.

Уклонившись от укусившей пустоту над головой пасти хищника, Салман подпрыгнул над длинным, шипастым хвостом ящера, который хотел таким хитрым ударом перебить воину ноги и, приземлившись, с размаху срубил твари заднюю лапу. Брызнула зеленая кровь, и чудовище, истощно вопя на одной ноте, начало скрести оставшимися тремя конечностями по сырой от прошедшего недавно дождя земле.

Варвар бросился на поверженного врага, размахивая топором, словно обезумевший от ярости берсерк и разрубил несколькими мощными ударами тело жуткого хищника на три части.

Это была уже четвертая тварь. Каин Саммерсет знал, как защитить свои владения.

Молодой варвар медленно зашагал туда, где виднелись острые шпили высоких башен замка Темного Принца, прислушиваясь к каждому шороху, доносящемуся из леса.

Пространство раздулось пузырем и вогнулось вовнутрь, образуя черный провал, из которого вышел человек в старомодном стеганном плаще. Его глаза горели в темноте безумным желтым огнем. Он сделал несколько шагов, после чего пространственный пузырь за ним беззвучно схлопнулся, и рухнул на колени.

«Да, все таки телепортация во владения Темного Принца -- занятие тяжелое и неблагодарное», - подумал меллисалиец, поднимаясь на ноги, все еще чувствую легкие слабость и головокружение.

Мужчина достал из кармана плаща пузырек с красной жидкостью, поднес его к губам, и, прошептав коротенькое заклинание, быстро проглотил содержимое. Солоноватый, отдающий железом вкус приятно растекался по языку и силы вернулись к Ихитиару.

Меллисалиец легким кошачьим шагом пробрался через аллею ко дворцу Саммерсета, но не стал убивать охранников -- караул у главных ворот замка менялся каждые пол часа, так что, увидев тела сослуживцев, стражники поднимут шум и это наверняка сорвет все планы Ферро.

Вместо безумного штурма, Ихитиар повторяя про себя заклинание для отвода случайных глаз, обошел величественное здание с правой стороны и постучался в маленькую, неприметную дверцу, ведущую в комнаты прислуги. С замком они не общались никаким проходом, но хитрого Ферро это мало беспокоило.

- Как думаешь, Петтер, зачем хозяин похитил эту девку?

- Знамо зачем...

- Думаешь, для любовных утех?

- Не знаю, Вилли, не знаю... Но девка -- что надо!
 - А тебе почем знать?
 - А Лирой рассказывал.
 - Это тюремщик, что ли?
 - Ага. Он говорит, что хозяин принцесску-то свою в подвал посадил, пока сама к нему с поклоном не попросится...
 - Погоди, идет кто-то...

Стражники настолько увлеклись разговором, что не успели выхватить мечи из ножен -- могучий молодой варвар с размаху разрубил своим огромным топором одного, от плеча до поясницы, а другого ударил ногой в живот, да с такой силой, что бедолагу отбросило к колонне, а его кираса вогнулась внутрь. Бесстрашную попытку стражника подняться северянин пресек пинком в лицо, да таким мощным, что у несчастного хрустнули шейные позвонки.

Салман подошел к высоким резным дверям и замахнулся своим огромным топором, с лезвия которого сорвались несколько капель крови...

«Чернь перебить -- не со стражей воевать», - подумал меллисалиец, перерезая горло спящему слуге. Старик задергался, когда острое лезвие стилета распорол морщинистую кожу и Ферро прижал его слабеющее тело к постели. Кровь попала убийце на лицо и он, жадно облизав перепачканные губы, жутко ухмыльнулся.

Меллисалиец мог бы убить старика куда как быстрее и безболезненнее: точным уколом в сердце или же попросту свернуть несчастному шею... Но Ихитиару хотелось крови и жестокости, они, казалось, придавали ему сил и делали его заклинания мощнее.

Но время поджимало и Ферро добил остальных слуг - пожилую женщину и девушку (наверное, жена и дочь старика) без особой кровожадности и быстро.

Когда с нежелательными свидетелями было покончено, меллисалиец подошел к стене, за которой должен был быть проход к темнице. Точный план замка он выведал у главного инженера, занимавшегося строительством цитадели Темного Принца. Для того, чтобы отыскать в царстве мертвых нужного духа (что поделать, такова доля архитекторов и инженеров, работающих на темных властителей - по завершению строительства их тут же убивают, дабы не раскрывали нежелательных секретов), Ихитиар провел в трансе почти двое суток и замучил на жертвенном алтаре троих рабов, специально купленных на невольничьем рынке для таинства перехода.

Меллисалиец положил руки на холодный шершавый камень, испачкав поверхность стены кровью еще не успевших остыть жертв, закрыл глаза и начал шептать слова древнего заклинания. Слог был трудным и, если бы Ферро ошибся, последствия могли быть непредсказуемыми. Незначительная оговорка могла привести к тому, что древняя колдовская сила разорвала бы его надвое, превратила в ледяную глыбу или вырвала все внутренности невидимой когтистой лапой и повесила на его же собственных кишках. Но Ферро не ошибся. Он вообще редко ошибался.

Стена медленно, но верно стала терять четкость, расплываться, а затем и исчезла вовсе. Вполне возможно, что каменная плита материализовалась и рухнула где-то неподалеку, раздавив собой нескольких человек. По крайней мере, Ферро именно на это и рассчитывал...

Меллисалиец шагнул в образовавшийся проход и бесшумной тенью скользнул в коридор, ведущий к лестнице вниз, в темницу...

Темный Принц Каин Саммерсет крепко спал в объятиях Серой Нимфы - могущественной ведьмы, поборовшей и старость, и само время. За долгие века вечно юная прелестница освоила немало постельных трюков, заставлявших мужчин отдавать все свои силы на её ложе.

Темный Принц тоже прожил долгую жизнь. Он умирал, но возрождался снова, завоевывал мир, терял его, сраженный очередным непобедимым героем, и все начиналось заново. Своеобразный круговорот Добра и Зла в природе. Внешне молодой, в душе он оставался древним стариком.

Но Серая Нимфа... О да, она разожгла в нем огонь страсти, угасший, казалось навсегда. Саммерсет

даже забыл про свое новое увлечение - принцессу Амелию - строптивую дочь этого напыщенного короля Годуэя, окружившего себя сильнейшими магами Трех Земель, но не приставившего к любимому чаду даже хотя бы обычного чародея...

Стоит ли винить обессиленного после ночи любви - своеобразного поединка страсти между Тьмой и Сумерками, Каина за то, что его магические способности (которые, по правде говоря, он использовал в эту ночь и в любовных утехах) на время угасли, до утра сделав Темного Принца обычным мужчиной, забывшимся блаженным сном в объятиях очаровательной любовницы.

Так что о том, что в эту ночь творилось в его замке, могущественный маг не знал. Ему, впервые за многие века, хотелось просто отдохнуть. Он был в гостях у самой прелестной ведьмы, за всю историю колдовства и магии, на другом конце света.

Здоровенный лысый тюремщик, дремавший на массивном табурете возле клетки, подвешенной к потолку, даже не успел ничего понять, когда тонкий длинный стилет вошел в его сердце. Он лишь широко раскрыл глаза и тут же закрыл их, после чего рухнул лицом вниз на неровные плиты, покрывавшие пол.

Ферро опустил ржавый рычаг вниз и клетка начала медленно опускаться.

- Кто ты? - между прутьев решетки просунулась девичья голова. Светлые волосы принцессы были спутаны, лицо чумазым, но ясные синие глаза смотрели на спасителя без страха.

Ихитиар молча подошел к клетке и подобрав подходящий ключ со связки, снятой с пояса убитого тюремщика, открыл ржавую дверцу.

Принцесса, пригнувшись, выбралась из своего персонального узилища. На ней было некогда изящное, а ныне рваное, грязное платье зеленого цвета.

- Я пришел, чтобы доставить вас домой, Ваше Высочество, - сказал меллисалиец чистую правду...

- Оставь её, демон. - Крикнул спустившийся по лестнице варвар. Его тело и оружие было перепачкано кровью, а меховая безрукавка, казалось, была ею пропитана насквозь. - Иначе, клянусь Солнцем, я вырву твое гнилое сердце и скормлю его крысам.

Ферро поклонился принцессе и сделал несколько шагов навстречу северянину, на ходу закинув в рот какие-то пилюли. Злобно зарывав, Салман бросился на меллисалийца, грозно размахивая своим огромным топором, пролившим так много крови этой ночью. И вот, когда до соперника оставался всего один шаг, Ихитиар исчез - мгновенно растворился в воздухе.

Опешивший варвар остановился и закрутил головой в поисках шустрого меллисалийца... Именно в этот момент колдун, будто из ниоткуда, появился за его спиной и несколько раз уколол воина в область поясницы своим длинным стилетом, вгоняя лезвие по самую рукоять. Северянин дико заорал, и попытался развернуться вместе с ударом топора, но не смог и обессилено рухнул на колени.

Ферро хладнокровно схватил его за волосы, дернул голову варвара на себя и несколько раз полоснул молодого воина по горлу. Салман истошно завопил, но его крик, в прямом смысле, захлебнулся. Через несколько мгновений северянин завалился на бок и затих. Вокруг него быстро растекалась кровавая лужа.

Предчувствие чего-то неотвратимого грызло короля изнутри, всю ночь не давая сомкнуть глаз. Было уже утро, когда он сидел в тронном зале, выслушивая речь очередного претендента, как вдруг, перед самодержцем задрожал воздух, выгнулся пузырь, искажая за собой пространство, и из черного провала вышел меллисалиец, ведя под руку принцессу Амелию.

- Дочь моя, - воскликнул король и, встав с трона, сбежал по ступенькам вниз ... И наткнулся словно на невидимую стену. Ноги будто вросли в землю, не хотели идти к Амелии, вопреки желанию отца.

- Знаете, ваше величество, почему я стал таким? - спросил меллисалиец, сбрасывая с головы капюшон и открывая обезображенное уродливыми шрамами лицо. - Когда мне было восемь лет, в наш городок в Меллисалии приехал ваш наместник...

Вокруг удерживающего девушку колдуна столпились придворные маги и рыцари, взяли его в плотное кольцо, но никто не мог сдвинуться с места, никто не мог пробиться сквозь невидимую стену, которой

окружил себя меллисалиец.

- Этот жирный боров откуда-то узнал, что мой отец, овдовевший за год до этого, взял себе в жены молодую красивую девушку. Наместник требовал первую брачную ночь с ней. Это право даровали ему вы, Ваше Величество, если запомятавали... Когда отец отказался отдавать женщину, которую полюбил, в грязные лапы этого борова и выкрикнул из окна нашего дома, что, дескать, свадьбу сыграли два дня назад и Его Светлость опоздали, наместник пришел в ярость. Он приказал заложить все двери и окна... Меллисалиец на секунду замолчал. Его большие желтые глаза наполнились слезами и влага, скопившись на нижних веках, скатилась по его лицу, оставив две мокрые борозды.

-... Когда слуги натаскали связки хвороста и дров, наместник лично поджег их факелом. Я видел, как умирают в огне мои отец и мачеха, как заживо сгорает моя сестра... - колдун снова ненадолго замолчал, успокаивая взволнованные воспоминаниями чувства. - Когда наместник уехал, жители потушили пламя и стали разбирать пепелища, чтобы похоронить наши останки... Не знаю, какие темные боги или демоны защищали меня в тот день, но я выжил. А когда меня выходил старый колдун, что пользовался в нашем городе всеобщем уважением и почетом, я стал его учеником...

Никто не смел перебить меллисалийца, но когда он замолчал, король обреченно спросил:

- Чего ты хочешь от моей дочери? При чем здесь она?

- Ни при чем, - спокойно ответил колдун, не сводя своих жутких желтых глаз с короля.

- Тогда к чему все это? - закричал король, не в силах больше сдерживать эмоции. Вокруг меллисалийца придворные маги творили охранные знаки, шептали заклинания, махали жезлами, а воины гремели оружием и доспехами, но пробиться сквозь невидимую защиту колдуна они так и не смогли.

- Я хочу, чтобы ты страдал, - ответил Ферро и, схватив принцессу Амелию, находившуюся в состоянии, близком к трансу, за шею, с легкостью поднял её в воздух. Через мгновение глаза колдуна полыхнули яркой вспышкой, и тело девушки охватило пламя.

- Нееет! - закричал король, не в силах сдвинуться с места. Он просто стоял и смотрел, как его единственная дочь умирает в огне, как она корчится от боли. Крик девушки был настолько диким и полным боли, что монарх не выдержал и, схватившись за сердце, рухнул на пол.

Когда от Амелии осталась лишь черная головешка, отдаленно напоминающая человеческое тело, позади меллисалийца вспух пространственный пузырь, и он шагнул в открывший темный зев портала.

Политехник (Антон Зырянов)

Панда

Маленькая панда –
Ласковый зверёк
Запахи лаванды;
Вдоль и поперёк
Бегают ребята,
Радостно крича.
В лапку – и помята
Ветка бамбука.
Панда дико рада
Веточке и я
Дико рад, что панда
Цвета янтаря
Без забот играет,
Веточку жуя.

Alex the Panda

Другу

Ты помнишь трепетные даты,
Когда дурачились с судьбой
И провожали мы закаты
Веселой, дружною толпой?
И опьяненные мечтами
Глядели ввысь, под облака,
Давали клятву на века –
И звались лучшими друзьями!

Хорошее то было время...
Не знали тяжести тоски,
Не знали, что такое бремя –
Мы были к детству так близки!
Все подросли, улыбка стала
Немного тоньше и грустней -
С собою стали мы честней
В границах жизненного бала.

Но знаем место, где в печали,
Хоть будет кто из нас седой,
Мы вновь друг друга повстречаем.
- Ну, здравствуй, друг мой дорогой!
Слова пройдут через невзгоды,
Пройдут тернистый, сложный путь.
И в этом, брат мой, дружбы суть –
Хранить ее все эти годы!..

Kairon (Вячеслав Кайгородов)

Почему кошки не летают?

А ведь дракон похож на кошку -
Тоже мурлыкает немножко,
Тоже спит с утра и до ночи,
Тоже хозяина обрести хочет...

Только кошка летать не умеет,
Только на дракона глазеет,
Только о своих крыльях мечтает,
На дракона глядит и вздыхает...

А знаете, я всё-таки верю -
Кошки летают на самом деле,
Просто про крылья они забыли,
Просто людей они полюбили...

Но когда-нибудь она узнает,
Что и кошки тоже летают,
Крылья мохнатые распахнёт
И с драконом в небеса уйдёт...

Banankos

За чашкой горячего кофе

За чашкой горячего кофе,
За трубкой на тёмном столе,
Окурены ровные строфы
Блокотных и узких полей.
Темно, приоткрыто окошко,
За ним густо падает снег,
А в кресле устроилась кошка,
Ей дела до глупостей нет.

А где-то, над снежным заслоном,
Пылает-танцует звезда,
Не та, что блестит на погоне,
Совсем, уж поверьте, не та!
Она полыхает и рвётся
На встречу в один кабинет,
Где с трубочным дымом сольётся
Кофейный волшебный букет!
Звезда эта в строчках любовных,
На многих – ах, многих! – полях,
Не только – не столько! – блокотных
(Ведь где не черкнёшь впопыхах?).
Сквозь бури и отсветы молний,
Горит она ярче, упорней.

За чашкой холодного кофе,
За трубкой на пыльном столе,
Никем не прочтённые строфы
Исписанных узких полей.
Распахнуто ветром окошко
И снег там давно перестал
Исчезла пушистая кошка,
Исчез пожилой генерал.

Alex the Panda

Золотые часы

Как угодно меня называй
Мазохист, сумасшедший, дитя.
Только душу мою не терзай
Или рви, но хотя бы любя.

Пусть никчемный я, дуралей
Пусть не веришь в мою любовь
Подари лишь немного дней,
А затем растерзай меня вновь.

Я ведь соткан всего лишь из фраз,
Я не стою твоей чистоты?
А вокруг миллионами глаз
Опьянят золотые мечты.

Но очнувшись от сотканных снов,
Окружит одиночеством гладь
Снова вспомнишь слепую любовь,
И продолжишь мне душу терзать.

Леван Тодадзе

Забудь, что ранило когда-то...

Забудь, что ранило когда-то,
Что заставляло вздрагивать в ночи.

Забудь немые сны,
Что душу рвали на куски.
Сотри обиды, боль, тоску,
Печаль, невзгоды и потери.
Сотри все то, что так давно болело.

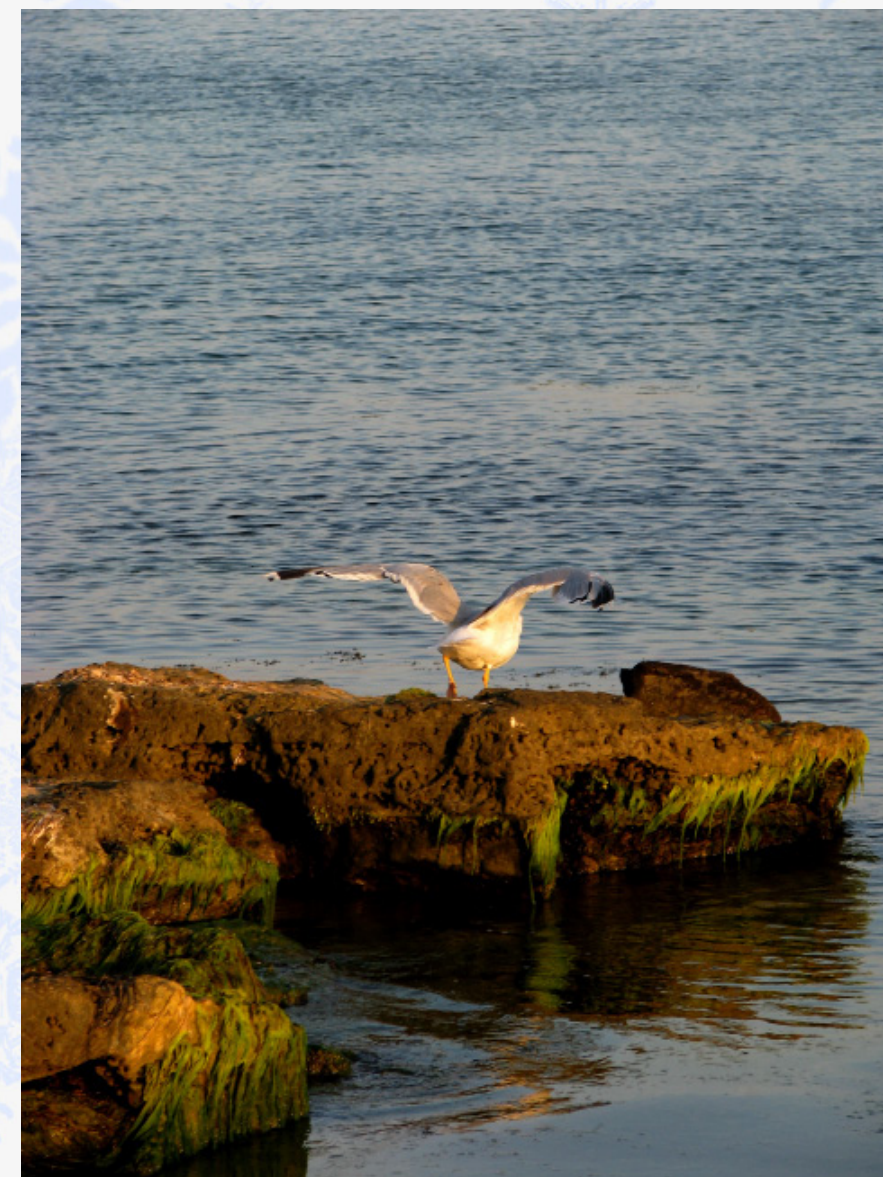
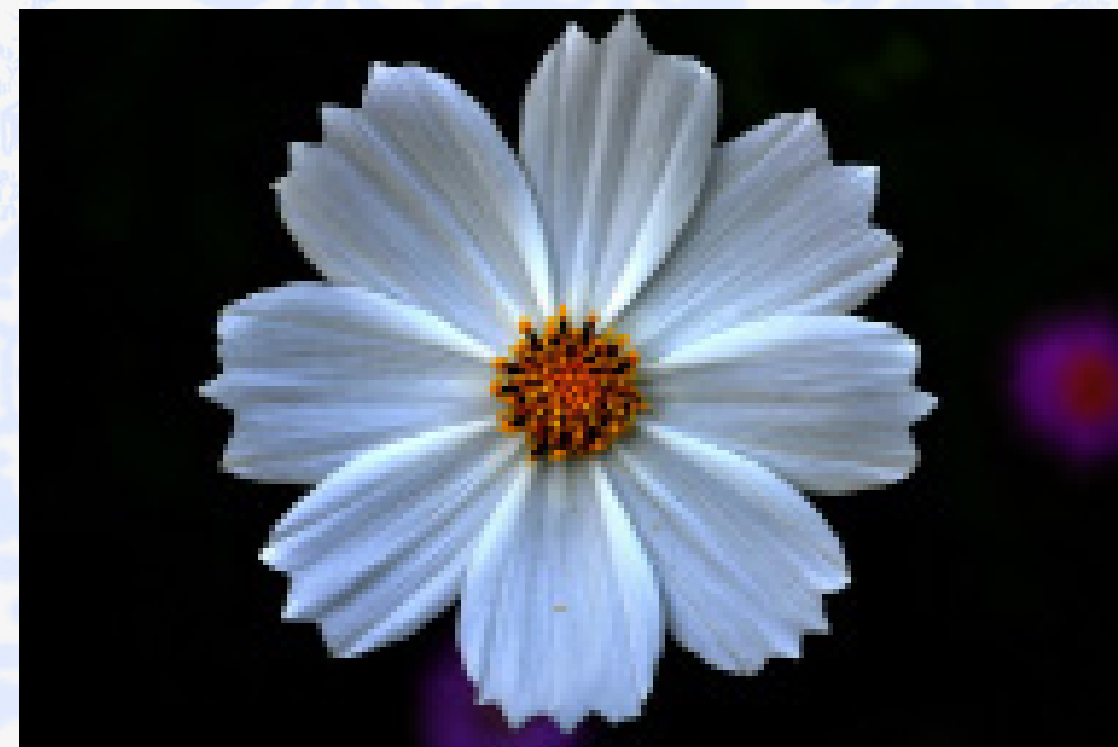
Не говори, что ты несчастен,
Что мир утратил всякий цвет...

Неправда, нет!
Запомни, все в твои руках-
Ты их не должен опускать!
Захочешь – рай, захочешь – ад,

И в выборе твоём
Никто не будет виноват.
Ты сам творишь судьбу свою,
Тебе ее и проживать!

Veterperemen (Юлия Куриленко)

Чашка Горячего Кофе. Что почитать?

Патрик Ротфус, «Имя ветра»

Что самое важное в книгах зарубежных авторов - сюжет, персонажи, стиль, нет самое важное это то, чьи кривые ручки доберутся до великолепной книги и переведут её, так что фанатам захочется повесится на ближайшем суку. Сколько великолепных книг было загублено по истине аматорски-безвкусным переводом, сколько сожалений было отпущено из-за недостаточного знания языка первоисточника. И насколько, я был обрадован, когда книга одного из самых перспективных писателей, так называемой новой волны фэнтези, человека, которого признали величайшие писатели современности, нашла достойную реализацию на рынке стран СНГ. Огромное спасибо хочется сказать переводчикам: «Молодцы ребята, подошли к книге со знанием дела и душой».

Что ж перейдём непосредственно к книге, первым стоит отметить по истине новаторский подход к магии, и построению магических структур, изящно, понятно, и что самое интересное, только не пугайтесь - научно обосновано. Причём многие приёмы, описанные в книге имеют реальные жизненные аналоги, одним словом весьма оригинально и необычно. Но как бы ни были хороши новаторские разработки и оригинальные построения, как сказал классик, самым интересным для людей являются сами люди, то есть персонажи. Они же поистине многогранны и необычны, у каждого есть хорошие и плохие качества, и чем глубже ты погружаешься в мир героя, тем острее понимаешь, насколько он глубок и запутан, когда за каждым вторым дном кроется третье. Отношения между героями с каждой страницей делают ещё один веток, приобретая новые краски и формы.

Сюжет тоже не остался без внимания автора, а если честно, то интриги, и загадки, не оставят равнодушными ни одного любителя, по настоящему закрученного и интригующего сюжета: когда за каждой занавеской прячутся сильные и умные, враги, а по твоему следу рыщут кровожадные тени прошлого, стремясь выесть тебя изнутри. И не смотря на то, что ты главный герой, ни каких поблажек, и подарков судьбы ждать не приходится. За силу и знания придётся бороться, и с каждым новым шагом силы врагов лишь возрастают, а глупых ошибок они делать не собираются. Поэтому если вы хотите окунуться в мир полный интриг, магии, и простых человеческих чувств, эта книга для вас.

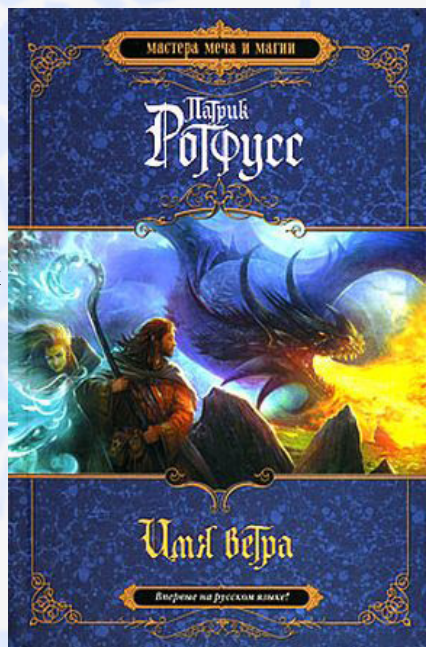
Rey_Silver

Джеймс Клавелл, «Сёгун»

Джеймс Клавелл – автор мирового масштаба, знакомый каждому любителю исторических и приключенческих романов. Его стиль узнаваем, язык прост, а повествование затягивает в пучину событий и не отпускает до последней точки. Нет, не так. Его истории никогда не отпустят из своих объятий, и читатель будет возвращаться в любимые эпохи к любимым героям, чтобы снова переживать, любить и драться. И сегодня я представлю самый известный роман американского писателя – «Сёгун».

Любовь и политика. Война и дружба. Запад и Восток. Жизнь и смерть. Сюжет книги разворачивается в период Сэнгоку, или Эпоху воюющих провинций, когда Япония горела в пожаре междоусобных войн, и дайме (феодалы) боролись за власть над страной и императором. И чужеземцы, прикрываясь торговыми соглашениями, беспардонно вмешивались во внутренние дела земли самураев и диктовали свои правила устами церкви, разжигая новый огонь.

Клавелл способен сохранять интригу и не раскрывать главных козырей до самого конца. Персонажи живые и запоминающиеся, почти все

Чашка Горячего Кофе. Что почитать?

герои имеют реальных исторических прототипов. Страницы пропитаны жестокостью и кровью, свойственных не депрессивным сюжетам темного фэнтези, а реальной жизни. Любовь и дружба живут в сердцах героев и раскрываются, потому что даже правитель – всего лишь человек. Но сильный духом. Несгибаемой силой духа и воли пронизана вся книга, рассказывающая о великих людях своего времени.

Роман манит ароматом Востока и страшит дикостью, пугающей западного человека. Таинственная и воинственная Япония. Столкновение Запада и Востока неминуемо, взаимопонимание почти невозможно. Но даже здесь, на чуждой земле человек способен найти свое я и изменить судьбу.

Несомненно, читатель будет улыбаться и удивляться, ненавидеть и восхищаться. Никто не останется равнодушным, потому что Джеймс Клавелл рассказывает не просто историю, он говорит о жизни.

Kairop (Кайгородов Вячеслав)

СЕКРЕТЫ НАСТОЯЩЕГО КОФЕ

«Кофе приводит все в движение! Идеи рождаются быстро и в изобилии.»
Оноре де Бальзак

Споры по этому поводу не утихают уже многие века. Об этом рассуждали средневековые схоласты и медики, монахи и правители. Напиток запрещался и разрешался вновь, писались петиции с просьбой запретить это дьявольское зелье и издавались указы (эдикты), повелевающие пить этот божественный эликсир, проясняющий ум и укрепляющий сердце. Да и сейчас в современной медицине нет единого мнения относительно «безусловного вреда» или «несомненной пользы» этого напитка. Единственная грустная новость — хороший кофе не может быть дешевым. Весь процесс настолько трудоемок и сложен, что его любое удешевление тут же приводит к снижению качества продукта. Кофейное дерево дает урожай только на 4-5-й год. С дерева кофе получают примерно 2,5 кг ягод, что составляет около 500 г зеленых зерен кофе или около 400 г обжаренных. Как и у апельсинового дерева, на ветках кофейного дерева одновременно красуются цветы, зеленые и спелые ягоды. Можно себе представить, как сложно собирать урожай кофе. К примеру, на кенийских плантациях его вручную собирают 7 раз в год!

Процесс сбора и обработки кофе трудоемок и включает в себя множество этапов. Конечно же, существуют более дешевые альтернативы, но, увы, удешевление процесса неизбежно сказывается на качестве кофе.

Самый лучший кофе получается, если: собирать его вручную ферментацию (отделение зерен от ягоды) производить «влажным» методом (100 л воды на 10 кг ягод) вручную сортировать его по размеру и цвету, а также отделять «черный» и «кислый» боб (сиречь кофейное зерно) — так называемый «кислый» боб способен испортить хороший кофе.

Наконец кофе собран и упакован в джутовые мешки, после чего он готов для жарки. Здесь на первый план выступают кофейные эксперты или «мастера жарки», которые одновременно являются и дегустаторами. Они досконально знают вкус своего клиента: в Финляндии любят легкий и ароматный кофе, в Германии и Бельгии — более густой с ярко выраженным вкусом, а в Испании — черный и насыщенный.

Процесс обжаривания имеет множество нюансов. Редко «чистые» сорта кофе обладают полным букетом, способным удовлетворить взыскательному вкусу кофейного гурмана. Именно «мастера жарки» и создают сложный и изысканный кофейный букет, достойный восхищения знатока.

В процессе жарки (в течение 20 мин при 220°C) происходит сложная химическая реакция, при которой 900 ароматов, «спящих» в зеленых зернах кофе, высвобождаются наружу (для сравнения, в апельсиновом соке выделяют только 3 аромата). Опять же в качестве альтернативы «медленной» существует «быстрая» жарка, которая используется для средних и обычных сортов.

Для качества кофе очень важен помол, т. е. как мелко и каким образом зерна были смолоты. Зерно должно быть раздавлено, а не разрезано, кроме того, в хорошей мельнице зерно не должно нагреваться.

И конечно же, очень важно, как упакован кофе, так как на свету и под воздействием кислорода жиры и алкалоиды, содержащиеся в кофе, очень быстро разлагаются.

Предпочтительный вариант — это герметичная железная банка или герметичная непрозрачная упаковка с односторонней мембраной, чтобы кофе мог «выдохнуть».

Vlad_Fei

И вот Вы на последней странице второго номера нашего журнала!

Мы постарались учесть Ваши пожелания, которые Вы нам оставили, и сделать журнал лучше.

Да, сделано еще не все, но с каждым номером мы будем становиться лучше и интересней для Вас! Поэтому мы с нетерпением ждем Ваших отзывов к произведениям и журналу в целом. Вы можете оставить их у нас на сайте! Заходите, мы всегда рады новым мнениям, идеям и предложениям!

От себя лишь добавлю, что приятно, когда твоей работой кто-то интересуется. Если мы смогли заставить Вас задуматься о своей жизни, или же наоборот, просто помогли Вам отдохнуть, значит мы уже чего-то добились! И будем идти дальше!

Благодарим за внимание!

До следующего выпуска ;)
С уважением, **dinalt**.

Команда создателей журнала «Чашка Горячего Кофе»

- главный редактор - **dinalt (Владимир Заричнюк)**
- редактор поэтического направления - **Veterperemen (Юлия Куриленко)**
- редактор прозаического направления - **dinalt (Владимир Заричнюк)**
- редактор раздела о конкурсах - **dinalt (Владимир Заричнюк)**
- идея дизайна страниц номера - **Veterperemen (Юлия Куриленко)**
- верстальщик - **dinalt (Владимир Заричнюк)**

Отдельная благодарность пользователям сайта **Avert, Lord, Panda, KaiRon, hunter u Шампуена!**

Копирование материалов журнала (частичное или полное) возможно только с разрешения авторов!